

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (НИ ТГУ)
Факультет исторических и политических наук
Кафедра новой, новейшей истории и международных отношений

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ В ГЭК

Руководитель ООП

д-р. ист. наук, профессор

 В.П. Румянцев

« 10 » июня 2019 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

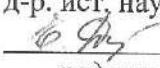
Экспертная оценка старообрядчества в высших духовных учебных заведениях Санкт-Петербурга и Казани во второй половине XIX – первой четверти XX вв.

по основной образовательной программе подготовки магистров
направление подготовки 46.04.01 – История

Мицук Алексей Алексеевич

Научный руководитель ВКР

д-р. ист. наук, профессор

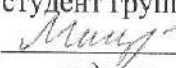
 Е.Е. Дутчак

подпись

« 10 » июня 2019 г.

Автор работы

студент группы № 031314

 А.А. Мицук

подпись

Томск-2019

АННОТАЦИЯ

к магистерской диссертации на тему: «Экспертная оценка старообрядчества в высших духовных учебных заведениях Санкт-Петербурга и Казани во второй половине XIX – первой четверти XX вв.»

Настоящая работа выполнена студентом факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета группы № 031312 А.А. Мицуком, которая состоит из введения, трех глав (шести параграфов), заключения, списка использованных источников и литературы и приложения. Во введении обосновывается научная проблема и актуальность данного исследования, описывается историография проблемы, обозначен предмет и объект исследования, определены его цели и задачи, хронологические рамки, а также методологическая основа, источниковая база и практическая значимость работы.

Объект исследования – текстуальное и научное наследие синодальных церковных историков И.Ф. Нильского, П.С. Смирнова, Н.И. Ивановского и М.Н. Васильевского.

Предметом исследования являются методы экспертной оценки старообрядчества, разработанные в высших духовных учебных заведениях Санкт-Петербурга и Казани во второй половине XIX – первой четверти XX вв.

Цель исследования – на основе научных публикаций Санкт-петербургских и казанских расколоведов охарактеризовать процесс формирования эксперта по истории и современному состоянию староверия.

В первой главе прослеживается развитие церковной исторической науки во второй половине XIX – первой четверти XX вв. и причины появления нового научно-практического направления – истории старообрядчества. Глава состоит из двух разделов: первый раздел посвящен реформам в системе духовного образования, анализу их успехов и провалов. Во втором разделе выявлена степень влияния реформ в высшей духовной школе на развитие церковной исторической науки и выделение из сообщества синодальных историков группы исследователей, разработавших новую академическую дисциплину с уникальными теоретическими подходами под названием «расколосектантство».

Вторая глава представляет собой оценку научной и общественной деятельности Санкт-петербургских церковных историков. Глава включает в себя два раздела. В первом разделе реконструирована научная биографии профессора Санкт-Петербургской духовной академии И.Ф. Нильского, заложившего традиции научной коммуникации между исследователями старообрядчества с помощью публикаций рецензий и критических обзоров в православной периодической печати. Второй раздел главы посвящен анализу карьеры П.С. Смирнова, прошедшего путь от рязанского штатного миссионера до

ординарного профессора Академии, разбору основных его научных трудов, написанных с целью усовершенствования профессиональной подготовки противораскольнических миссионеров Российской империи.

Третья глава содержит анализ научных, учебных и публицистических трудов казанских расколоведов. В первом разделе освещены основные этапы жизни профессора Казанской духовной академии Н.И. Ивановского и обстоятельства разработки им нового, историко-полемиического, подхода к исследованию староверия. Во втором разделе рассматриваются основные вехи жизни и научные изыскания профессора М.Н. Васильевского, видевшего своей целью вернуть старообрядцев в официальное православие через программу расширения прав священнослужителей и прихожан единоверческих церквей.

Ключевые слова: история старообрядчества; церковная историческая наука; научная экспертиза в религиоведении.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. РАЗВИТИЕ ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВВ.	14
1.1 Реформы в системе духовного образования России второй половины XIX – первой четверти XX вв.	14
1.2 Церковно-историческая наука во второй половине XIX – первой четверти XX вв.: формирование сообщества исследователей старообрядчества.	26
ГЛАВА 2. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ СТАРОВЕРИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВВ.	37
2.1 «На всё есть свои специалисты»: экспертная оценка старообрядчества во второй половине XIX в. в трудах профессора И. Ф. Нильского.	37
2.2 «От рязанского миссионера до Санкт-Петербургского учёного»: научное изучение старообрядчества в трудах профессора П. С. Смирнова во второй половине XIX – первой четверти XX вв.	50
ГЛАВА 3. ПРОТИВОРАСКОЛЬНИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВВ.	68
3.1 Историко-полемический метод изучения староверия в публикациях «профессора-миссионера» Н. И. Ивановского	68
3.2 «Жизнь раскольника в православном государстве»: исследование староверия в трудах профессора М. Н. Васильевского в первой четверти XX столетия	80
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	97
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	100
Источники	100
Литература	121
ПРИЛОЖЕНИЕ А	141

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. 2018 год уже вошел в историю православия как год нового церковного раскола. Предоставление Константинопольским патриархом томоса¹ об автокефалии учрежденной неканонической Православной Церкви Украины (далее – ПЦУ) стало поводом для разрыва отношений Русской Православной Церкви (далее – РПЦ) с Константинопольской Православной Церковью. На языке церкви это означает отказ от совместных богослужений и принятия таинств, невозможность посещения прихожанами храмов, находящихся под юрисдикцией «противной стороны». Одной из причин сложившейся ситуации стал кризис межгосударственных отношений Российской Федерации и Республики Украины.

Переплетение политических и религиозных интересов ставит вопрос о составе экспертных комиссий, способных обеспечить квалифицированную оценку происходящего. В настоящее время в Российской Федерации решение этой задачи возложено на Экспертный совет по религиоведческой экспертизе при Министерстве Юстиции. Однако этот институт едва ли можно назвать компетентным органом, поскольку с момента его образования в 1998 г. так и не определены требования к членам совета, в том числе к их образованию и профессиональной деятельности². Вместе с тем российская историческая наука уже имеет опыт решения аналогичных задач, когда во второй половине XIX – первой четверти XX вв. существовали центры по экспертизе церковных расколов и изучению оппозиционных официально православию конфессий. Они были представлены кафедрами истории и обличения русского раскола духовных академий, где готовили специалистов по ставшей актуальной и сегодня научной дисциплине – «расколоведению».

Сотрудники этих кафедр являлись авторами научных трудов, в их обязанности входило составление экспертных заключений для судебно-следственных органов и ведение полемики с «раскольниками и сектантами». Однако лишь немногие из них обладали главным качеством эксперта в области межконфессиональных отношений – способностью к объективной оценке религиозных деноминаций, вероучение и социальная практика которых противоречила или отрицала государственную религиозную доктрину. По мнению автора, к таким исследователям-экспертам с полным правом можно отнести лишь профессоров Санкт-Петербургской (И.Ф. Нильский, П.С. Смирнов) и Казанской (Н.И. Ивановский, М.Н. Васильевский) духовных академий.

¹Томос – указ предстоятеля поместной православной церкви по некоторому важному вопросу церковного устройства.

²См.: Герасименко Ю. В., Ваврух В. В. Религиоведческая экспертиза: проблемы и пути их решения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2014. № 4 (55). С. 11–12.

Это обстоятельство позволяет сформулировать **научную проблему** магистерской диссертации – факторы формирования историка-религиоведа как профессионального независимого эксперта, умеющего игнорировать государственную идеологию, общественные стереотипы и в какой-то мере даже личное неприятие в отношении представителей других конфессий.

Обзор литературы (историография) в магистерской диссертации дан по хронологическому принципу и представлен двумя группами исследований. В первую группу вошли труды, посвященные реформам высшего духовного образования и их влиянию на сообщество ученых, изучавших во второй половине XIX – первой четверти XX вв. историю и современное состояние старообрядчества в целом, а ко второй отнесены научные работы, в которых охарактеризована научная и профессиональная деятельность Санкт-Петербургских и Казанских синодальных историков.

Преобразование социальных институтов во второй половине XIX в. изменяли ценностные установки общества, что подтолкнуло РПЦ к структурной перестройке. Так, в работах Б.Г. Литвака³, Г.Г. Леонтьевой⁴, А.В. Апанасенка⁵ была выявлена взаимосвязь задач модернизации Российского государства (преодоление военной и социально-экономической отсталости) с пертурбациями учебных планов и научной деятельности в православных духовных академиях, направленных на улучшение профессиональной подготовки церковно- и священнослужителей.

Изменения в духовных академиях во второй половине XIX – первой четверти XX вв. проводились через введение уставов, регламентирующих научно-исследовательскую, преподавательскую и общественную деятельность преподавателей в академиях. Исследованиями уставов 1869 г., 1884 г., 1910–1911 гг. занимались ученые – И.В. Воробьев⁶, О.Д. Попова⁷, П.О. Борзенко⁸, С.Г. Осьмачко⁹ – в трудах которых

³См.: Литвак Б. Г. Русское православие в XIX веке // Русское православие. Вехи истории. М., 1989. С. 309–379.

⁴См.: Леонтьева Т. Г. Православная культура и семинарский быт (конец XIX – начало XX в.) // Отечественная история. 2001. № 3. С. 1–33.

⁵См.: Апанасенко А. В. Религиозный традиционализм в провинциальной России: история старообрядческих сообществ Центрального Черноземья в XVII – начале XX века [Электронный ресурс] // А. В. Апанасенко; Региональный открытый социальный институт. Курск, 2014. 397 с. Электрон. версия печат. публ. Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

⁶См.: Воробьев И. В. Реформы высшего духовного образования во второй половине XIX – начале XX веков // Богословский сборник. Вып. 9. М.: Изд-во православного Свято-Тихоновского богословского института, 2002. С. 272–292; Воробьев И. В. Ревизия духовных академий в 1908 г. // Вестник православного Свято-Тихоновского богословского института. Вып. 1. М.: Изд-во православного Свято-Тихоновского богословского института, 2003. С. 32–106; Воробьев И. В. Реформы духовных академий 1905–1911 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2004. 24 с.

⁷См.: Попова О. Д. Поместный собор 1917–1918 годов и проблема духовно-учебных заведений [Электронный ресурс] // Magistra vitae: электрон. журнал по историческим. наукам и археологии. 2007. № 21 (99). С. 86–98. Электрон. версия печат. публ. Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

сравниваются принятые духовные уставы и дается подробная история их разработки и принятия.

В продолжении изучения духовных уставов следует выделить исследования Н.Ю. Суховой¹⁰, которая придает особое внимание развитию церковно-исторической науки в духовных академиях, и доказывает, что окончательное отделение церковной истории от богословских дисциплин произошло в ходе введения университетских уставов 1869 и 1884 гг. Отныне церковная историческая наука разделялась на множество научных направлений, где особое место приобрела теоретическая разработка науки «расколоведения».

Важность для настоящей работы имеют исследования Н.Н. Покровского¹¹, А.Д. Камзиной¹² и К.А. Кузоро¹³, раскрывающих теоретико-методологические принципы синодальных историков, занимавшихся историей старообрядчества. Религиозная точка зрения церковных историков на церковный раскол показана не как негативная черта, а как уникальная особенность отечественной церковно-исторической научной школы расколоведения. К тому же, в нескольких статьях томского историка К.А. Кузоро реконструирован социальный портрет церковного историка, показана связь между

⁸См.: Борзенко В. О. Высшая духовная школа в системе образования пореформенной России: реформа академий 1869 г. [Электронный ресурс] // Власть. 2014. № 11. С. 189–194. Электрон. версия печат. публ. Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

⁹См.: Осьмачко С. Г. Уставы духовных академий 1869 и 1884 гг.: дискурсивное поле либерального и консервативного нарративов // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 6 (105). С. 344–352. Электрон. версия печат. публ. Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

¹⁰См.: Сухова Н. Ю. Дискуссия 1909 г. о проблемах высшего духовного образования и богословской науки [Электронный ресурс] // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2 : История. История русской православной церкви. 2007. № 2 (23). С. 32–57. Электрон. версия печат. публ. Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“; Сухова Н. Ю. К вопросу о педагогической подготовке выпускников высшей духовной школы в контексте реформ XVIII–XX вв. [Электронный ресурс] // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Серия 4 : Педагогика. Психология. 2007. № 3 (6). С. 70–91. Электрон. версия печат. публ. Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“; Сухова Н. Ю. Государственная политика России в сфере высшего духовного образования (XVIII – начало XX в.) [Электронный ресурс] // Известия Алтайского гос. ун-та. 2009. № 4-4. С. 235–242. Электрон. версия печат. публ. Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“; Сухова Н. Ю. «Идея академии» в подготовке и проведении духовно-учебных реформ XIX – начала XX в. [Электронный ресурс] // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2013. Вып. 2 (6). С. 138–153. Электрон. версия печат. публ. Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“; Сухова Н. Ю. «Историко-богословская революция» в высшей духовной школе России [Электронный ресурс] // Филаретовский альманах. 2013. № 9. С. 135–169. Электрон. версия печат. публ. Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

¹¹См.: Покровский Н. Н. Пути изучения истории старообрядчества российскими исследователями // Археографический ежегодник за 1998 год. М. : Наука, 1999. С. 3–20.

¹²См.: Камзина А. Д. Проблема истории старообрядчества и борьбы с ним в русской православной церкви в трудах дореволюционных и советских исследователей [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского гос. пед. ун-та. Электронный научный журнал. 2007. № 2. С. 128–134. Электрон. версия печат. публ. Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

¹³См.: Кузоро К. А. Церковная историография старообрядчества: возникновение и эволюция (вторая половина XVII – начало XX вв.) [Электронный ресурс]. Томск, 2011. – 182 с. Электрон. версия печат. публ. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

исследовательскими подходами и общественно-культурной деятельностью ученых-богословов и материально-хозяйственными аспектами их повседневной жизнью¹⁴.

Не менее полезными для магистерской диссертации стали научные труды, раскрывающие историю Санкт-Петербургской и Казанской духовных академий, дореволюционных (И.А. Чистович, С.А. Терновский)¹⁵ и современных (Д.А. Карпук, Журавский)¹⁶ авторов. В этих работах дается характеристика научной и преподавательской деятельности церковных историков, оценивается степень вовлеченности расколоведов в академическую жизнь и их взаимоотношения внутри преподавательской корпорации. Несомненными преимуществами исследованиями Д.А. Карпука и А.В. Журавского является последовательное изложение истории развития духовных академий в изменяющемся социокультурном пространстве России конца XIX – первой четверти XX вв.

Ко второму блоку литературы отнесены труды, посвященные биографии и критическому разбору санкт-петербургских и казанских церковных историков. Санкт-петербургскую научную школу расколоведения представляли два профессора – И.Ф. Нильским и П.С. Смирновым. Востребованность научного наследия профессора Санкт-Петербургской духовной академии И.Ф. Нильского в настоящее время подтверждают работы Н.С. Гурьяновой¹⁷, А.П. Веселовой¹⁸, Е.В. Головань¹⁹. Отдельно стоит выделить библиографическую статью Д. Залетова, в которой исследователь приходит к выводу, что труды церковного историка «... несомненно, ждут своего изучения и анализа, тем более что вопрос происхождения и развития старообрядчества, а также диалог со

¹⁴См.: Кузоро К. А. Изучение истории российским духовенством во второй половине XVIII – начале XIX века [Электронный ресурс] // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2011. № 11. С. 21–27. Электрон. версия печат. публ. Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“; Кузоро К. А. Церковный историк: особенности восприятия и способы работы (XIX– первая четверть XX вв.) [Электронный ресурс] // Религиоведение. 2013. № 2. С. 36–46. Электрон. версия печат. публ. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та; Кузоро К. А. Понимание истории в трудах церковных историков XIX – первой четверти XX веков [Электронный ресурс] // Материалы III междунар. научно-богословской конф. : Церковь. Богословие. История. Екатеринбург, 2015. С. 298–304. Электрон. версия печат. публ. Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

¹⁵См.: Чистович И. А. Санкт-Петербургская духовная академия за последние 30 лет (1858–1888 гг.). СПб., 1889. II с., 232 с., 164 с., 2 с.; Терновский С. А. Историческая записка о состоянии Казанской духовной академии после ее преобразования 1870 – 1892. Казань, 1892. 652 с., VI с.

¹⁶См.: Карпук Д. А. История Санкт-Петербургской духовной академии (1889–1918 гг.): дис. ... канд. богословия. СПб., 2008. 390 с.; Карпук Д. А. Приложения к диссертации на соискание ученой степени кандидата богословия Карпука Дмитрия. История Санкт-Петербургской духовной академии (1889–1918 гг.). СПб., 2008. 238 с.; Журавский А. В. Казанская духовная академия на переломе эпох, 1884–1921 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. 301 с.

¹⁷См.: Гурьянова Н. С. О восприятии старообрядцами эсхатологических построений предшественника // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 58–61.

¹⁸См.: Веселова А. П. Семья в старообрядческой культуре: опыт исторического исследования: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2007. 229 с.

¹⁹См.: Головань Е. В. Раскол в исследованиях второй половины XIX в. (по каталогам библиотеки костромского общественного собрания, (1899–1906)) [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. Электрон. версия печат. публ. Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

староверами актуален и в наши дни»²⁰. Исследований, посвященных биографии профессора П.С. Смирнова, на данный момент не существует, но в работах трех авторов – Т.А. Богдановой²¹, Д.А. Карпука²², К.А. Кузоро²³ – упоминаются отдельные сведения о его общественной деятельности и дается краткая информация о его академической карьере в Санкт-Петербургской духовной академии.

Казанскую научную школу расколоведения во второй половине XIX в. возглавил один из первых теоретиков научного обоснования противораскольнической миссии – Н.И. Ивановский. Среди исследований авторов А.В. Кострова²⁴, И.Р. Латыпова²⁵, А. Кравецкого²⁶, Е.Е. Дутчак²⁷ значительное место занимает анализ научных достижений церковного историка, его профессиональной и общественной деятельности в епархиальных и гражданских структурах Российской империи.

Жизнь и творчество казанского профессора М.Н. Васильевского была посвящена небольшая статья А.В. Журавского в «Православной энциклопедии», которая перечисляет основные достижения синодального историка и больше похоже на краткую хронику (перечисление фактов) деятельности М.Н. Васильевского. Однако именно эта публикация, при знании основных источников по истории противораскольнической миссии первой четверти XX в., стала отправной точкой к осмыслению вклада «малоизвестного» в научной литературе миссионера и церковного учёного²⁸.

На основе прочитанной литературы автором работы выдвигается **научная гипотеза** – синодальные историки староверия смогли частично преодолеть негативную оценку старообрядчества благодаря тому, что со второй половины XIX столетия формируется тесная методологическая связь между светской и церковной наукой. Это

²⁰См. цит. по: Залетов Д. Заслуженный профессор Санкт-Петербургской духовной академии Иван Федорович Нильский (к 110-летию со дня кончины) [Электронный ресурс] / Д. Залетов // Церковный вестник. 2004. № 10-11. Электрон. версия печат. публ. URL: http://krotov.info/spravki/1_history_bio/19_1890/1831_Nilsky.htm (дата обращения: 24.04.2019).

²¹См.: Богданова Т. А. История архива Санкт-Петербургской духовной академии в фондах Российской национальной библиотеки // К 75-летию Дома Плеханова 1828–2003. Сб. статей и публикаций, материалы конференций. СПб. : Российская национальная б-ка, 2003. С. 150–155.

²²См.: Карпук Д. А. Периодические издания Санкт-Петербургской духовной академии (1821–1917). К 190-летию журнала «Христианское чтение» // Христианское чтение. 2011. № 6 (41). С. 41–89.

²³См.: Кузоро К. А. Церковная историография старообрядчества ... 182 с.

²⁴См.: Костров А. В. Вклад исследователя Н. И. Ивановского в развитие официально-церковной концепции старообрядчества. // Старообрядчество как историко-культурный феномен: мат-лы междунар. науч-практ. конф. Гомель, 2003. С. 128–131.

²⁵См.: Латыпов И. Р. Численность старообрядчества Казанской губернии в XIX – начале XX века [Электронный ресурс] // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Серия: История. Междунар. отношения. 2011. Т.1. № 1. С. 24–29. Электрон. версия печат. публ. Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

²⁶См.: Кравецкий А. Церковная миссия в эпоху перемен (между проповедью и диалогом). М., 2011. 712 с.

²⁷См.: Дутчак Е. Е. Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности тасжных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XXI в.). Томск, 2007. 414 с.

²⁸См.: Журавский А. В. Васильевский Михаил Николаевич / Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 7. С. 237–238.

позволило наиболее талантливым исследователям из духовной среды осознать бесполезность действующей миссионерской парадигмы и дополнить существующую практику «обличения раскола» программой его научного изучения.

Объект исследования – текстуальное и научное наследие синодальных церковных историков И.Ф. Нильского, П.С. Смирнова, Н.И. Ивановского и М.Н. Васильевского.

Предметом исследования является методы экспертной оценки старообрядчества, разработанные в высших духовных учебных заведениях Санкт-Петербурга и Казани во второй половине XIX – первой четверти XX вв.

Цель исследования – на основе научных публикаций Санкт-петербургских и казанских расколоведов охарактеризовать процесс формирования эксперта по истории и современному состоянию староверия. Реализация данной цели предполагает решение следующих задач:

- 1) выявить влияние государственных реформ в сфере высшего духовного образования на становление церковной исторической науки;
- 2) проследить развитие церковной исторической науки и факторы, приведшие к формированию самостоятельного научного направления по изучению староверия прошлого и настоящего;
- 3) определить исследовательские подходы к изучению староверия, сложившиеся в Санкт-Петербургской духовной академии (И.Ф. Нильский, П.С. Смирнов);
- 4) выявить особенности научной программы противораскольнической деятельности, разработанной в Казанской духовной академии (Н.И. Ивановский, М.Н. Васильевского).

Хронологические рамки исследования – 1853–1918 гг. Нижняя граница исследования задана учреждением отделений по изучению старообрядчества при духовных академиях; возложенная на них задача подготовки профессиональных противораскольнических миссионеров привела к появлению корпуса научных исследований староверия. Верхняя граница определяется закрытием духовных академий в России и уничтожением историко-церковных исследований. Выход за пределы указанных хронологических рамок связан с обстоятельствами реконструкции биографий П.С. Смирнова и М.Н. Васильевского, поскольку последние сведения об их деятельности относятся к началу 1930-х гг.

Методология исследования базируется на теоретических основах интеллектуальной истории, которая позволяет проследить формирование интеллектуальной традиции исследователей старообрядчества не только через

рассмотрение преемственности идей и способов мышления, но и как процесс творческого восприятия и создания интеллектуальных продуктов ученого²⁹.

Сохранившиеся научные тексты синодальных историков исследуются нами как результат мыслительных операций, с учетом социально-экономических, политических и историко-культурных контекстов их создания³⁰. Поэтому дополнительным аналитическим приемом, использованным для выявления внешнего средового воздействия на научную, педагогическую и экспертную деятельность церковных историков, стал метод построения научных биографий. При проведении биографического исследования основными параметрами для характеристики научного наследия и практической деятельности церковных историков стали: социальное происхождение, полученное образование, материальное и семейное положение; род занятий, участие в общественной и культурной жизни³¹.

Источники, использованные в магистерской диссертации, в соответствии с видовой характеристикой разделены на делопроизводственные материалы, периодические издания духовных академий, учебные пособия, научные труды и религиозную миссионерскую публицистику.

Делопроизводственные материалы. Данная группа источников представлена, во-первых, уставами духовных академий второй половины XIX – первой четверти XX вв., регламентирующими научную и образовательную деятельность высшей духовной школы³² и, во-вторых, годовыми отчетами и протоколами заседаний академических советов духовных академий Санкт-Петербурга и Казани. Они дают необходимый материал для понимания объемов педагогической нагрузки, особенностей получения академических должностей и научных степеней, показывают механизмы выполнения специальных поручений Св. Синода и степень участия церковных историков в жизни своих духовных академий³³.

²⁹См.: Репина Л. П. Интеллектуальная культура как предмет исследования (Вместо предисловия) // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 6.

³⁰См.: Репина Л. П. Контексты интеллектуальной истории // Диалог со временем. 2005. Вып. 14. С. 8.

³¹См.: Кузоро К. А. Биографический метод в изучении церковной исторической науки XIX – первой четверти XX веков: значение, возможности, перспективы [Электронный ресурс] // Материалы IV междунар. научно-богословской конф.: Церковь. Богословие. История. Екатеринбург, 2016. С. 303–304. Электрон. версия печат. публ. Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

³²См.: Устав православных духовных академий, высочайше утвержденный 30 мая 1869 года. СПб., 1869. 40 с.; Устав и штат православных духовных академий, высочайше утвержденный 20 апреля 1884 года. СПб., 1884. 56 с.; Устав православных духовных академий, высочайше утвержденный 2 апреля 1910 года. СПб., 1910. 65 с.

³³См., например: Отчет распорядительного комитета общества вспомоществования недостаточным студентам Санкт-Петербургской духовной академии за седьмой 1883–1884 год // Церковный вестник. 1884. № 19 С. 12; Отчет о состоянии С.-Петербургской духовной академии за 1894 год // Христианское чтение. 1895. № 3-4. С. 337–366; Отчет о состоянии С.-Петербургской духовной академии за 1895 год. // Христианское чтение. 1896. № 3-4. С. 389–417; Отчет о состоянии С.-Петербургской духовной академии за

Периодические издания духовных академий «Христианское чтение» (Санкт-Петербург) и «Православный собеседник» (Казань) являются основными православными научными журналами, в которых расколоведы публиковали результаты своих исследований в области истории старообрядчества. Печатные издания имели широкую аудиторию в основном благодаря обязательной подписке на них крупных епархий и православных библиотек. Следует заметить, что П.С. Смирнов и М.Н. Васильевский разместили ряд научных статей в указанных журналах, тексты которых полностью идентичны текстам глав их диссертаций на богословские научные степени. Например, первая глава диссертации «Внутренние вопросы в расколе в XVII в. Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным» (1898 г.)³⁴ П.С. Смирнова была опубликована им в 1897 г. в «Христианском чтении» как цикл статей «Взгляд раскола на переживаемое время в XVII в.»³⁵.

Научные труды. Для большинства научных направлений развитие российской исторической и богословской науки, как отмечают сами представители дореволюционных духовных академий, происходило через разработку магистерских и докторских диссертаций. Рассмотрение научных диссертаций церковных историков, посвященных староверию, дает возможность выявить основные идеи и аргументацию авторов, проанализировать способы оценки и интерпретации источников исторической информации, используемые ими теоретико-методологические принципы исследования. В данной работе рассмотрены 3 магистерские и 3 докторские диссертации расколоведов (Н.И. Ивановский не имел степени магистра, а М.Н. Васильевский степени доктора)³⁶. Процесс подготовки и защиты диссертации богословов сопровождался «созданием» дополнительного корпуса текстов – отзывы рецензентов, отчеты о защитах с

1897 год. // Христианское чтение. 1898. № 3. С. 365–400; Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1895 год // Православный собеседник. 1897. Ч. 1. Июнь. Приложения. С. 193–272; Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1895 год // Православный собеседник. 1897. Ч. 2. Июль. Приложения. С. 273–346; Отчет о состоянии Казанской духовной академии за 1898–1899 учебный год // Православный собеседник. 1900. Ч. 1. Январь. Приложения. С. 1–54.

³⁴См.: Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб., 1898. СХХХIV с., 237 с., 121 с.

³⁵См.: Смирнов П. Взгляд раскола на переживаемое время в XVII веке. // Христианское чтение. 1897. № 1. С. 49–68; Смирнов П. Взгляд раскола на переживаемое время в XVII веке. // Христианское чтение. 1897. № 2. С. 261–276; Смирнов П. Взгляд раскола на переживаемое время в XVII веке. // Христианское чтение. 1897. № 3. С. 391–423.

³⁶См.: Нильский И. Ф. Семейная жизнь в русском расколе. Исторический очерк раскольниковского учения о браке. От начала раскола до царствования императора Николая I. СПб., 1869. Вып. 1. 406 с., IV с.; Нильский И. Ф. Семейная жизнь в русском расколе. Исторический очерк раскольниковского учения о браке. Царствование императора Николая I. СПб., 1869. Вып. 2. 256 с., IV с.; Ивановский Н. И. Критический разбор учения беспоповцев о церкви и таинствах. Казань, 1883. 421 с.; Смирнов П. С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909. V с., 363 с., 176 с.; Васильевский М. Н. Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I. Казань, 1914. 254 с., V с.

академическими дискуссиями³⁷, которые в совокупности позволяют судить о научном вкладе каждого диссертанта в разрабатываемую тему и его экспертной деятельности.

Кроме того, эта группа источников представлена двумя работами «Беседы со старообрядцами в трех селах Казанской епархии» и «Беседы со старообрядцами в Нижнем Новгороде, произведенные миссионерами разных епархий, и беседы раскольников между собой в 1902 г.», изданными под редакцией Н.И. Ивановского в форме диалога автора со старообрядцами. Главная цель этих сочинений – это погрузить читателя в атмосферу диспута, где показаны сложности организации бесед и аргументированность точек зрения участвующих сторон³⁸.

Учебные пособия. В дореволюционной России для обучения студентов духовных семинарий были приняты Учебным комитетом Св. Синода и выпущены, во-первых, «Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола с присовокуплением сведений о сектах рационалистических и мистических» (в 3-х частях). Это пособие, подготовленное Н.И. Ивановским, с 1883 по 1909 гг. переиздавалось с дополнениями семь раз³⁹. Еще одно не менее популярное пособие под названием «История русского раскола старообрядчества» (1893 г.) было подготовлено П.С. Смирновым в бытность его ещё практикующим миссионером и преподавателем Рязанской духовной семинарии (переиздано в 1895 г. в типографии Санкт-Петербурга⁴⁰). Исследуемые учебники являются классическими трудами, по которым духовные учебные заведения всех регионов страны готовили будущих противораскольнических миссионеров на протяжении почти 60 лет – с последней трети XIX до первой четверти XX вв.

Религиозная миссионерская публицистика, задействованная в ходе работы, представлена статьями рязанского миссионера (будущего профессора Санкт-Петербургской духовной академии) П.С. Смирнова в региональной газете «Рязанские епархиальные ведомости» с 1889 по 1890 гг. и в специально учрежденном журнале для противораскольнических миссионеров «Миссионерский сборник» с 1891 по 1894 гг. Данные публикации стали отправной точкой осмысления П.С. Смирновым состояния противораскольнической миссии, что в конечном итоге повлияло на его решение глубже

³⁷См., например: Магистерский коллоквиум // Церковные ведомости. Прибавления к церковным ведомостям. 1899. № 2. С. 82–83.

³⁸См.: Ивановский Н. И. Беседы со старообрядцами в трех селах Казанской епархии. Казань, 1877. 74 с.; Ивановский Н. И. Беседы со старообрядцами в Нижнем Новгороде, произведенные миссионерами разных епархий, и беседы раскольников между собою в 1902 г. Нижний Новгород, 1902. 70 с.

³⁹См.: Ивановский Н. И. Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола с присовокуплением сведений о сектах рационалистических и мистических. Казань, 1900, изд. шестое. Часть 1. 278 с.; Ивановский Н. И. Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола с присовокуплением сведений о сектах рационалистических и мистических. Казань., 1909, изд. шестое доп. Часть 2, 3. 249 с.

⁴⁰См.: Смирнов П. С. История русского раскола старообрядства. СПб., 1895. 275 с., 34 с., IV с.

изучить вероучение старообрядцев по их сочинениям, находящимися в академических библиотеках и архивах Санкт-Петербурга.

Не менее важным источником являются публикации священников Казанской епархии в «Известиях по Казанской епархии» о миссионерских поездках преподавателя Казанской духовной академии М.Н. Васильевского. В них заключаются материалы о «духовных увещаниях» М.Н. Васильевским, показывающие методы и приемы ведения публичных прений церковного историка со староверами и убедительность аргументации, использованной противоборствующими сторонами⁴¹.

Перечисленные источники в полной мере отражают процессы формирования и особенности профессиональной деятельности специалиста – эксперта в области истории, догматики и обрядовой практики староверия во второй половине XIX – первой четверти XX вв., что позволяет нам решить задачи магистерской диссертации.

Практическая значимость работы. Теоретические выводы проведенного исследования предназначены для определения конкретных требований и критериев к отбору членов религиозоведческих экспертиз регионального и всероссийского уровней. Помимо этого, используемый фактический материал и выявленные автором причинно-следственные связи могут быть задействованы при разработке учебных и методических пособий по историографии России досоветского периода и истории развития отечественного религиозоведения.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав (6 параграфов), заключения, списка использованных источников и литературы и приложения.

В первой главе прослеживается развитие церковной исторической науки во второй половине XIX – первой четверти XX вв. и причины появления нового научно-практического направления – истории старообрядчества. Глава состоит из двух разделов: первый раздел посвящен реформам в системе духовного образования, анализу их успехов и провалов. Во втором разделе выявлена степень влияния реформ в высшей духовной школе на развитие церковной исторической науки и выделение из сообщества синодальных историков группы исследователей, разработавших новую академическую дисциплину с уникальными теоретическими подходами под названием «расколосектантство».

Вторая глава представляет собой оценку научной и общественной деятельности Санкт-Петербургских церковных историков. Глава включает в себя два раздела. В первом

⁴¹См.: Иона, иеродиак. Беседы со старообрядцами в г. Казани (13-го января 1913 года) // Известия по Казанской епархии. 1913. Отдел неофициальный. № 17. С. 550–551; Грачев П., свящ. Беседы со старообрядцами в гор. Казани 10-го ноября 1913 года // Известия по Казанской епархии. 1913. Отдел неофициальный. № 46. С. 1362–1367.

разделе реконструирована научная биографии профессора Санкт-Петербургской духовной академии И.Ф. Нильского, заложившего традиции научной коммуникации между исследователями старообрядчества с помощью публикаций рецензий и критических обзоров в православной периодической печати. Второй раздел главы посвящен анализу карьеры П.С. Смирнова, прошедшего путь от рязанского штатного миссионера до ординарного профессора Академии, разбору основных его научных трудов, написанных с целью усовершенствования профессиональной подготовки противораскольнических миссионеров Российской империи.

Третья глава содержит анализ научных, учебных и публицистических трудов казанских расколоведов. В первом разделе освещены основные этапы жизни профессора Казанской духовной академии Н.И. Ивановского и обстоятельства разработки им нового, историко-полемиического, подхода к исследованию староверия. Во втором разделе рассматриваются основные вехи жизни и научные изыскания профессора М.Н. Васильевского, видевшего своей целью вернуть старообрядцев в официальное православие через программу расширения прав священнослужителей и прихожан единоверческих церквей.

ГЛАВА 1. РАЗВИТИЕ ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВВ.

1.1 Реформы в системе духовного образования России второй половины XIX – первой четверти XX вв.

Российское духовное образование в синодальный период выполняло важную роль в подготовке церковно- и священнослужителей, которые становились главными трансляторами официальной идеологии государства – православного христианства. Будучи, последней ступенью высшего духовного образования, – духовные академии (Казанская, Санкт-Петербургская, Московская, Киевская) в дореволюционное время имели центральное место в научно-образовательной и культурно-просветительской деятельности. Но к середине XIX в. высшая духовная школа вступила в стадию кризиса, причины которого были связаны с учебно-методическими и научно-исследовательскими аспектами деятельности духовных академий.

В первую очередь, она проявилась в разнице трактовок термина «ученость». Традиционно он интерпретировался как эрудированность или энциклопедическое «многознание», что противоречило уже сформировавшемуся пониманию целей и методов научного исследования социальной и природной реальности. Академии обвиняли в том, что таких специальных исследований они не проводят и надлежащих научных сочинений не издают, следовательно, богословской науки в Российской империи не существует⁴².

В воспоминаниях церковного историка Е.Е. Голубинского, окончившего Московскую духовную академию до введения нового Устава 1869 г., отражена как раз система преподавания учебных дисциплин в отрыве от их научной разработки: «Я окончил курс семинарии и послан был на казенный счет в Московскую духовную академию в 1854 году... Мы поступили при ректоре Евгении Сахарове (первый магистр Московской духовной академии 1838 года). Наукой в наше время Евгений совсем не занимался и читал нам лекции о мессианских пророчествах, написанных Бог знает когда... Словесность вел Е.В. Амфитеатров. Чтец он был очень хороший, хотя его слушали немного более, чем других. Заимствованные из немецких источников, лекции Егора Васильевича были очень мудрены... Потом курс этих лекции оказался не только составленным на основании немецких источников, а и прямо списанным. Сам Егор Васильевич при жизни своей напечатал одну только статейку о еврейской поэзии, ничего

⁴²См.: Сухова Н. Ю. «Идея академии» в подготовке и проведении духовно-учебных реформ XIX – начала XX в. [Электронный ресурс] // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2013. Вып. 2 (6). С. 143–144. Электрон. версия печат. публ. Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

особенного не представляющую»⁴³. Конечно, среди преподавателей духовных академий были и те, кто строил лекционный материал на основе собственных научных исследований (В.Н. Карпов, И.А. Чистович, М.О. Коялович)⁴⁴, но как правило, они представляли редкое явление в высшей духовной школе.

В результате, выпускники высших духовных учебных заведений не обладали необходимым минимумом специальных богословских знаний, а многие сферы церковной жизни требовали именно таких специалистов. Даже духовные семинарии обращали внимание на то, что вакантные преподавательские должности занимали эрудиты, знающие «обо всем и ни о чем», но не нужные им специалисты, подготовленные к работе на определённой кафедре. Как представляется, проблема заключалась в самой организации учебно-образовательного процесса: передача исследовательского опыта преподавателя студентам осуществлялась исключительно в форме лекций, а при написании выпускной работы отсутствовали научные руководители⁴⁵.

Среди вышеозначенных факторов, определивших необходимость преобразований в высшей духовной академии, стоит выделить еще некоторые контекстуальные события и явления в жизни общества периода Нового времени. Во-первых, усиление роли научного знания и его корреляция с богословием. Достижения в области естественных наук расширили горизонты понимания трех взаимосвязанных объектов: окружающего мира, общества и человека, что автоматически потребовало нового объяснения с богословской точки зрения. Соответственно, церкви потребовались ученые-богословы совершенно другого уровня, способные адекватно ответить на запросы общества.

Во-вторых, изменилась система административно-управленческой функции высшего российского образования. С середины 50-х гг. XIX в. в сознании российского общества университеты представлялись местом свободного научного поиска, в отличие от схоластичной и догматичной духовной школы, которая не поощряла свободу выбора в определении научных интересов. Отсюда становится понятной ситуация массового нежелания выпускников духовных семинарий продолжать обучение в духовных академиях, а наиболее талантливые из них стремились получить высшее образование в университетах. Подобным образом, в 1860 г. будущий русский историк В.О. Ключевский в процессе обучения в Пензенской семинарии разочаровался в духовном образовании и

⁴³Цит. по соч.: Кузоро К. А. Церковная историография старообрядчества ... С. 119.

⁴⁴См.: Катанский А. Л. Воспоминания старого профессора. С 1847 по 1913 год. Нижний Новгород, 2010. С. 98–104.

⁴⁵См.: Сухова Н. Ю. «Идея академии» в подготовке ... Вып. 2 (6). С. 144.

дальнейшую свою судьбу связал с историко-филологическим факультетом Московского университета⁴⁶.

Прежде чем приступить к детальному рассмотрению преобразований в системе высших духовных учебных заведений второй половины XIX – первой четверти XX вв. необходимо отметить, что в указанные хронологические рамки духовные академии претерпели три реформы (1869, 1884 и 1910–1911 гг.). При этом дважды вводились временные правила (1905–1906 и 1917 гг.), регулирующие положения действующих уставов. Активные преобразования сформировали процедуру разработки и внедрения духовных уставов в академиях и определили причастный к этому круг светских и духовных лиц. От имени церкви в реформах участвовали некоторые лица от Святейшего Синода, епископы и, конечно же, сама преподавательская корпорация академий. Император, обер-прокурор Святейшего Синода и представители университетской системы образования в большей мере выражали мнение государственного аппарата⁴⁷.

Совместная деятельность государства и церкви по выработке положений нового духовного устава указывает на одну особенность: осуществление преобразований в духовной школе происходило вместе с реформами светского образования⁴⁸. Это свидетельствует об особом положении православных духовных школ в России. С одной стороны, духовно-учебная система развивалась без отрыва от общего научно-образовательного пространства. Её ученые степени, дипломы, аттестаты были государственными и признавались на всех общественных уровнях империи, т.к. уставы духовных школ утверждались государем и имели юридическую силу закона. Но, несмотря на то, что духовная власть была подчинена светским властям, она также находилась в компетенции высшего церковного аппарата управления⁴⁹.

Для преодоления кризиса в духовной школе, отражавшегося наиболее сильно на подготовке церковно- и священнослужителей, было задумано переустройство духовных академий в духе «Великих реформ» императора Александра II. Идейными вдохновителями изменений в работе духовных академий 60-х гг. XIX в. выступили обер-прокурор Святейшего Синода граф Д.А. Толстой, ректор Санкт-Петербургской духовной академии протоиерей И.П. Янышев и председатель духовного Учебного комитета протоиерей И.В. Васильев. Непосредственное участие в создании нового духовного устава

⁴⁶См.: Осьмачко С. Г. Уставы духовных академий 1869 и 1884 гг.: дискурсивное поле либерального и консервативного нарративов // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 6 (105). С. 345. Электрон. версия печат. публ. Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

⁴⁷См.: Сухова Н. Ю. Государственная политика России в сфере высшего духовного образования (XVIII – начало XX в.) [Электронный ресурс] // Известия Алтайского гос. ун-та. 2009. № 4-4. С. 239. Электрон. версия печат. публ. Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

⁴⁸См.: Кузоро К. А. Церковная историография старообрядчества ... С. 121.

⁴⁹См.: Сухова Н. Ю. Государственная политика России в ... № 4-4. С. 235.

принял Александр II, совершивший в 1858 г. для личного ознакомления с положением дел в духовных учебных заведениях официальные визиты в Нижегородскую, Вологодскую, Ярославскую и Литовскую семинарии. Кроме того, им были затребованы экспертные мнения ректоров семинарий и академий о существующей необходимости и возможных вариантах проведения реформы в духовной школе⁵⁰.

Подготовка к разработке нового устава духовных академий началась с создания специального Комитета по духовно-учебной реформе во главе с архиепископом Херсонским Димитрием (Муретовым), который должен был изучить состояние дел в духовных учебных заведениях Франции и учесть вектор развития богословия в экономически развитых европейских державах⁵¹. Такое заимствование зарубежного опыта с его дальнейшей адаптацией к российской действительности являлось основной стратегией модернизации империи во второй половине XIX в., не исключением стала и одна из самых консервативных организаций – Русская Православная Церковь (далее – РПЦ).

К 1863 г. Комитет по учебно-духовной реформе подготовил проект будущих преобразований, который был разослан по епархиальным учебным управлениям для внесения поправок и обсуждения основных положений устава. Однако он вызвал массу дискуссий, которые продолжались более трех лет⁵², вследствие этого в 1868 г. под руководством архиепископа Нижегородского Нектария (Надежина) был учрежден новый особый Комитет⁵³. Итогом кропотливой работы Комитета в течение всего года стал новый проект Устава духовных академий, одобренный обер-прокурором Святейшего Синода Д.А. Толстым. Документ вступил в силу 30 мая 1869 г. после утверждения его императором Александра II, причем в его тексте особо акцентировалось значение Устава для развития высшего духовного образования и «просвещенного служения Церкви»⁵⁴.

Нововведения Устава 1869 г. коснулись разных сторон жизни духовных академий: административного управления, научно-исследовательской деятельности преподавательской корпорации, организации и структуры учебного процесса.

Следует начать с содержания Устава 1869 г., регламентирующий управление в духовных академиях. Ректор академии (отныне он мог быть из среды белого духовенства) и его помощники избирались тайным голосованием внутри одной академии с дальнейшим

⁵⁰См.: Осьмачко С. Г. Уставы духовных академий... № 6 (105). С. 346.

⁵¹См.: Литвак Б. Г. Русское православие в XIX веке // Русское православие. Вехи истории. М., 1989. С. 358.

⁵²См.: Там же. С. 358.

⁵³См.: Борзенко В. О. Высшая духовная школа в системе образования пореформенной России: реформа академий 1869 г. [Электронный ресурс] // Власть. 2014. № 11. С. 189–190. Электрон. версия печат. публ. Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

⁵⁴См.: Осьмачко С. Г. Уставы духовных академий ... № 6 (105). С. 346.

утверждением их в должности Святейшим Синодом. Функции управления, обучения и воспитания учащихся были переданы в ведение академического Совета, которые теперь могли быть двух типов:

- общие, где заседали все ординарные и экстраординарные профессора для решения важнейших общеакадемических вопросов и проблем;
- «обыкновенные», в состав которых входили ректор и его помощники, инспектора академии и шесть профессоров (по два от каждого отделения). На этих собраниях разбирались вопросы текущего характера, например, принимались решения о сроках заграничных командировок преподавателей академии.

Другим важным органом академии, ведающим исключительно делами хозяйственной части являлось Правление академии. В его число сотрудников входили ректор, инспектор и почетный блюститель по хозяйственной части⁵⁵.

Низшей административной единицей академии являлись отделения – богословское, церковно-историческое и церковно-практическое. Для руководства учебным процессом для каждого отделения из числа ординарных профессоров избирался проректор на четырехлетний срок, который защищал интересы своего отделения в Совете и в Правлении академии. В рабочий штат отделения входили преподаватели по конкретным кафедральным дисциплинам.

В целях повышения качества подготовки будущих пастырей церкви в утвержденном Уставе особое внимание уделялось научной деятельности академий: они были обязаны стимулировать специальные исследования преподавательской корпорации в области богословия и готовить к ним студентов⁵⁶. Реализация этой цели предполагалась через внедрение в академиях специализации на всех уровнях: учащихся с первого по третий курс – по трем отделениям, студентов выпускного курса – по конкретным группам наук, преподавателей – по кафедрам⁵⁷.

Студенты всех отделений академий должны были пройти общеобязательные учебные курсы по следующим дисциплинам: Священное Писание, основы богословия (введение в богословие), философия (логика, психология и метафизика), история философии, педагогика, один древний язык (греческий или латинский) и литература на нем, один современный язык (французский, немецкий или английский).

Помимо обязательных дисциплин студенты проходили подготовку по выбранному направлению. Например, если учащийся проходил обучение по церковно-историческому отделению, то он занимался по определенному списку предметов (Библейская история

⁵⁵См.: Там же. С. 346–347.

⁵⁶См.: Сухова Н. Ю. «Идея академии» в подготовке ... Вып. 2 (6). С. 145.

⁵⁷См.: Там же. С. 145.

Ветхого и Нового Заветов, всеобщая церковная история, история Русской Церкви, история и обличение русского раскола, русская гражданская история и всеобщая светская история) и не изучал дисциплины, которые преподавали на богословском (догматическое, нравственное и обличительное богословие, патристика, древнееврейский язык, Библейская археология) или церковно-практическом (пастырское Богословие, гомилетика, история проповедничества, церковная археология, литургика, каноническое (церковное) право, всеобщая словесность, история русской литературы, русский язык) отделениях⁵⁸.

После окончания третьего курса студенты писали выпускные сочинения, после чего им присваивалась степень кандидата богословия, а на четвертый курс переводились учащиеся успешно прошедшие устные и письменные испытания. В течение всего четвертого курса обучения студенты проходили подготовку для отработки практических навыков в научной и преподавательской деятельности, посещая специально-практические лекции по избранным дисциплинам (в 1874 г. было утверждено 8 групп специализации) и занимались написанием магистерской диссертации, которая нередко являлась переработанным вариантом кандидатского сочинения. После окончания этого курса можно было получить соответствующую степень, но после сдачи особых магистерских испытаний и подготовки магистерской диссертации в виде монографии с дальнейшей её публичной защитой⁵⁹.

Штат преподавателей академии по Уставу 1869 г. состоял из девяти ординарных профессоров и девяти экстраординарных профессоров, восьми доцентов и трёх преподавателей по современным иностранным языкам. Также духовная академия могла иметь неограниченное число приват-доцентов на положении внештатных сотрудников⁶⁰. После нововведений преподаватели были обязаны заниматься учебной и научной разработкой преподаваемых ими курсов, таким образом, от научной деятельности зависел карьерный рост: для экстраординарного профессора и доцента обязательной становилась защита магистерской диссертации, ординарного профессора – докторской. Докторская степень присуждалась после написания специально подготовленной диссертации, которая защищалась публично⁶¹.

Одна из проблем по защитах магистерских диссертаций заключалась в том, что преподаватели небогословских дисциплин были обязаны учитывать в своих исследованиях церковную специфику. На практике это вело к тому, что в исторических

⁵⁸См.: Осьмачко С. Г. Уставы духовных академий ... № 6 (105). С. 347.

⁵⁹См.: Сухова Н. Ю. «Идея академии» в подготовке ... Вып. 2 (6). С. 145–146.

⁶⁰См.: Осьмачко С. Г. Уставы духовных академий ... № 6 (105). С. 347.

⁶¹См.: Сухова Н. Ю. «Идея академии» в подготовке ... Вып. 2 (6). С. 145–146

исследованиях не учитывались достижения светской научной мысли и, тем самым, разрыв между корпорациями церковных и светских историков сохранялся⁶².

Устав духовных академий 1869 г. предоставил высшей духовной школе широкие права в области научно-исследовательской и просветительской деятельности, что выразилось в разрешении проводить публичные лекции, организовывать ученые общества (в том числе, студенческие научные кружки). Их деятельность фокусировалась на подготовке и издании источников христианского вероучения, имеющих непосредственное отношение к истории и современному положению церкви, выпуске обзоров и рецензий на отечественную и иностранную богословскую литературу⁶³.

Духовные академии в результате реформ, предусмотренных Уставом 1869 г., сформировали специалистов в богословских и гуманитарных науках и смогли создать условия для появления множества работ, которые были высоко оценены российским и зарубежным научным сообществом. В отделениях, объединявших преподавателей смежных научных дисциплин, появилась возможность обсуждения и студенческих научных работ. Предоставленная преподавателям свобода в построении своих учебных курсов позволила уделить внимание обзорам литературы и источников, наиболее сложным вопросам или разделам, которые были связаны с исследованиями самого лектора.

Однако к реализации некоторых принципов функционирования этой «революционной» модели большинство учащихся и преподавателей не были готовы, поэтому реформа принесла ряд негативных последствий. Так, те выпускники, которые по замыслу должны были стать венцом духовного образования, в итоге, не смогли выполнить возложенных на них надежд. Практические занятия, рассчитанные на обсуждение и работу с источниками, не смогли стать удобной формой ни для преподавателей, ни для студентов, привыкших к устоявшейся форме подачи материала – лекции. В научных исследованиях преподавателей проявлялось неумение определять место изучаемого вопроса в богословской системе знаний, мелочной скрупулезности и ограниченности методов. Проявили себя и другие проблемы в научных трудах, где специализация изучаемого вопроса уводила автора от богословия и сводила всё исследование к раскрытию исторических деталей или лингвистическому разбору текстов и понятийного аппарата⁶⁴.

Устав 1869 г. привнес революционные изменения во всех областях духовно-академического мира, оказавшись слишком новым и плохо продуманным. Узко

⁶²См.: Осьмачко С. Г. Уставы духовных академий ... № 6 (105). С. 347.

⁶³См.: Кузоро К. А. Церковная историография старообрядчества ... С. 118.

⁶⁴См.: Сухова Н. Ю. «Идея академии» в подготовке ... Вып. 2 (6). С. 148–149.

подготовленные специалисты не были востребованы и чаще отличались плохим знанием общих церковных дисциплин. Перенос акцента на научную функцию преподавателей и студентов в корне изменил базовое богословское образование, уменьшив при этом воспитательную функцию, очень важную для духовной школы, а особенно высшей⁶⁵.

Усиление революционных настроений и популярность идей нигилизма в начале 1880-х гг., убийство революционерами императора Александра II остро подняли вопрос о воспитании народа в духе ценностей Православной Церкви и верности российской монархии, где важными элементами трансляции этих идеологических установок были бы церковно-приходские школы и духовенство. Однако в отчетах ревизионные комиссии и епархиальных преосвященных недостатки учебного и воспитательного процесса преподавателей связывались с развитием научного направления, в чем виделась причина провала «воспитательной части» при подготовке кадров средней и высшей квалификации в духовных академиях⁶⁶.

Отрицательные последствия введения Устава 1869 г. в период царствования Александра III заставили значительно скорректировать высшее духовное образование в стране с помощью Устава православных духовных академий 1884 г. Его назначение явно прослеживается в первом параграфе документа: «Православная духовная академия имеет целью доставлять высшее богословское образование в духе православия, для просвещенного служения Церкви на пастырском, духовно-учебном и других поприщах деятельности»⁶⁷. Следовательно, отныне задачей высших духовных учебных заведений России провозглашалась не подготовка будущих священников к научным изысканиям, а формирование политически благонамеренного церковно-административного персонала⁶⁸.

Новый академический устав 1884 г. привел к отмене трех отделений духовных академий и специальных практических занятий. Теперь учебный план состоял из обязательных дисциплин и предметов по выбору учащегося (первая группа – словесные, вторая – исторические). Обязательными предметами являлись Священное Писание, Библейская история, догматика, гомилетика, введение в богословие, нравственное богословие, история проповеди, церковное право, пастырское богословие, педагогика, история Вселенской Церкви до разделения Церквей, история православной Восточной

⁶⁵См.: Сухова Н. Ю. «Историко-богословская революция» в высшей духовной школе России [Электронный ресурс] // Филаретовский альманах. 2013. № 9. С. 161–162. Электрон. версия печат. публ. Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

⁶⁶См.: Сухова Н. Ю. К вопросу о педагогической подготовке выпускников высшей духовной школы в контексте реформ XVIII–XX вв. [Электронный ресурс] // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Серия 4 : Педагогика. Психология. 2007. № 3 (6). С. 86. Электрон. версия печат. публ. Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

⁶⁷См.: Осьмачко С. Г. Уставы духовных академий ... № 6 (105). С. 351.

⁶⁸См.: Кузоро К. А. Церковная историография старообрядчества ... С. 119–120.

Церкви, история Русской Церкви, литургистика, патристика, церковная археология, философия (логика, психология, метафизика, история философии). К числу словесных дисциплин относились: теория словесности, всеобщая история, русский и церковнославянский языки, палеография, история русской литературы, библейская археология и древнееврейский язык. Дисциплинами исторического цикла являлись история и разбор западных вероисповеданий, история и обличение русского раскола, всеобщая светская история, русская гражданская история, один древний и один современный иностранный язык⁶⁹.

Выборность ректоров и инспекторов отменялась, они снова стали назначаться Святейшим Синодом. Ректор назначался только из среды черного духовенства (монашества), имевшего научные степени. Полномочия ректоров духовных академий усилились, представляя собой «непосредственным, ближайшим начальником академии по всем частям его управления», а постановлением Синода (1895 г.) подтверждалось право ректора по осуществлению надзора «за направлением преподавания» в духовной академии⁷⁰.

Устав духовных академий 1884 г. включал в себя и положения для усовершенствования деятельности академий в подготовке педагогических кадров для средней духовной школы. Авторы устава предполагали, что этому будет содействовать тесная связь академий и семинарий: наблюдая за преподавательской деятельностью своих выпускников, академии смогут корректировать учебные планы. Но в реальности эта связь не была установлена. Возможной причиной следует назвать централизованную систему распределения выпускников по разным духовным семинариям. Духовные академии, таким образом направляя «новоиспеченных» преподавателей по епархиям, снимали с себя ответственность за их дальнейшую педагогическую карьеру⁷¹.

В итоге, учебная деятельность студентов академий не предполагала выбора специальности по научным интересам, а была направлена на подготовку к вакантным должностям в духовных семинариях. Программа обучения учащихся в духовных академиях была наполнена предметами на протяжении всех четырех лет, при этом выпускной курс больше не имел прежних задач. В конце обучения каждый обучающийся выпускного курса академии обязан был заниматься разработкой выпускной работы с параллельным написанием курсового сочинения, что, по мнению автора, уменьшало время для тщательного освоения необходимой литературы и источников, и поэтому предмет исследования кандидатской диссертации оставался не до конца изученным.

⁶⁹См.: Осьмачко С. Г. Уставы духовных академий ... № 6 (105). С. 351.

⁷⁰См.: Осьмачко С. Г. Уставы духовных академий ... № 6 (105). С. 351.

⁷¹См.: Сухова Н. Ю. К вопросу о педагогической подготовке ... № 3 (6). С. 88–89.

Изменения коснулись и соискателей научных степеней магистра и доктора наук, которые теперь можно было получить по одной из трех специальностей – богословию (как и было прежде), церковной истории и каноническому праву. Стоит заметить, что положительный эффект деления исследований по отраслям был приостановлен отменой публичной защиты магистерской и докторской диссертаций, которые присуждались на основании двух положительных отзывов рецензентов⁷².

Устав духовных академий 1884 г. имел неоднозначную оценку: консервативная часть общества приветствовала учрежденные правила, но либеральная пресса, имевшая к тому моменту весомое слово, негодовала. Крайне резко отзывались некоторые профессора академий, видевшие в упразднении специализации уничтожение развития научной богословской мысли. Так, известный церковный историк В.В. Болотов комментировал, что «новый устав положил есть тьму, ...хочет научного бесплодия», а профессор Московской духовной академии Н.А. Заозерский в 1892 г. отмечал односторонность и узость целей устава 1884 г. для функционирования академий⁷³.

Ожесточенные споры об академической реформе разъединили духовенство и профессорско-преподавательский состав на две партии: консервативную – «охранителей и либеральную – «автономистов». Молодое поколение ученых-богословов и либеральная часть профессуры образовали основное ядро «автономистов», которые боролись за независимое от епископов и архиереев устройство в высших духовных учебных заведениях Российской империи⁷⁴.

Вскоре обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев осознал, что Устав 1884 г. не соответствует требованиям общественного развития, и 28 января 1896 г. им был прочитан доклад в Синоде о необязательности его выполнения. В дальнейшем, не без инициативы К.П. Победоносцева, была образована Комиссия под председательством митрополита Иоанникия и из членов Синода – митрополита Сергия, архиепископа Феогноста. Три года они разрабатывали проект нового устава духовных академий, после чего передали его на дальнейшую разработку Учебному комитету Святейшего Синода. По истечению ещё двух лет (1901 г.) Комитет при помощи преподавательской корпорации православных духовных академий подготовил новые учебные планы, которые отложили в «долгий ящик».

К обсуждению учебных программ вновь вернулись осенью 1905 г. после студенческих забастовок в духовных академиях, начавшихся после утверждения

⁷²См.: Осьмачко С. Г. Уставы духовных академий ... № 6 (105). С. 351.

⁷³См.: Воробьев И. В. Реформы высшего духовного образования во второй половине XIX – начале XX веков // Богословский сборник. Вып. 9. М. : Изд-во православного Свято-Тихоновского богословского института, 2002. С. 289–290.

⁷⁴См.: Там же. С. 290.

автономии для университетов. Ссылаясь на университетские «Временные правила» (27 августа 1905 г.), студенты духовных академий заявили, что они будут игнорировать занятия, пока академиям не будет дана абсолютная свобода от власти местного архиерея. В срочном порядке была создана Комиссия для решения академических проблем 1905 г., целью которой стало принятие решений для возобновления учебного процесса в академиях. На заседаниях вновь столкнулись две позиции: либеральная точка зрения профессоров и консервативная церковных властей. Однако консервативные иерархи – епископ Арсений (Стадницкий) и архиепископ Сергей (Страгородский) – пошли на компромисс с либеральной частью преподавателей и студентов, в результате которого академиям по «Временным правилам» была дана автономия⁷⁵.

По мере стабилизации политической ситуации в стране набирали силу представители консервативных взглядов на устройство духовных академий. Недовольство церковной верхушки и членов Святейшего Синода положениями «Временных правил» привело к ревизии духовных академий в 1908 г., целью которой стала отмена автономии академий. Формальным предлогом для ревизии стало обстоятельство, что со времени введения Устава 1884 г. духовные академии ни разу не проверялись, например, ревизия в Киевской духовной академии осуществлялась 34 года назад⁷⁶. Итогом работы ревизионной Комиссии стало увольнение некоторых профессоров и студентов и – самое главное – отмена автономии академий. В феврале 1909 г. Святейший Синод постановил: «временные правила отменить, восстановив в отношении академий в полной мере действие означенного устава (1884 г.) впредь до выработки и введения в действие предполагаемого нового устава»⁷⁷.

Разработкой нового устава была занята новая Комиссия 1909 г., которая пыталась синтезировать идеи прошлых уставов (1869 г. и 1884 г.): духовная школа должна стать местом особой системы воспитания и обучения специалиста-богослова. Эта система должна была соединять в себе фундаментальность и широту со специальностью и глубиной, учить осуществлять конкретные научные исследования для решения современных проблем в церкви наряду с воспитанием верности Священному Преданию⁷⁸.

⁷⁵См.: Воробьев И. В. Реформы духовных академий 1905–1911 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2004. С. 18–19.

⁷⁶См.: Там же. С. 20–21.

⁷⁷См.: Воробьев И. В. Ревизия духовных академий в 1908 г. // Вестник православного Свято-Тихоновского богословского института. Вып. 1. М.: Изд-во православного Свято-Тихоновского богословского института, 2003. С. 97.

⁷⁸См.: Сухова Н. Ю. Дискуссия 1909 г. о проблемах высшего духовного образования и богословской науки [Электронный ресурс] // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2 : История. История русской православной церкви. 2007. № 2 (23). С. 52. Электрон. версия печат. публ. Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

Дискуссии и прения Комиссии по разработке нового устава затянулись. В общей сложности было проведено 56 заседаний, но многие идеи специальной Комиссии были пересмотрены в Святейшем Синоде и членами Учебного комитета, после чего был выпущен в 1910 г. Устав духовных академий⁷⁹.

В целом Устав 1910 г. повторил основные положения устава 1884 г.⁸⁰ вместе с его недостатками: многопредметность, отсутствие главной идеи, не совсем адекватная расстановка некоторых учебных предметов (в групповые предметы вошла часть богословских наук), практические занятия для 60–70 человек. Конечно, предпринимались несколько поправок этого устава в 1911 г., которые касались перемещения некоторых предметов из специальных в общеобязательные и наоборот, но это никак не изменило сложившуюся ситуацию⁸¹.

Новый Устав 1910–1911 гг. так и не решил накопившиеся проблемы учебного и организационного процессов. Даже введение новой формы обучения – практических занятий – никакого плодотворного влияния не оказало. Возможными причинами провала Устава стало отсутствие четкой концепции (цели) и недостаточная продуманность многих положений документа, регламентирующего жизнь и деятельность преподавательской и студенческой корпораций духовных академий⁸².

В связи с событиями на фронтах Первой мировой войны и отречением от престола Николая II к вопросу о реформировании высшего духовного образования вернулись лишь на заседании Учебного комитета при Святейшем Синоде 22 марта 1917 г., где инициатором скорейших изменений выступил обер-прокурор Синода В.Н. Львов. Целью преобразований было заявлено согласование существующего порядка академического управления с современными задачами православной церкви и богословской науки. Обсуждения привели к реализации новых «Временных правил», которые точь-в-точь повторяли «Временные правила», просуществовавшие в первое десятилетие XX столетия три года (1905–1908 гг.).

Временные правила были утверждены Святейшим Синодом и провозглашали очень важный для духовных учебных заведений принцип автономности. К тому же, к этим правилам были прибавлены еще несколько предложений со стороны Государственной Думы: ликвидация вступительных испытаний для поступающих в духовные академии; принятие в академии выпускников духовных семинарий первого и второго разрядов; позволение учащимся академий жить в частных домах (квартирах);

⁷⁹См.: Там же. С. 53.

⁸⁰См.: Кузоро К. А. Церковная историография старообрядчества ... С. 120.

⁸¹См.: Сухова Н. Ю. Дискуссия 1909 г. о проблемах ... № 2 (23). С. 54–57.

⁸²См.: Там же. С. 57.

открытый конкурс при замещении преподавательских должностей. После внесения поправок и рекомендаций органами высшей церковной и светской властей документ был разослан духовным академиям для его дальнейшего одобрения, и уже определением Святейшего Синода 5–6 мая 1917 г. «Временные правила» были утверждены⁸³.

Изменения в духовной школе осуществились осенью 1917 г. на Всероссийском Поместном Соборе. В число уже существующих 22 отделов был введен специальный Отдел о духовно-учебных заведениях, подготовивший новый устав духовных заведений очень схожий по своим целям и принципам с уставом 1869 г.⁸⁴ Однако в связи с действием декрета Совета народных комиссаров от 23 января 1918 г. «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», в котором девятый пункт прописывал отделение школы от церкви, положение духовного образования коренным образом изменилось. Отныне первостепенной задачей стало не преобразования духовной школы, а её сохранение⁸⁵.

Закрытие всех духовных академий в начале 20-х гг. XX столетия полностью ликвидировало все обсуждения и дискуссии по поводу нового устава, который, безусловно, мог бы возродить свободное развитие церковной науки в духовных академиях. Дальнейшая судьба профессуры высшей духовной школы развивалась по двум сценариям: одни остались работать в советских учреждениях (государственных архивах и библиотеках), другие уехали из страны. Соответственно, вместе с эмигрантами, из России в Центральную и Восточную Европу, был перенесен центр русской богословской мысли: профессора-эмигранты способствовали формированию институтов и факультетов православной теологии в Софии, Варшаве, Белграде, Париже и др.⁸⁶ Развитие богословской науки в России на долгое время было остановлено, а уровень современной церковной науки ощутимо отстает от уровня исследований дореволюционного периода.

1.2 Церковно-историческая наука во второй половине XIX – первой четверти XX вв.: формирование сообщества исследователей старообрядчества

Церковь как главный идеологический институт империи не могла оставаться в стороне в тот момент, когда само самодержавие делало стремительные шаги по пути

⁸³См.: Сухова Н. Ю. Обсуждение проблем высшего богословского образования на Поместном соборе 1917–1918 гг. [Электронный ресурс] // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2 : История. История русской православной церкви. 2007. № 4 (25). С. 29–30. Электрон. версия печат. публ. Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

⁸⁴См.: Кузоро К. А. Церковная историография старообрядчества ... С. 120.

⁸⁵См.: Попова О. Д. Поместный собор 1917–1918 годов и проблема духовно-учебных заведений [Электронный ресурс]// *Magistra vitae*: электрон. журнал по историческим. наукам и археологии. 2007. № 21 (99). С. 92, 96. Электрон. версия печат. публ. Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

⁸⁶См.: Кузоро К. А. Церковная историография старообрядчества ... С. 120–121.

буржуазных реформ. Хронологические рамки первого этапа модернизации церкви ограничены 60–70-ми годами XIX в., а второй начинается после восшествия на престол императора Александра III в 1881 г. В эпоху реформ Александра II церковь очень медленно и «нехотя» вводила преобразования, поиск инструментов адаптации к новым условиям так замедляло реформирование церковных структур, что оно завершилось уже в обстановке контрреформ. С началом политики контрреформ вялость преобразований вытеснялась бурной деятельностью, направленной на укрепление пошатнувшихся позиций Церкви в российском обществе⁸⁷.

Как уже было сказано, модернизация была призвана приблизить уровень социально-экономического развития России к ведущим странам Запада. Она была нацелена на создание условий для быстрого экономического роста, изменений в социальной структуре общества, демократизации политического режима в стране. Но в результате «Великих реформ» система ценностных установок общества начала меняться: в поведении людей наблюдался рост прагматизма, расчетливости, индивидуализма. Таким образом, внедрение капиталистических отношений «сверху» трансформировало мировоззрение людей и приводило к постепенному разрушению традиционных устоев, падению авторитета церкви и официального православия. Масштаб социальных изменений был невелик, но было очевидно, что общество традиционно-патриархального типа медленно, но верно переходило на нормы общества западного типа⁸⁸. Именно для решения модернизационных задач власть нуждалась в законопослушном, богобоязненном, управляемом, но при этом инициативном работнике. По замыслу реформаторов, всеми этими качествами также должен обладать обычный штатный священник, который становился не просто пастырем своей общины, но и вместе с тем подвижником христианского вероучения и постоянно действующим миссионером⁸⁹.

В связи с «требованием времени» к священникам меняются программы и формы обучения, и, в первую очередь в духовных академиях. Основой для этих изменений стало начавшееся еще на рубеже 30–40-х гг. XIX в. выделение исторических дисциплин из перечня богословских наук. До этого времени церковная история оставалась отраслью науки, которая не получила достаточного распространения и методологической разработки синодальными исследователями.

⁸⁷См.: Литвак Б. Г. Русское православие в XIX веке ... С. 356–357.

⁸⁸См.: Апанасенок А. В. Религиозный традиционализм в провинциальной России: история старообрядческих сообществ Центрального Черноземья в XVII – начале XX века [Электронный ресурс] // А. В. Апанасенок; Региональный открытый социальный институт. Курск, 2014. С. 291–294. Электрон. версия печат. публ. Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

⁸⁹См.: Леонтьева Т. Г. Православная культура и семинарский быт (конец XIX – начало XX в.) // Отечественная история. 2001. № 3. С. 2–3.

Христианство само по себе исторично – это положение не вызывает сомнений у любого человека, исследующего Библию, от книги Бытия до книги Откровения, и историю христианской церкви. Вопрос историчности христианства не раз оказывался в центре внимания христианских писателей. Однако такой подход зачастую вел к столкновению богословских и исторических дисциплин, поскольку история изучает временное и изменяющееся, а богословие – неизменные евангельские истины⁹⁰. Долгое время выделение из богословия специальной дисциплины «история» не требовалось, так как церковная история не сформировала свои методы и лишь иллюстрировала своими примерами догматы христианского вероучения.

Рубеж 1830–1840-х гг. в России ознаменовался общим «историческим подъемом», который был подхвачен и духовной школой. В эти годы повысился интерес к родной истории, обсуждениям места и роли Российской империи в мировом историческом процессе. Конечно, духовные академии не могли игнорировать «моду на познание прошлого»: в них усилился интерес как к всеобщей, так и отечественной истории. Впервые русская гражданская и церковная история была выделены в самостоятельную дисциплину в 1841 г. в Казанской духовной академии, позднее ее началось и в других духовных академиях.

В церковно-историческом отделении Устава 1869 г. была опущена богословская составляющая и вследствие этого связь библейской истории с богословием оказалась слабо видимой для студентов и преподавателей. Если в результате реформы богословие теряло систематичность в изучении, то на историческом направлении в академиях наблюдалось стремительное развитие. Об успехе церковно-исторических отделений свидетельствуют многочисленные занятия, которых по сравнению с другими отделениями, стало больше. Привлекательность исторического направления можно объяснить вполне объективными внешними причинами, которые вызваны радикальным пересмотром всех сторон государственной, общественной, церковной жизни. Именно обращение к опыту прошлого было способно дать студентам объяснения, опору и ориентиры в происходящих событиях⁹¹.

Проследив общую схему выделения церковно-исторического направления из богословской науки необходимо отметить, что этим развитие истории в высшей духовной школе не ограничивалось. Церковная история в духовных академиях имела множество научных течений: общая церковная история, византология, история Русской Православной Церкви, церковная археология, литургика, история старообрядчества.

⁹⁰См.: Сухова Н. Ю. «Историко-богословская революция» в высшей ... № 9. С. 136.

⁹¹См.: Там же. С. 145.

Именно последняя стала наиболее детально изучаться в духовно-академической среде, что обусловлено серьезностью последствий церковного раскола для российского общества в целом.

Становление старообрядческой тематики в духовных академиях начинается с учреждения отделений по изучению старообрядчества при Санкт-Петербургской и Московской духовных академиях в 1853 г., целью которых была подготовка специально обученных противораскольнических миссионеров. Миссионерские отделения были открыты также на базе Казанской духовной академии и семинарии в 1854 г. Их появление в главных центрах духовного образования ускорило разработку приемов научного анализа староверия, и в этом процессе главная заслуга принадлежит двум деятелям церкви – митрополиту Московскому и Коломенскому Макарию (Булгакову) (1816–1882 гг.) и митрополиту Санкт-Петербургскому и Новгородскому Григорию (Постникову) (1748–1860 гг.). Труд митрополита Макария (Булгакова) «История русского раскола, известного под именем старообрядства» (1855 г.) привлек внимание церковных ученых, показав староверие в перспективе развития церкви и государства, а произведение митрополита Григория (Постникова) «Истинно древняя и истинно православная Христова Церковь. Изложение в отношении к глаголемому старообрядчеству» (1854 г.) дало развитие научным принципам в рассмотрении противораскольнической полемики⁹².

Прошло чуть больше десяти лет с начала изучения старообрядчества в высшей духовной школе, перед тем как оно переросло в отдельный факультативный предмет. Примечательно, что до середины XIX в. тема церковного раскола изучалась в курсах по русской церковной истории и догматическому богословию. Но поскольку количество последователей старообрядчества неуклонно росло, необходимо было искать новые методы воздействия на них. Долго не предпринимая мер, Святейший Синод только к 1881 г. разрешает открыть в академиях кафедры по изучению старообрядчества с введением предмета в программу общеобразовательных дисциплин. Высшие духовные органы в преподавании предметов по истории староверия, главным образом преследовали одну цель: улучшение подготовки будущих священнослужителей для отпора оппозиционным христианским течениям, в частности, староверию⁹³.

Без сомнения, церковных историков, специализирующихся по истории старообрядчества, связывала главная идея: староверие – это уход от истины православного вероучения, который необходимо разоблачить и исправить. Но в среде церковных историков не было единого мнения о том, как помочь старообрядцам «узреть

⁹²См.: Глубоковский Н. Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. София (Болгария), 1992. С. 84–85.

⁹³См.: Смирнов П. С. История русского раскола старообрядства. СПб., 1895. С. 248–250.

истинную церковь». Поэтому естественным явлением было существование несовпадающих взглядов на объект своего исследования. Их условно можно разделить на три группы: умеренное направление (И.Ф. Нильский, П.С. Смирнов, Д.Н. Беликов, Е.Е. Голубинский, Н.И. Ивановский); консервативное (Н.И. Субботин); критическое (И.М. Громогласов, А.А. Дмитриевский, Н.Ф. Каптерев)⁹⁴.

Именно с последней трети XIX в. понимание светскими историками истории и эволюции старообрядчества начинает различаться со взглядами церковных историков, которые считали, что истоки раскола следует искать в духовной жизни русского народа, в то время как светские исследователи видели в староверии выражение протестной волны против социальных проблем эпохи.

Синодальными исследователями разрабатывается спектр проблем по изучению церковного раскола и староверия от начала существования и до современного состояния. Ими были созданы обобщающие труды по истории староверия, которые предназначались для изучения студентами духовных академий и семинарий: «Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола с присовокуплением сведений о сектах рационалистических и мистических» Н.И. Ивановского (1887 г.) и «История русского раскола старообрядчества» П.С. Смирнова (1893 г.). Именно эти учебные пособия в полной мере раскрывают официально-церковную концепцию изучения старообрядчества.

Кроме того, были написаны работы, которые отражали историю отдельных старообрядческих сообществ. Научный труд профессора Н.И. Субботина «История так называемого австрийского, или Белокриницкого священства» (1895 г.), вводит читателя в курс событий этого согласия.

Ещё одна из тем по изучению староверия, которая получила развитие в трудах церковных историков – это анализ отдельных аспектов учения и истории старообрядчества. В группе таких работ необходимо отметить исследования «Об антихристе против раскольников» И.Ф. Нильского (1859 г.), «Критический разбор учения неприемлющих священства старообрядцев о церкви и таинствах» Н.И. Ивановского (1883 г.), «О перстосложении для крестного знамения и благословения» П.С. Смирнова (1904 г.).

С одной стороны, церковно-историческая наука развивалась вместе со светской наукой на единой методологической основе, с другой стороны, являясь центральным идеологическим элементом Святейшего Синода, она сформировала собственные способы исследования церковного раскола. Для понимания ценности работ синодального историка необходимо детальное рассмотрение применяемых им методов научного познания.

⁹⁴См.: Кузоро К. А. Церковная историография старообрядчества ... С. 125.

Как известно, с середины XIX в. в истории формируется новая парадигма – позитивизм. Главными идеями истории как науки становится объективное изображение прошлого, которое полностью исключает из трудов историков субъективное знание и видит своей целью поиск закономерностей развития общества. Данные изменения были активно использованы церковными исследователями.

Всё более условной становится граница между светской и церковной исторической наукой на рубеже XIX–XX столетий. Несмотря на теоретический кризис позитивистской модели синодальные историки, так или иначе, ее придерживались. Объяснения этому следует искать в том, что при изучении материала, церковные историки не столкнулись с явными недостатками позитивистской методологии. Синодальные исследователи старообрядчества, как и некоторые светские историки, пытаясь сохранить научные достижения предшествующего периода, чрезвычайно осторожно относились к инновациям.

Несмотря на методологическое единство, церковные авторы часто смотрели на сочинения светских исследователей свысока. Причина такого отношения кроется в том, что церковные исследователи были ближе к изучаемому объекту, пользовались более точной и достоверной информацией о староверах, нежели светские историки⁹⁵. Для историков церкви старообрядчество являлось больше, чем просто объект исследования – оно было объектом миссионерского воздействия, объектом духовного перевоспитания человека в духе официального православия. Эта особенность свидетельствует о том, что церковно-историческое видение старообрядчества было отлично от светского понимания⁹⁶, так как для церкви было крайне важно непосредственное практическое применение полученного знания.

К концу XIX в. наблюдается сближение церковной и светской науки, что говорит о потребностях в едином развитии научного познания. Нередко преподаватели высшей духовной школы входили в научные сообщества – философские, исторические, археологические и т.д. Духовные академии состояли в переписке и сотрудничали с Академией наук Российской империи. Так, в письмах члены Академии наук официально обращаются к Санкт-Петербургской духовной академии с просьбой о рассмотрении того или иного труда, который напрямую относится к церковной истории⁹⁷.

⁹⁵См.: Смирнов П. С. История русского раскола ... С. 232–233, 237–243.

⁹⁶См.: Камзина А. Д. Проблема истории старообрядчества и борьбы с ним в русской православной церкви в трудах дореволюционных и советских исследователей [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского гос. пед. ун-та. Электронный научный журнал. 2007. № 2. С. 128–129. Электрон. версия печат. публ. Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

⁹⁷См.: Кузоро К. А. Церковная историография старообрядчества ... С. 121–122.

Чтобы понять траекторию и динамику развития церковно-исторической науки во второй половине XIX – начала XX вв. необходимо рассмотреть особенности работы церковных исследователей с историческим материалом. Именно через методы обработки информации историком того времени раскрывается ценность и отношение к историческому источнику.

Благодаря тому, что в XIX в. архивы стали более доступными для исследователей, оживилась работа церковных историков по формированию корпуса источников и их труды становились востребованными научными сообществами того времени (например, такими как «Общество любителей российской словесности», «Общество истории и древностей российских», «Общество Нестора-летописца», «Румянцевский кружок» и др.). Поиск источников для церковных историков становился одной из основных форм научной активности, а в дальнейшем архивные материалы нередко привлекались к написанию научных статей или книг. В трудах синодальных исследователей использовались разнообразные судебные, статистические, делопроизводственные материалы. Так в «Истории русской церкви» Филарета (Гумилевского) были привлечены данные о наказаниях староверов и сектантов «Полного собрания законов Российской империи», а П.В. Знаменским и Н.И. Ивановским были использованы этнографические наблюдения и записи бесед со старообрядцами.

Большое внимание церковными историками уделяется подходам и способам обработки информации исторических источников, поэтому нередким явлением было размещение в научных трудах того времени инструкций-рекомендаций для будущих исследователей. Как было отмечено Филаретом (Гумилевским) в «Истории русской церкви», для церковного историка мало просмотреть все источники, их нужно уметь классифицировать по степени достоверности. Анализировать источники, по мнению Филарета: «труд утомительный, но необходимый, чтобы иначе история не была собранием сведений о небывалом; труд такой, который должен быть конченным прежде сочинения истории»⁹⁸.

Одним из спорных вопросов для синодальных исследователей того периода являлась степень вмешательства автора в процесс интерпретации истории. По мнению митрополитов Евгения (Болховитинова) и Макария (Булгакова), историческая наука выступает собирателем фактов, процессов, имен без какого-либо субъективного отношения человека. Задача историка при таком подходе виделась в том, чтобы факты сделать доступным каждому читателю, а объяснения исторического процесса оставить

⁹⁸Цит. по: Филарет (Гумилевский), архиепископ. История русской церкви. Период первый. От начала христианства в России до нашествия монголов (988–1237). М., 1859. С. 7.

Богу. Совершенно другой точки зрения придерживался общественный деятель и преподаватель Московской духовной академии Н.П. Гиляров-Платонов, который считал, что без личного, авторского разбора источников любой исторический труд – это не труд, а всего лишь «изделие». Н.П. Гиляров-Платонов в ремесле историка-профессионала выделял главное умение «... из хаоса разрозненных материалов воссоздать стройное течение прошлой жизни и представить его в цельной картине»⁹⁹.

Таковыми были общие подходы в работе с источниками. Конечно, в каждом правиле есть своё исключение, и здесь мы видим такую же картину. Например, если целью научного сочинения автора было «обличение и исправление староверов», то церковный исследователь отказывался от принципов бережливого, уважительного и внимательного отношения к историческому материалу. Ярким свидетельством тому является использование ложного источника – «Соборное деяние на еретика Мартина Армянина» в работе «История русского раскола, известного под именем старообрядства» митрополита Макария (Булгакова). Сфальсифицированное в начале XVIII в. соборное деяние говорило об осуждении еретических мыслей некоего Мартина, который якобы считал хождение посолонь, сугубую аллилуйю, двуперстие истинными и древними обрядами и изложил свои представления в книге «Правда», использованной в дальнейшем для обличения ее автора на Киевском соборе 1157 г.¹⁰⁰

На самом же деле, писателями-старообрядцами в 1722–1723 гг. дьяконом Александром Керженским и Андреем Денисовым было доказано, что Соборное деяние – это подложный документ, который создан с целью показать будто бы поддерживающие староверами обряды были привнесены на Русь извне и не были истинными. Само собой разумеется, что митрополит Макарий (Булгаков) знал о фальсифицированном источнике, но, стараясь привести наибольшее количество аргументов неправоты староверов, он ввёл его в свой труд¹⁰¹.

Несомненно, взгляды синодальных историков были разнообразными, что говорит о развитии церковно-исторической науки, но в том, что историческому источнику принадлежит центральное место, они были едиными¹⁰².

Для раскрытия всех аспектов церковно-исторической науки второй половины XIX – начала XX вв. обратимся к основным характеристикам облика церковного историка:

⁹⁹См. цит. по соч.: Кузоро К. А. Церковный историк и источник: особенности восприятия и способы работы (XIX – первая четверть XX вв.). [Электронный ресурс] // Религиоведение. 2013. № 2. С. 37–38. Электрон. версия печат. публ. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

¹⁰⁰См.: Покровский Н. Н. Пути изучения истории старообрядчества российскими исследователями // Археографический ежегодник за 1998 год. М. : Наука, 1999. С. 10.

¹⁰¹См.: Там же. С. 7.

¹⁰²См.: Кузоро К.А. Церковный историк и источник: особенности ... № 2. С. 44.

образование, семейное и материальное положение, социальное происхождение, род занятий, участие в общественно-культурной жизни. Именно через показ обыденной жизни церковного историка можно оценить те сложности, которые возникали в процессе создания научных трудов, и, что самое главное, напрямую воздействовали на формирование его исследовательской концепции.

Сословный состав синодальных исследователей оставался однородным, потому как большинство было родом из семей духовенства – пономарей, диаконов, сельских и городских священников, преподавателей духовных учебных учреждений. Образование для выходцев из семей духовенства являлось одним из нескольких социальных лифтов, благодаря которому можно было занять более оплачиваемую и престижную работу¹⁰³.

Во время обучения в семинарии будущие историки кроме богословских дисциплин изучали латынь, всеобщую философию, риторику. Но помимо учебных занятий, студенты семинарии увлекались чтением исторической и художественной литературы. Так, в дневниковых записях одного из студентов Московской духовной академии говорится: «После всеношной читал российскую историю от Петра до настоящих времен, – размышлял о пагубных следствиях честолюбия, о действиях его...». Увлечение студентов историческими и художественными сочинениями неслучаен, так как в них представлен ценный материал для изучения поведения и характера человека разных эпох. В числе наиболее читаемых авторов художественных произведений у семинаристов были И.С. Тургенев, Д.Н. Мамин-Сибиряк, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, М.Е. Салтыков-Щедрин и многие другие. Прочитанная литература в годы студенчества, так и после, безусловно, отражалась на сочинениях синодальных историков. Исследования библиографий церковных исследователей указывают на прекрасное знание научных работ не только своих предшественников, но и современников: филологов, историков, философов. Помимо этого, уже в период преподавания в учебных заведениях церковные историки приобщали студентов к чтению и учили работать с научной литературой, тем самым вовлекая молодое поколение в читательскую культуру¹⁰⁴.

Что же касается преподавания церковных историков, то этим делом занималась основная их часть. Спектр преподаваемых дисциплин не останавливался только на церковной и гражданской истории, а включал в себя древние и современные иностранные языки, логику, философию, богословие, риторику, педагогику, т.е. всё, что приносило дополнительные деньги. Кроме жалования преподаватели высшей духовной школы

¹⁰³См.: Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3 т. СПб., 2014. Т. 1. С. 380.

¹⁰⁴См.: Кузоро К. А. Чтение в жизни российских церковных историков XIX – первой четверти XX в [Электронный ресурс] // Вестник Томского гос. ун-та. 2015. № 390. С. 117–118. Электрон. версия печат. публ. Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

получали гонорары и премии за научные статьи и книги, а также составление речей для торжественных дней. Но всё-таки материальное положение преподавательской корпорации оставалось на низком уровне, что, по мнению Санкт-Петербургского историка Б.Н. Миронова, было связано не с маленьким размером государственного жалования, а со значительным ростом потребностей населения страны, которые обгоняли рост реальных доходов в шесть раз¹⁰⁵.

Церковные историки часто принимали активное участие в общественной жизни, состояли членами цензурных кабинетов, государственных и церковных организаций, благотворительных обществ. В составе Святейшего Синода находились митрополиты: Макарий (Булгаков), Н.Н. Глубоковский, А.И. Бриллиантов, А.В. Карташев. Миссионерской работой были заняты: Н.И. Ивановский, П.В. Знаменский, К.Н. Плотников. Как результатом миссионерского дела церковные историки предоставили науке редкостные материалы по изучению старообрядцев и сектантов, которые актуальны для исследователей XXI в.¹⁰⁶

Если же обратить внимание на материально-хозяйственный аспект жизни церковного историка, то здесь нужно сказать о его нестабильном состоянии. Чаще историки жили в съемных квартирах, и лишь немногие были обладателями своего дома. Гонорары и жалования преподавателей были настолько ничтожны в размерах, что именно это становилось причиной отсутствия жены и детей. Также, возможно, факт нежелания обзаводиться семьей напрямую был связан с темпераментом и образом жизни ученого. Так, Е.Е. Голубинским в «Воспоминаниях» было отмечено следующее: «Рад, что не женился. По характеру я человек горячий и привязан только к книге, к книге и книге; ...питаю отвращение ко всякому хозяйству и ко всяким вечерам и вечеринкам»¹⁰⁷.

Какое место занимало профессиональное занятие наукой в жизни синодального исследователя? С одной стороны, были ученые, которые все свои силы отдали на ее продвижение, с другой же, были те, для кого история была лишь одним из жизненных этапов. Чьим-то интересом было занятие только церковной историей, а кто-то, помимо этого был увлечен философией, педагогикой, богословием, миссионерской работой или служением в церкви. Но главной причиной выбора исторической науки становился

¹⁰⁵См.: Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3 т. СПб., 2014. Т. 1. С. 381.

¹⁰⁶См.: Мальцев А. И. Староверы-странники в XVIII – первой половине XIX вв. Новосибирск: «Сибирский хронограф», 1996. 268 с.; Гурьянова Н. С. Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск: Наука, 1988. 188 с.; Костров А. В. Дореволюционные учебники по «расколоведению» как историографический источник // Альманах современной науки и образования. Тамбов : Грамота, 2007. № 2 (2). С. 45–46.

¹⁰⁷См. цит. по соч.: Кузоро К. А. Русский церковный историк XIX – первой четверти XX вв.: социальный и интеллектуальный портрет // Религиоведение. 2014. № 1. Т. 1. С. 208.

личный интерес каждого, отдельно взятого ученого¹⁰⁸, стремление понять причинно-следственные связи событий, восстановить более полную картину прошлого и определить перспективы развития христианской религии.

Подводя итог, можно сказать, что благодаря модернизационным процессам, начавшимся с начала царствования императора Александра II, было ускорено выделение из богословской науки церковно-исторического направления, обособление которого наметилось ещё в первой половине XIX в. Реформы в высшей духовной школе, а именно введение Устава 1869 г. создало условие для формирования ряда исследователей, специализирующихся на изучении церковной истории.

Всё это способствовало появлению и расширению новых научных направлений церковной истории, где одно из центральных мест получает история церковного раскола и старообрядчества. Помимо этого, появляются ученые с различными подходами к изучению объекта своего исследования. Причина такого явления видится во влиянии на синодального историка таких факторов, как социальное происхождение, полученное образование, жизненные приоритеты, положение в обществе, место в церковной иерархии и т.д.

Но, несмотря на отсутствие комфортных условий работы ученых и их социально-экономическое положение особенно в период общественных кризисов (революции 1905 и 1917 гг., Первая Мировая война), всё-таки историческая наука, благодаря «жертвенности» и неустанному труду историков, достигла своего наивысшего расцвета.

¹⁰⁸См.: Там же. С. 210.

ГЛАВА 2. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ СТАРОВОЕРИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВВ.

2.1 «На всё есть свои специалисты»: экспертная оценка старообрядчества во второй половине XIX в. в трудах профессора И. Ф. Нильского.

Развитие церковно-исторической науки в духовных академиях второй половины XIX в. невозможно представить без рассмотрения появившейся в это время новой учебной дисциплины – «расколосектанство». Именно в рамках богословского образования всё более утверждалась идея о специальном изучении старообрядчества, которое имело бы не только теоретико-методологическое, но и прикладное значение. Желаемым результатом введения науки, постигающей церковный раскол во всём его многообразии, виделось церковно- и священнослужителям в сглаживании негативных последствий, которые накопились в течение двух веков после проведения патриархом Никоном реформ в богослужении¹⁰⁹.

Процесс преобразования духовных академий сегодня вновь актуализировал вопрос о включении в учебные планы курса расколоведения как обязательного при подготовке высших церковных кадров. В связи с этим важно обратить внимание на ранее приобретенный опыт, и в частности на становление и расцвет данной богословской отрасли науки в дореволюционной России.

Одним из возможных подходов к рассмотрению формирования истории и обличения церковного раскола – неотъемлемой научной дисциплины в высшей и средней духовной школе Российской империи – является реконструкция исторической биографии, которая, по определению известного историка Л.П. Репиной, может выступать не только как цель исследования, но и как «сама история, показанная через личность»¹¹⁰. Представляется необходимым рассмотреть жизнь и творчество профессора Санкт-Петербургской духовной академии Нильского Ивана Федоровича (1831 г. – 11 августа 1894 г.), занимавшего кафедру истории и обличения русского раскола почти с самого основания этой структуры вплоть до своей кончины.

И.Ф. Нильский родился в 1831 г. в бедной семье сельского диакона псковской епархии. Получив первоначальное домашнее образование, он проходит классический путь детей священнослужителей – духовное училище, затем духовная семинария. Обучаясь в

¹⁰⁹См.: Слесарев А. В. Расколоведение. Введение в понятийный аппарат. М., 2012. С. 6.

¹¹⁰См. цит. по: Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 288.

псковской семинарии, он обрел особое расположение епископа рижского Платона (позднее митрополит Киевский и Галицкий). В частности, своим авторитетом епископ спас его от исключения за нарушение правил внутреннего распорядка¹¹¹. Успешно окончив семинарию в 1853 г., И.Ф. Нильский как лучший студент был отправлен за казенный счет для дальнейшего получения богословского образования в Санкт-Петербургскую духовную академию¹¹².

Важно отметить, что в 1855/1856 учебный год происходят существенные изменения в преподавании. Например, в число изучаемых студентами учебных предметов включается учение о русском расколе. Более того, по распоряжению митрополита Григория (Постникова) с 1857 г. этот предмет становится самостоятельной дисциплиной и ведется одним преподавателем, а не несколькими, как было ранее, что должно было повысить качество его преподавания¹¹³. В этом же году на открытую кафедру был отправлен инспектор Смоленской семинарии архимандрит Викторин Любимов. Однако еще до его назначения, с разрешения митрополита Григория (Постникова) и тогдашнего ректора Санкт-Петербургской духовной академии епископа Винницкого Макария (Булгакова), чтение лекций по этому предмету было поручено только что окончившему академический курс И.Ф. Нильскому. Для этой ситуации нашлось «соломоново решение»: В. Любимов был переведен на вакантную должность инспектора академии, а И.Ф. Нильский с 11 ноября 1857 г. определен преподавателем кафедры и после шести лет работы получил звание экстраординарного профессора¹¹⁴.

Чем же заслужил И.Ф. Нильский такую благосклонность со стороны высших церковных лиц? Видимо, главная причина такого уважительного отношения к его персоне заключалась в написании магистерского сочинения «Об антихристе против раскольников»¹¹⁵ (1857 г.), которое стало первым полемическим произведением по данному вопросу, высоко оценённым в церковном научном сообществе. Это подтверждает её публикация в 1859 г. и отзывы рецензентов: «полнота в исследовании предмета, добросовестный и терпеливый труд в подборе мельчайших частей раскольнического учения, умение удачно воспользоваться ими, как для изучения раскольнического учения

¹¹¹См.: Памяти профессора И. Ф. Нильского // Церковный вестник. 1894. № 33. С. 515–516.

¹¹²См.: Известия и заметки // Странник. 1894. № 9. С. 189–190.

¹¹³См.: Чистович И. А. Санкт-Петербургская духовная академия за последние 30 лет (1858–1888 гг.). СПб., 1889. С. 28.

¹¹⁴См.: Памяти профессора И. Ф. Нильского ... № 33. С. 516; Чистович И. А. Санкт-Петербургская духовная академия ... С. 45.

¹¹⁵См.: Нильский И. Ф. Об антихристе против раскольников. Сочинение бакалавра Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1859. XXXVI с., 511 с.

об антихристе, так и для опровержения его, выбрать из них все нужное для целей книги – вот главные достоинства теоретико-полемиической части сочинения»¹¹⁶.

На следующем этапе изучения старообрядчества И.Ф. Нильский посчитал необходимым рассмотреть «интимные стороны раскольнической жизни, ознакомиться с внутренними движениями в расколе, вывести на свет раскольническую доктрину в ее историческом развитии»¹¹⁷, вследствие чего объектом нового исследования становился брак и семья старообрядцев. Стоит заметить, что на выбор темы повлияли проходившие в то время дискуссии о гражданском браке. Итогом ее научного осмысления стала диссертация на степень доктора богословия И.Ф. Нильского «Семейная жизнь в русском расколе» (1869 г.), изданная в 2-х томах и охватывающая период от начала церковного раскола до конца царствования императора Николая I¹¹⁸.

Получение высшей ученой степени в системе духовного образования в дальнейшем позволило И.Ф. Нильскому получить звание ординарного профессора академии¹¹⁹. По регламенту утверждённого Устава духовных академий от 1869 г. степень доктора богословия присуждалась только после обязательной публичной защиты диссертации¹²⁰. Именно И.Ф. Нильский становится первым преподавателем церковно-исторического отделения, удостоенным степени доктора по результатам защиты своего сочинения в 1870 г. перед многочисленными слушателями¹²¹.

В дальнейшем направление научной деятельности И.Ф. Нильского значительно изменилось. Им было издано множество статей исторического, библиографического и в основном критического характера в различных журналах: «Христианское чтение», «Церковный вестник», «Странник» и др.¹²² Однако его ученик, известный к тому времени профессор Казанской духовной академии Н.И. Ивановский отрицательно оценивает работы, написанные им после «Семейной жизни в русском расколе»: «К сожалению, должно сказать, что и вообще интерес [И. Ф. Нильского] к разработке внутренней исторической жизни раскола как-то потерялся. Попадались и попадают, конечно, в

¹¹⁶См. цит. по соч.: Заслуженный профессор Санкт-Петербургской духовной академии Иван Федорович Нильский (к 110-летию со дня кончины) [Электронный ресурс] / Д. Залетов // Церковный вестник. 2004. № 10-11. Электрон. версия печат. публ. URL: http://krotov.info/spravki/1_history_bio/19_1890/1831_Nilsky.htm (дата обращения: 24.04.2019).

¹¹⁷См. цит. по: Ивановский Н. И. Памяти профессора Ив. Ф. Нильского / Собрание сочинений профессора Казанской духовной академии Николая Ивановского : сб. ст. Казань : Тип.-лит. императ. ун-та, 1898. Т. 1. С. 12.

¹¹⁸См.: Нильский И. Ф. Семейная жизнь в русском расколе. Исторический очерк раскольнического учения о браке. От начала раскола до царствования императора Николая I. СПб., 1869. Вып. 1. 406 с., IV с.; Нильский И. Ф. Семейная жизнь в русском расколе. Исторический очерк раскольнического учения о браке. Царствование императора Николая I. СПб., 1869. Вып. 2. 256 с., IV с.

¹¹⁹См.: Ивановский Н. И. Памяти профессора ... Т. 1. С. 14.

¹²⁰См.: Сухова Н. Ю. «Идея академии» в подготовке ... Вып. 2 (6). С. 145–146.

¹²¹См.: Чистович И. А. Санкт-Петербургская духовная академия ... С. 121–122.

¹²²См.: Залетов Д. Заслуженный профессор Санкт-Петербургской ... № 10-11.

периодических изданиях небольшие отрывочные статейки, но они проходили бесследно и на общее направление исторической науки о расколе влияния не имели»¹²³.

Действительно, И.Ф. Нильский в дальнейшем не публиковал больших научных трудов по истории староверия, но и занижать его роль в науке после 60–70-х гг. XIX столетия не следует. Причина, по которой И.Ф. Нильский переориентировался на написание критических заметок, связана с появлением большого количества работ по старообрядчеству светских и церковных лиц, нередко допускающих ошибки и неточности разного характера: исторические, логические или лингвистические. Такие труды, по его мнению, могли подрывать авторитет официальной церкви и давать староверам аргументы для полемики с православными миссионерами. Профессор И.Ф. Нильский посчитал своим долгом в новых сочинениях о церковном расколе не скрывать, а прямо указывать на допущенные ошибки, тем самым пытаясь показать старообрядцам, что эти недостатки относятся к отдельным исследователям и не должны переноситься на православную церковь в целом¹²⁴.

Основополагающим методом И.Ф. Нильского для выявления некачественных работ по истории староверия становится критика, цель которой «состоит в том, чтобы, показав недостатки рассматриваемого сочинения, установить правильный взгляд на предмет его и наметить по возможности те его стороны, которые почему-либо требуют преимущественного раскрытия и уяснения»¹²⁵. Примечателен тот факт, что в написании критических заметок профессор добился ощутимых высот: например, за рецензию на сочинение профессора Московской академии Н.И. Субботина, написанную по поручению Академии наук в 1875 г., он был удостоен золотой Уваровской медали¹²⁶.

Преподавательская нагрузка И.Ф. Нильского на кафедре по истории и обличения русского раскола в течение 37 лет состояла в чтении лекций по «расколосектанству» студентам старших курсов. Аудитория профессора, по утверждению его учеников, всегда была полна слушателей¹²⁷, а сами лекции «отличались богатством новых сообщаемых сведений, простотой и живостью изложения»¹²⁸. Отличительной чертой изложения материала И.Ф. Нильским – это приведение многочисленных примеров в ходе занятия¹²⁹. Такой способ чтения лекций позволял, во-первых, лучше раскрывать теоретические

¹²³См. цит. по: Ивановский Н. И. Памяти профессора ... Т. 1. С. 15.

¹²⁴См.: Нильский И. Ф. Объяснение // Христианское чтение. 1865. Ч. 2. С. 313–314.

¹²⁵См.: Там же. С. 317–318.

¹²⁶См.: Чистович И. А. Санкт-Петербургская духовная академия ... С. 152.

¹²⁷См.: Ивановский Н. И. Памяти профессора ... Т. 1. С. 6–7.

¹²⁸См. цит. по: Слово, произнесенное протоиереем П. Ф. Николаевским во время заупокойной литургии, отслуженной пред погребением проф. И. Ф. Нильского // Церковный вестник. 1894. № 33. С. 515.

¹²⁹См.: Залетов Д. Заслуженный профессор Санкт-Петербургской ... № 10-11.

основы предмета, и, во-вторых, включать студентов в обсуждение спорных и неоднозначных случаев из истории церковного раскола.

В библиотеке Санкт-Петербургской духовной академии до сих пор хранится немало студенческих конспектов лекций И.Ф. Нильского разных лет, отпечатанных литографическим способом¹³⁰. Скорее всего, желание слушателей в таком массовом распространении материала обусловлено тем, что преподаваемый предмет во всех духовных академиях ещё не был окончательно сформирован, а получение положительной отметки предполагало знание и понимание фактов, постоянно корректируемых и дополняемых профессором.

В отчете ревизии Санкт-Петербургской духовной академии 1875 г. уже в сане архиепископа Виленского и Литовского Макарий (Булгаков) оставляет лестный отзыв о профессионализме И.Ф. Нильского, но при этом указывает, что, следуя учебному плану, он едва успевает прочесть в лекционном формате только одну часть своей дисциплины – историю церковного раскола¹³¹.

Однако нехватка времени при изложении студентам полного курса была проблемой не только И.Ф. Нильского, но и всей преподавательской корпорации академии. В значительной степени, как показала ревизия, возникшая трудность связана с уже несоответствующим реалиям распределением часовой нагрузки между обязательными и специальными предметами по Уставу духовных академий 1869 г. К примеру, наставники церковно-исторического отделения, к которому был прикреплен И.Ф. Нильский, требовали исключения метафизики из числа общеобязательных курсов из-за «перегруженности» студентов¹³².

Помимо учебной и научно-исследовательской нагрузки И.Ф. Нильский занимал служебные посты в стенах «alma mater». Так, имея ученую степень магистра, он несколько лет (1858–1860 гг.) трудился в качестве помощника инспектора Санкт-Петербургской духовной академии, а с сентября 1878 г. в течение семи лет был полноправным её инспектором¹³³. В воспоминаниях, его ученик – профессор А.А. Бронзов, отмечая строгость и принципиальность И.Ф. Нильского, пишет: «Если кому-либо нужно было сходить в лекционные часы ... в город, то такой обычно уходил по Обводному каналу, не решаясь пройти мимо окон инспекторской квартиры из боязни попасть на глаза

¹³⁰См.: Там же.

¹³¹См.: «Я признаю состояние Санкт-Петербургской духовной академии вообще очень удовлетворительным во всех отношениях». Отчет архиепископа Макария (Булгакова) о ревизии Санкт-Петербургской духовной академии в 1875 г. (вступ. статья, публ. и примеч. Д. А. Карпука) // Христианское чтение. 2016. № 4. С. 378.

¹³²См.: Там же. С. 398.

¹³³См.: Памяти профессора И. Ф. Нильского ... № 33. С. 516.

бдительному И.Ф. Нильскому или «в объятия» самому Ректору...»¹³⁴. К тому же занимаемая должность инспектора автоматически вводила И.Ф. Нильского в состав Правления Санкт-Петербургской духовной академии¹³⁵, занимавшегося преимущественно хозяйственными вопросами: составлением смет, управлением собственностью, поддержанием чистоты в зданиях и т.д.¹³⁶

По указу Святейшего Синода от 31 июля 1869 г. И.Ф. Нильский с М.О. Кояловичем были назначены в Совет академии, где они отвечали за воспитательную и учебную функции студентов церковно-исторического отделения¹³⁷. Кроме того, члены Совета академии на заседаниях, которые проходили еженедельно, а иногда и дважды в неделю, обязывались решать важные вопросы жизнеобеспечения и развития академии¹³⁸.

Высшее начальство Санкт-Петербургской академии осознавало, что главной движущей силой образовательного и научного потенциала являются её учащиеся, поэтому в 1877 г. учредило «Общество вспомоществования недостаточным студентам», оказывающее помощь студентам деньгами, вещами, частичной оплатой аренды жилья и т.д. Бюджет организации в основном состоял из пожертвований академических периодических изданий и преподавателей академии, которых нередко поощряли за благотворительность. И.Ф. Нильский оказался в числе тех, кто по распоряжению Св. Синода в 1881 г. был награжден за свою благотворительную деятельность грамотой¹³⁹, а через два года (1883 г.) на основании 9-го параграфа Устава 1869 г. «за особые труды по делам общества» был избран в её почетные члены¹⁴⁰.

Кроме того, И.Ф. Нильский участвовал в работе различных общественно-религиозных объединений, например, Отдела «Общества любителей духовного просвещения», открытого в столице в 1872 г. Предполагалось, что образованная организация, в которую входили священнослужители, светские лица и преподаватели академии, через лекционную и издательскую деятельность сможет вызвать интерес в православном обществе к религиозным вопросам¹⁴¹. И.Ф. Нильский не раз выступал с докладами, посвященными истокам разногласий между старообрядцами и православной церковью в России. Так, на заседаниях Общества в течение января–марта 1872 г. один из защитников старообрядцев Т.И. Филиппов сделал три сообщения о единоверии и его

¹³⁴См. цит. по соч.: Залетов Д. Заслуженный профессор Санкт-Петербургской ... № 10-11.

¹³⁵См.: Чистович И. А. Санкт-Петербургская духовная академия ... С. 114.

¹³⁶См.: «Я признаю состояние Санкт-Петербургской ... № 4. С. 391.

¹³⁷См.: Чистович И. А. Санкт-Петербургская духовная академия ... С. 134.

¹³⁸См.: «Я признаю состояние Санкт-Петербургской ... № 4. С. 391.

¹³⁹См.: Чистович И. А. Санкт-Петербургская духовная академия ... С. 183–184.

¹⁴⁰См.: Отчет распорядительного комитета общества вспомоществования недостаточным студентам Санкт-Петербургской духовной академии за седьмой 1883–1884 год // Церковный вестник. 1884. № 19. С. 12.

¹⁴¹См.: Чистович И. А. Санкт-Петербургская духовная академия ... С. 164–165.

проблемах. Ответной реакцией на них, кроме коротких критических замечаний профессоров И.А. Чистовича, И.В. Чельцова и протоиерея И.В. Васильева, были «пространные и веские» возражения И.Ф. Нильского. Дискуссии между Т.И. Филиповым и И.Ф. Нильским о трудностях единоверия в прошлом и современности возобновились в Отделе Общества через два года – в феврале и марте 1874 г.¹⁴²

В связи с большой учебной и административной нагрузкой у И.Ф. Нильского появляются проблемы со здоровьем. В июле 1885 г. он по собственному прошению освобождается от исполнения обязанностей инспектора и члена Правления академии¹⁴³ и посвящает освободившееся время преподаванию истории и обличения русского раскола. Тем не менее, его состояние продолжало ухудшаться, и несколько месяцев в 1893 г. он пролежал с тяжелой болезнью – пороком сердца. Восстановив силы, И.Ф. Нильский возвращается в академию и принимает летние экзамены у студентов – уже последних в его жизни¹⁴⁴.

Причина, по которой он оттягивал отставку, несмотря на ухудшающееся самочувствие, заключалась в размере пенсионного обеспечения преподавателей духовных академий тех лет. Для профессора И.Ф. Нильского, «завоевавшего трехтысячное жалованье», это означало переход «на скудную пенсию в какую-нибудь тысячу рублей, следовательно, из относительного довольства к бедности и недостаткам»¹⁴⁵. Нужда в материальном обеспечении заставляла его трудиться в духовной академии до конца жизни.

Рассмотрим основные труды И.Ф. Нильского в хронологической последовательности, чтобы показать развитие и динамику его представлений на вопросы, связанные с изучением старообрядчества.

Ещё в студенческие годы И.Ф. Нильский пишет своё первое крупное сочинение «Об антихристе против раскольников»¹⁴⁶ (1859 г.), которое было посвящено эсхатологическому сознанию староверов. Во введении к этой работе автор излагает суть и историю формирования старообрядческого учения об антихристе. Затем И.Ф. Нильский выделяет его составные части – «ложные мнения», которые в дальнейшем опровергает одно за другим. Свою задачу автор видит в выработке стратегии, которая поможет вести полемику со старообрядцами по вопросу о сущности антихриста¹⁴⁷. По его замыслу,

¹⁴²См.: Залетов Д. Заслуженный профессор Санкт-Петербургской ... № 10-11.

¹⁴³См.: Чистович И. А. Санкт-Петербургская духовная академия ... С. 200.

¹⁴⁴См.: Памяти профессора И. Ф. Нильского ... № 33. С. 515–516.

¹⁴⁵См.: Там же. С. 517.

¹⁴⁶См.: Нильский И. Ф. Об антихристе против раскольников (в общепонятном изложении): в 2 ч. СПб., 1898. 382 с., 14 с.

¹⁴⁷См.: Кузоро К. А. Церковная историография старообрядчества ... С. 148–149.

следовало сначала опровергнуть основные характеристики антихриста («о лице антихриста; об образе рождения матери, от которой он родится; о продолжении царства антихриста на земле»), а потом «прямые и положительные доказательства раскольников, которые они приводят в подтверждение той главной мысли, будто антихрист уже царствует в мире»¹⁴⁸.

Особое значение И.Ф. Нильский придавал источникам, на которых он строит свои рассуждения о несостоятельности старообрядческого учения об антихристе. Понимая, что в полемике со староверами следует использовать определенную литературу, автор предлагает привлекать следующие источники: а) старопечатные книги и рукописи XI–XVI вв., созданные до реформы патриарха Никона и содержащие старославянские переводы свидетельств Святых Отцов; б) особо уважаемые староверами издания – Кириллова книга, Книга о вере, Большой и Малый катехизис и др.¹⁴⁹ Проявляя внимательное отношение к историческим источникам и избегая двусмысленных интерпретаций, И.Ф. Нильский изучает тексты, трактуя которые староверы приходили к оригинальным выводам. Историк приходит к заключению, что рассматриваемое учение старообрядцев содержит в себе множество противоречивых суждений и аргументов, следовательно, не является истинным¹⁵⁰.

В сочинении «Об антихристе против раскольников» важное место И.Ф. Нильский отводит обличению трактовок старообрядцев об антихристе, а не научному осмыслению этого учения, как это было сделано, например, в работе Н.С. Гурьяновой¹⁵¹. Однако из-за отсутствия трудов православных ученых по этой теме до середины XIX в., рассматриваемая студенческая диссертация после публикации получила признание и послужила отправной точкой в становлении И.Ф. Нильского как эксперта по церковному расколу.

В совершенно другой манере написана небольшая по объему брошюра И.Ф. Нильского «Взгляд раскольников на некоторые наши обычаи и порядки жизни церковной, государственной, общественной и домашней»¹⁵² (1863 г.), где он отмечает отсутствие в современной ему литературе вопросов, касающихся взглядов староверов «на разные житейские предметы» и ставит целью этого сочинения показать «воззрения раскольников

¹⁴⁸См. цит. по соч.: Кузоро К. А. Направления исследования старообрядчества в синодальной (церковной) историографии последней трети XIX – начала XX в. // Вестник Томского гос. ун-та. 2009. № 320. С. 116.

¹⁴⁹См.: Нильский И. Ф. Об антихристе против ... С. 29.

¹⁵⁰См.: Кузоро К. А. Церковная историография старообрядчества ... С. 148–149.

¹⁵¹См.: Гурьянова Н. С. Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск, 1988. 188 с.

¹⁵²См.: Нильский И. Ф. Взгляд раскольников на некоторые наши обычаи и порядки жизни церковной, государственной, общественной и домашней. СПб., 1863. 72 с.

на разного рода существующие в православном обществе обычаи и порядки жизни – без отношения к тому, что во взгляде раскольников есть справедливого и что должно быть признано плодом их неразвитого ума или запуганного воображения». Историк рассматривает взгляды старообрядцев на такие элементы общественной и политической жизни, как медицину, светскую литературу, современную моду, устройство судов, полицию, паспорта, проведение народной переписи. В этом произведении автор подолгу не задерживается на каждом из предметов и не изучает все аспекты того или иного воззрения. Его сочинение, носящее просветительский характер, скорее всего, предназначалось для православных миссионеров и светских лиц, которые по роду деятельности взаимодействуют со староверами. Не обличить старообрядцев, а в доступной форме рассказать о них – это и является центральной идеей этого сочинения И.Ф. Нильского¹⁵³.

И.Ф. Нильский в последующее время переориентировался на рецензирование научных работ. Наиболее значимые, как для научной общественности, так и для последующего выбора ученым направления в изучении старообрядчества, в этом ключе написаны: «Об издании Стоглава в Лондоне»¹⁵⁴ (1861 г.) и «Несколько слов о русском расколе»¹⁵⁵ (1864 г.).

Стоглав – многоплановый исторический памятник права, утвержденный на церковно-земском соборе в Москве 1551 г. Многие главы этого документа посвящены регулированию брачно-семейных отношений жителей Русского государства в XVI в. Впервые печатный Стоглав был опубликован в 1860 г. «Вольной русской типографией Тюбнера» в Лондоне, предположительно, старовером, имя которого скрыто инициалами – «И.А.». Церковный историк Д.Ф. Стефанович выдвинул гипотезу, что отсутствие публикаций Стоглава в России связано не с церковной цезурой, а с тем, что никто не брался за это трудное дело¹⁵⁶. Совершенно противоположенную позицию занимал И.Ф. Нильский, утверждавший, что причина позднего издания Стоглава, состоит в том, «что этого требовали условные обстоятельства, именно – полемика, завязавшаяся между православными и раскольниками, которые ссылаются на Стоглав»¹⁵⁷. Соответственно, чтобы не дать старообрядческим начетчикам привлечь на свою сторону еще большее

¹⁵³См.: Кузоро К. А. Церковная историография старообрядчества ... С. 149.

¹⁵⁴См.: Путешествующий. Об издании Стоглава в Лондоне (письмо из-за границы). СПб., 1861. 17 с.

¹⁵⁵См.: Нильский И. Ф. Несколько слов о русском расколе. По поводу брошюры: «Земство и раскол» А. Щапова 1862 г. СПб., 1864. 160 с.

¹⁵⁶См.: Горский А. Д. Российское законодательство X–XX веков: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. В 9-ти томах. М., 1985. Т. 2. С. 250.

¹⁵⁷См. цит. по: Путешествующий. Об издании Стоглава ... С. 8.

количество верующих, нужно ограничить распространение Стоглава, как авторитетного источника в среде староверов.

В дальнейшем, И.Ф. Нильский негативно оценивает лондонское издание Стоглава указывая за наличие грубых ошибок в самом тексте, а в заключении пишет, что «... в тысячу раз лучше иметь у себя рукописный Стоглав, или даже вовсе не иметь, чем иметь печатный такой, в котором не только изменена «роскошная неграмотность XVI в.», вещь немаловажная для любителей старины, но испорчен по местам самый текст, извращен самый смысл памятника». Выявленные им недостатки, скорее всего, объяснялись стремлением издателей «перевести» Стоглав, сделать его современным¹⁵⁸.

Другая рецензия И.Ф. Нильского «Несколько слов о русском расколе» вызвала критику основоположника демократического направления в изучении старообрядчества, – А.П. Щапова, который представил староверие как выражение социальных противоречий эпохи: народного протеста против многочисленных сборов и податей, закрепощения крестьянства. В сочинении «Земство и раскол» (1862 г.) А.П. Щапов, рассматривая земство в славянофильском духе как народную массу, противопоставленную государству и высшим сословиям, видит в староверии «могучую, страшную общинную оппозицию податного земства»¹⁵⁹.

Опровергая воззрения А.П. Щапова, И.Ф. Нильский доказывает, что старообрядчество состояло не только из податного земства. Это религиозное движение привлекало и объединяло лиц всех сословий и званий, включая самых высших: «последователей и в роскошных палатах бояр и князей, и в скромных хижинах протопопов и попов, и в тихих кельях архиереев, архимандритов, иеромонахов»¹⁶⁰. Помимо указаний на логику изложения и идей рецензируемого сочинения И.Ф. Нильский замечает за автором отсутствие ссылок на источники, из которых он заимствует какие-либо сведения для аргументации позиции¹⁶¹, что, конечно, дискредитировало А.П. Щапова в профессиональном научном сообществе.

Церковный раскол, по мнению И.Ф. Нильского явление только религиозного характера, а не протест податного земства против всего государственного строя. Профессор определяет свое отношение к старообрядчеству как восстание против православной церкви и отделение от неё верующих из-за некоторых обрядовых различий¹⁶². Следовательно, чтобы полемика православных против старообрядцев

¹⁵⁸См.: Горский А. Д. Российское законодательство ... С. 250.

¹⁵⁹См.: Кузоро К. А. Церковная историография старообрядчества ... С. 133–134.

¹⁶⁰См. цит. по: Нильский И. Ф. Несколько слов о русском расколе ... С. 7.

¹⁶¹См.: Там же. С. 46.

¹⁶²См.: По поводу тридцатилетия ученой деятельности Ивана Федоровича Нильского // Церковный вестник. 1887. № 46. С. 804.

достигала успеха необходимо исследовать обряды и таинства, которые изменялись под влиянием конкретных причин. Именно поэтому И.Ф. Нильский концентрирует внимание на изучении старообрядческого учения о семье и браке.

С середины XIX в. исследования брачных отношений старообрядцев проходят в русле юридического подхода, и основным источником становятся документы, имеющие силу закона: правительственные законодательные акты, регулирующие семейно-брачные взаимоотношения староверов; полемико-догматические произведения о браке лидеров старообрядческих общин, которые имели нормативное значение для многих «раскольников». Становление данного направления, во-первых, обусловлено волной общего интереса к староверию и разносторонним характером научных сочинений, направленных на систематизацию всей накопившейся к тому времени информации о церковном расколе. А во-вторых, оно было связано с реформированием судебной системы в эпоху правления Александра II. В частности, долгие дискуссии проходили по проблеме определения и ограничения компетенций духовных судов, особенно в регулировании брачного права.

Именно на пересечении двух установок: общего интереса к староверию и поиска адекватных путей преобразования брачного права находится исследование И.Ф. Нильского «Семейная жизнь в русском расколе»¹⁶³.

Было ли совершение таинства венчания при отсутствии священства самым спорным вопросом для беспоповских старообрядческих толков и согласий. И.Ф. Нильский в начале своего сочинения указывает цель «ознакомить читающий мир с этим вопросом в его постепенном историческом ходе и развитии». Поставленная автором цель носила научный характер: ученый не осуждает учение беспоповцев, а трактует его как имевшее реальное значение и место в прошлом. Не смотря на это, критической оценке подвергаются поступки лидеров и отдельных представителей старообрядческого мира. В числе своих многочисленных источников И.Ф. Нильский нередко обращается к сочинениям беспоповцев, к которым он относится именно как к историческому источнику, содержащему важные сведения об изменениях в учении староверов о браке¹⁶⁴.

На наш взгляд, следует определить возможную схему разбора учения старообрядцев о браке «Семейной жизни в русском расколе», где его отдельные положения рассматриваются И.Ф. Нильским в произвольном порядке:

- описание событий или процессов, которые влияли на восприятие таинства брака старообрядцев разных толков и согласий. Чаще всего, в сочинении приводится

¹⁶³См.: Веселова А. П. Исследовательские практики при изучении старообрядческой семьи: историографический обзор // Вестник Томского гос. ун-та. 2007. № 300-3. С. 52.

¹⁶⁴См.: Кузоро К. А. Направления исследования старообрядчества в синодальной ... № 320. С. 117.

появление новых трактовок и суждений лидеров староверов по вопросам брака (И. Алексеев, И.А. Ковылин, В. Емельянов и др.).

- реакция светской власти на появление новых форм брачных взаимоотношений в старообрядческой среде (всеобщее девство, блуд, «новоженство»). Политика государства в отношении старообрядцев показана в хронологическом порядке от современника церковного раскола – царя Алексея Михайловича и до конца царствования императора Николая I.

- меры церковной власти по разоблачению учения староверов о браке и восстановлению авторитета таинства венчания, совершаемого по канонам православной церкви.

В своей докторской диссертации И.Ф. Нильский опровергает представления А.П. Щапова о браках старообрядцев, высказанные последним в работе «Русский раскол старообрядства» (1859 г.). А.П. Щапов утверждал, что староверы, установив безбрачие, пытались привлечь на свою сторону простых людей, «пренебрегавших нравственными постановлениями церкви» и имеющих «привычку к грубой, ничем не сдерживаемой свободе жизни». И.Ф. Нильский рассматривал учение беспоповцев о безбрачии как имевшее серьезные догматические и обрядовые основания. С уважением к старообрядцам он пишет, что «как ни своеобразны были раскольники в своих понятиях о добродетели, все же они не были настолько грубы и дики, чтобы безнравственность стали считать нравственностью»¹⁶⁵.

«Семейная жизнь в русском расколе» стала последней крупной работой И.Ф. Нильского. Возможно, одной из причин успеха и постепенного признания идей историка, а его самого в качестве эксперта в области брачных отношений староверов, являются мировоззренческие установки в отношении церковно-исторической науки, где И.Ф. Нильский реализовывал свои научные амбиции.

В целом, он признавал существование закономерностей исторического развития общества, но как ни парадоксально, с зависимостью от человеческого фактора, из-за чего ход исторических событий является «вовсе не прямолинейным, напротив, он идет прихотливыми извилинами, то стремясь вперед, то уклоняясь в сторону, то возвращаясь назад, то отклоняясь вовсе от цели, или останавливаясь на известной ступени». Соответственно, И.Ф. Нильский рассматривает историю как результат «сталкивающихся и переплетающихся случайностей», рожденных действиями отдельных личностей под давлением внешних обстоятельств. На примере церковного раскола XVII в. историк утверждает, что причины раскола следует искать не только в религиозной жизни русского

¹⁶⁵См. цит. по соч.: Кузоро К. А. Церковная историография старообрядчества ... С. 152.

народа, но также в тех случайных частностях, которыми была полна Россия в период патриаршества Никона¹⁶⁶.

Анализ научных трудов И.Ф. Нильского приводит к следующим выводам. Во-первых, вектор развития исторической науки в Санкт-Петербургской духовной академии отразил научный интерес самого И.Ф. Нильского к старообрядческим учениям об антихристе и браке. По замыслу ученого, их изучение должно было помочь не только успешному ведению полемики православных миссионеров против староверов, но также имело целью выработать стратегию взаимодействий государства, Русской Православной Церкви и общества со староверами.

Во-вторых, оставленный И.Ф. Нильским огромный корпус рецензий на научные работы посвященные истории старообрядчества, как светских исследователей, так и коллег по «цеху», свидетельствует о том, что несмотря на позднее появление новой научной отрасли в богословском образовании – «расколосектанства» именно эта область исторического познания быстро развивается и становится востребованной. Совокупный анализ издаваемых полемических и исторических сочинений и критических отзывов на них позволяет увидеть, какие гипотезы и теории утверждались в науке, а какие идеи были вовсе отброшены из-за слабости аргументации.

Биография И.Ф. Нильского свидетельствует о становлении качественно нового специалиста, который должен был стать, по возможности, независимым от отношения господствующей церкви к оппозиционным конфессиям и верованиям и уметь отказываться от убежденности в культурной несостоятельности старообрядчества. На протяжении всей своей жизни он пытался понять мотивы и причины, заставляющие людей оставаться в староверии, и это отразилось на содержательной стороне его работ, которые различаются по манере написания и структуре изложения. Однако главной заслугой И.Ф. Нильского в формировании сообщества экспертов, иными словами – корпорации ученых расколоведов, стала научная коммуникация с другими представителями церковных историков, отраженная корпусом его критических статей и рецензий.

¹⁶⁶См.: Нильский И. Ф. Несколько слов о происхождении раскола // Христианское чтение. 1861. Ч. 1. С. 138–139.

2.2 «От рязанского миссионера до Санкт-Петербургского учёного»: научное изучение старообрядчества в трудах профессора П. С. Смирнова во второй половине XIX – первой четверти XX вв.

Со второй половины XIX в. в Российской империи стремительно развивается противораскольническая миссионерская деятельность, целью которой провозглашалось ослабление старообрядческого движения. Обязанность по подготовке профессиональных кадров возлагалась на духовные академии и семинарии. Однако для реализации задачи был необходим штат высококвалифицированных преподавателей и ученых, способных к разработке основ противораскольнического научного знания. На деле же оказалось, что теоретическая часть новой отрасли знания полностью зависела от уже имеющегося практического миссионерского опыта.

Этот факт дает основание для утверждения, что научное осмысление феномена церковного раскола в отечественной историко-церковной традиции первоначально проходило в кругу действующих миссионеров. Соответственно, именно исследования «расколоведов» – преподавателей кафедр по истории и обличению русского раскола российских духовных академий – позволяют понять, каким образом и почему академическая корпорация расколоведов пополнялась членами миссионерского сообщества. Ответить на поставленные вопросы возможно при анализе научного наследия одного из выдающихся церковных историков, доктора богословия – Петра Семеновича Смирнова (1861 г. – после 1922 г.), чьи труды рекомендовались высшей духовной властью миссионерам, работавшим со староверами.

П.С. Смирнов родился 17 ноября 1861 г. в семье священника села Мещерки Егорьевского уезда Рязанской губернии. После окончания местной духовной семинарии он в августе 1883 г. успешно сдал вступительные испытания и был принят казеннокоштным студентом в Санкт-Петербургскую духовную академию. В июне 1887 г. П.С. Смирнов завершает четырехгодичный цикл обучения в академии со степенью кандидата богословия с правом получения в дальнейшем степени магистра без новых устных испытаний¹⁶⁷.

Такие преференции стали вполне заслуженными – его выпускное сочинение «Полемика против раскола литература с 1666 по 1766 год, её достоинства и недостатки» было одной из двух студенческих работ, которые по решению Совета академии награждались премией Высокопреосвященного митрополита Иосифа,

¹⁶⁷См.: Магистерский коллоквиум в нашей академии // Церковный вестник. 1898. № 52. С. 1832.

митрополита Литовского в размере 165 рублей¹⁶⁸. Однако желание П.С. Смирнова работать в стенах Санкт-Петербургской духовной академии в этот период не осуществилось, приказом синодального обер-прокурора от 16 августа 1888 г. он назначался преподавателем кафедры истории и обличения русского раскола и сектантства и обличительного богословия в родную ему Рязанскую духовную семинарию¹⁶⁹.

Здесь П.С. Смирнов вступает в церковное братство имени святителя Василия, епископа Рязанского и обязуется в соответствии с 12-м параграфом его устава способствовать «ослаблению и искоренению раскола и ересей» в епархии. Деятельность П.С. Смирнова на этом поприще, как видно из отчета братства за 1889 г., состояла «в руководстве по ведению бесед с заблуждающимися», что помимо прочего предполагало работу с отчетами его слушателей – уездных и окружных миссионеров рязанского церковного братства¹⁷⁰. (Впоследствии эти документы передавались преподавателю семинарии по кафедре русского раскола, на основе отзыва которого решался вопрос о «поощрении в виде благодарности или денежной награды»). Таким образом, П.С. Смирнов регулировал деятельность местных миссионеров и благодаря их отчетам ознакомился с особенностями местных течений староверия.

П.С. Смирнов имел дело с большим количеством отчетов епархиальных и прикомандированных в Рязань миссионеров, что позволило ему разработать собственную методику ведения беседы со старообрядцами. По его мнению, противораскольнический миссионер всеми средствами и при каждом удобном случае должен привлекать «на беседу» начетчиков, представляющих разные старообрядческие деноминации и руководить процессом обмена мнениями. В этом случае приезжий миссионер объективно мог стать внешним арбитром, которому «принадлежит, так сказать, сглаживающая, уравнивающая роль»¹⁷¹.

В сентябре 1889 г. на съезде духовенства в Рязани были заслушаны предложения архиепископа Феоктиста (Попова) о важности распространения «в народе книг, брошюр и листов с кратким, но ясным и основательным раскрытием заблуждений старообрядцев и сектантов» и необходимости учреждения специализированного издания «трудов Рязанских миссионеров», в котором бы публиковались рекомендации для миссионеров, тексты их проповедей и их отчеты о результатах «бесед» со староверами и сектантами.

¹⁶⁸См.: Смирнов П. Профессор Иван Федорович Нильский // Христианское чтение. 1910. № 10. С. 1277.

¹⁶⁹См.: Магистерский коллоквиум в ... № 52. С. 1832.

¹⁷⁰См.: П. С-в. Борьба с расколом в рязанской епархии // Церковные ведомости. 1890. № 50. С. 1680–1681.

¹⁷¹См.: Смирнов П. Миссионер Св. Синода иеромонах Арсений, в Рязанской епархии // Рязанские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1890. № 7. С. 612–613.

Предложение было принято духовенством, и в Рязанской епархии появился свой орган миссионерский печати.

Эти предложения основывались на опыте издания дополнений к «Рязанским епархиальным ведомостям», уже названным Святейшим Синодом успешным. После ходатайства высокопреосвященного Феоктиста (Попова) с 1 января 1891 г. при «Рязанских епархиальных ведомостях» было разрешено публиковать «Миссионерский сборник» в виде особых прибавлений к ведомостям, в количестве 6-ти двухмесячных выпусков в год. Помощником редактора ответственным за его издание назначался преподаватель духовной семинарии по истории русского раскола и сектантства и обличительного богословия, кандидат богословия П.С. Смирнов¹⁷².

Однако первый выпуск «Миссионерского сборника» оказался неудачным по двум причинам: во-первых, он был неудобен для чтения, поскольку в него вошли заключительные части статей, уже начатых издаваться в местных епархиальных ведомостях. Такие статьи лучше было бы или перепечатать для сборника полностью, или вовсе не включать в него. Хотя номер вызвал критику, все же интерес к изданию продолжал расти: «В настоящем же составе сборник не имеет самостоятельного значения, и пользование им будет весьма неудобно, если он будет обращен в отдельную продажу, независимо от епархиальных ведомостей, что было бы желательно в виду того, что статьи общего характера имеют интерес и значение для миссионеров и других епархий»¹⁷³.

Вторая причина была связана с упущениями П.С. Смирнова, в обязанности которого входила не только корректура поступивших материалов, но и оформление подписки на издание «Миссионерского сборника». В результате в первом выпуске сборника отсутствовали сведения о способах распространения издания, стоимости его номеров и, главное, не были представлены официальные документы Святейшего Синода о разрешении издания и его программе. «В корректурном отношении желательно больше исправности»¹⁷⁴ – дали свое заключение первые читатели «Миссионерского сборника». В дальнейшем редакция исправила свои первые ошибки и увеличила число подписчиков журнала благодаря рассылке миссионерам других епархий европейской части империи, но с 1894 г. тираж издания был уменьшен в связи с уходом П.С. Смирнова на вакантную должность в Санкт-Петербургскую академию и кончиной архиепископа Рязанского Феоктиста (Попова).

¹⁷²См.: Миссионерский сборник 1891 г. январь-февраль. «Прибавления к рязанским епархиальным ведомостям» // Церковные ведомости. Прибавления к церковным ведомостям. 1891. № 13. С. 429.

¹⁷³См. цит. по: Там же. С. 430–431.

¹⁷⁴См. цит. по: Там же. С. 431.

Немаловажное значение П.С. Смирнов придавал преподаванию в духовной семинарии предмета «история и обличение русского раскола и сектантства». На своих занятиях П.С. Смирнов проводил анализ источников единоверческих изданий и на их примере показывал схему разбора вероучения староверов. Такой способ изучения догматики и обрядов староверия был присущ многим преподавателям духовных семинарий и академий, где лектор мог обратить внимание на определенные сюжеты из истории и обличения старообрядчества, интересующие его самого.

Стандартные приемы работы с семинаристами П.С. Смирнов сочетал со своими методическими разработками. Например, проведение урока в форме диспута предполагало определение темы и выбор трех семинаристов, которые обязывались к определенному времени освоить лекционный материал и рекомендованную литературу. Описание такого занятия было опубликовано в «Миссионерском сборнике» в 1891 г.: «один из назначенных вести собеседование кратко излагает сущность вопроса, учение православной церкви и главное возражение раскольников, причем обращается внимание на постановку вопроса. Затем речь предоставляется другому, который не становится на точку зрения раскольника, [а] является как бы размышляющим по поводу тех или других размышлений или обвинений раскольников против церкви; он делает возражения, разъяснения на которые дает уже третий собеседник. Допускаются замечания и со стороны каждого ученика в классе. В случае затруднения, разъяснения делаются преподавателем»¹⁷⁵. Как видим, рефлексивная часть занятия проводилась не П.С. Смирновым, а самими учащимися, что развивало их умение адаптироваться к нестандартным ситуациям и вопросам в будущих прениях со старообрядцами. Еще более важно, что такая форма освоения материала позволяла будущим миссионерам встать на позиции староверов, осмыслить их аргументы против православной церкви и быстро найти убедительные контраргументы.

П.С. Смирнову было важно знать, какие учебники используют семинаристы для подготовки к занятиям, поэтому он следил за выпуском новой учебной литературы и писал на нее критические обзоры. В этом случае свою задачу он видел в определении степени доверия к таким сочинениям, возможности их включения в состав миссионерских библиотек, в круг чтения епархиальным и окружным миссионерам. Именно такими установками руководствовался П.С. Смирнов, рецензируя «Руководство по обличению

¹⁷⁵См. цит. по: Там же. С. 429–430.

русского раскола, известного под именем старообрядства» (1889 г.), подготовленное преподавателем Олонецкой духовной семинарии К.Н. Плотниковым¹⁷⁶.

Детальное изучение труда К.Н. Плотникова позволило сказать П.С. Смирнову, что это сочинение составлено из фрагментов изданных ранее пособий, частично дополненных автором, и без соответствующего оформления ссылок на использованные труды ученых: «Можно было бы указать, в каком сочинении найти ту или другую страницу «руководства», и даже – откуда взята та или другая строка его»¹⁷⁷ – отметил П.С. Смирнов. Кроме того, П.С. Смирнов указал на пренебрежительное отношение к новым научным трудам и переизданиям уже существующих: например, использование К.Н. Плотниковым устаревшей публикации И.Ф. Нильского «Об антихристе против раскольников» (1859 г.) вместо его новейшего исследования по той же теме в журнале «Христианское чтение» (1889 г.)¹⁷⁸.

Не согласен П.С. Смирнов и с позицией К.Н. Плотникова о том, что следует начинать собеседование со старообрядцами с вопроса о причинах отделения староверов от православной церкви. По мнению П.С. Смирнова, вначале необходимо сконцентрироваться не на религиозных различиях между участниками беседы, а акцентировать внимание на объединяющем факте из истории РПЦ до богослужебных реформ патриарха Никона. В подтверждение своих слов П.С. Смирнов ссылается на авторитет профессора Н.И. Ивановского, который советует начинать собеседования с вопроса о церкви как главного для старообрядчества, размышляющего о природе послереформенного православия¹⁷⁹.

Несколько лет преподавания в духовной семинарии и неудовлетворительное качество существующих учебных пособий побудили П.С. Смирнова к написанию собственного учебника «История русского раскола старообрядчества»¹⁸⁰ (1893 г.). Впоследствии эта книга была рекомендована Учебным комитетом при Святейшем Синоде как обязательная при изучении церковного раскола в духовных семинариях, а ее автор награжден премией митрополита Макария в размере 1000 рублей¹⁸¹. Сочинение П.С. Смирнова пользовалось популярностью не только в православных духовных семинариях, но и было известно старообрядцам разных толков и согласий. Так, в одной из бесед между

¹⁷⁶См.: Библиографическая заметка // Рязанские епархиальные ведомости. Прибавления к Рязанским епархиальным ведомостям. Отдел литературный. 1890. № 14/15. С. 63–64.

¹⁷⁷См. цит. по: Там же. С. 64.

¹⁷⁸См.: Смирнов П. Библиографическая заметка о книге г. Плотникова. (Окончание) // Рязанские епархиальные ведомости. Прибавления к Рязанским епархиальным ведомостям. Отдел литературный. 1890. № 17. С. 78.

¹⁷⁹См.: Там же. С. 78.

¹⁸⁰См.: Смирнов П. С. История русского раскола старообрядства. СПб., 1895. 275 с., 34 с., IV с.

¹⁸¹См.: Магистерский коллоквиум в ... № 52. С. 1832.

старообрядцами поморского и спасовского согласий в Саратовской епархии 1897 г. было зафиксировано, что возражения «поморца» строились на сведениях «Истории русского раскола старообрядства» П.С. Смирнова¹⁸².

В послесловии к учебнику П.С. Смирнов говорит о целях его написания – «захватить историю раскола во всех главнейших её моментах, не опуская при этом и существенных подробностей» и «изложить её в виде сколько отчетливом, столько же и сжатом». Это установка реализована с помощью обращения к нескольким ключевым темам, объясняющим, по его мнению, причины церковного раскола. Он начинает с рассмотрения особенностей обрядовой стороны православного христианства, складывавшихся с момента Крещения Руси равноапостольным князем Владимиром под влиянием событий церковной жизни России и православного Востока. Далее историк обращается к начальному этапу старообрядческого движения, оценивает деятельность первых лидеров старообрядчества, показывает истоки разделения на «поповцев» и «беспоповцев» и историю наиболее значимых, с его точки зрения, согласий и толков, чем часто пренебрегали светские историки¹⁸³.

Наибольшую ценность имеет последняя глава сочинения под названием «Отношения церковного и гражданского правительства к расколу», охватывающая временной отрезок с середины XVII в. до 80-х гг. XIX в. Раздел был высоко оценен Учебным комитетом Святейшего Синода, в отзыве которого говорилось следующее: «эта глава – положительная новость в нашей научной литературе по русскому расколу, так как все, что до сих пор было писано у нас о мерах против раскола и церковного и гражданского правительства, было неполно, отрывочно, несистематично, не было доводимо до конца, не было освещено надлежащим светом»¹⁸⁴.

В учебном пособии содержится характеристика сочинений церковных авторов, посвященных староверию, описывается деятельность противораскольнических братств. Кроме того, П.С. Смирнов анализирует состояние «светской» научной литературы. Ученый считает, что, видя в старообрядчестве лишь «протест против правительства и современного порядка вещей», исследователи «идут по ложному пути». П.С. Смирнов рассматривает старообрядчество как сложное, прежде всего, духовное, а уже потом социальное и политическое явление¹⁸⁵. В отличие от своего учителя И.Ф. Нильского, изучавшего церковный раскол исключительно с точки зрения его религиозных оснований,

¹⁸²См.: Летопись церковной и общественной жизни в России // Церковный вестник. 1900. № 8. С. 254–255.

¹⁸³См.: Кузоро К. А. Церковная историография старообрядчества ... С. 137–138.

¹⁸⁴См. цит. по: Смирнов П. С. История русского раскола ... С. 3–4.

¹⁸⁵См.: Кузоро К. А. Церковная историография старообрядчества ... С. 138.

П.С. Смирнов стремился учесть достижения светской исторической школы и показать роль социально-политического фактора в религиозной истории России XVII–XVIII вв.

Не менее интересен еще один аспект этого сочинения – изучение обстоятельств, приведших к повышенному вниманию русского общества к внешней, обрядовой стороне христианства, что, по мнению П.С. Смирнова, стало причиной церковного раскола. Как известно, исправления богослужебных текстов и обрядов патриарх Никон проводил по греческим образцам, чем вызвал мощное сопротивление в лице первых лидеров староверия и их последователей. Изучение П.С. Смирновым истоков этого протеста приводят к размышлению о месте РПЦ в сообществе православных держав, в том числе – характере ее отношений с Вселенской православной церковью. События Флорентийской унии (1439 г.) и захват Константинополя турками-османами под предводительством султана Мехмеда II (1453 г.) способствовали формированию представлений «об исключительном призвании Москвы и о благочестии русских, как высшем и совершенном в целом мире». Под воздействием концепции старца Филофея «Москва – третий Рим» идея сохранения христианства сделала Русскую Церковь «синонимом Церкви вселенской», и заключила «идеал Церкви вселенской в географические пределы Церкви русской»¹⁸⁶. Именно в этом П.С. Смирнов видел корни противоречий РПЦ с Константинопольским патриархатом, и, по мнению автора статьи, разрыв евхаристического общения Русской Поместной Церкви со Вселенской церковью в 2018 г.¹⁸⁷ является подтверждением того, что по-прежнему Русская Церковь осознает себя «первой среди равных» православных церквей и не намерена признавать авторитет Константинопольского патриархата, особенно в вопросах церковных расколов.

Позднее П.С. Смирнов, развивая тему «обрядоверия» в истории православной России, напишет несколько статей, где выскажет два важных тезиса: во-первых, об обрядах как внешней стороне религиозной жизни человека; во-вторых, об их многообразии и возможности изменения по решению вселенских и поместных соборов¹⁸⁸. Это станет для него важным аргументом против староверия, считающего неканонической церковную реформу середины XVII в., и одновременно против тех, кто считает староверов «еретиками». По мнению П.С. Смирнова, их следует называть «раскольниками», поскольку в их вероучении не отрицается христианская догматика¹⁸⁹.

¹⁸⁶См.: Смирнов П. С. История русского раскола ... С. 15–19.

¹⁸⁷См.: Заявление Священного Синода Русской Православной Церкви в связи с посягательством Константинопольского Патриархата на каноническую территорию Русской Церкви [Электронный ресурс] // Патриархия.ru. Электрон. версия печат. публ. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/5283708.html> (дата обращения: 02.05.2019).

¹⁸⁸См.: Смирнов П. Часы досуга. Опыт систематического обличения раскола старообрядства // Миссионерский сборник. 1893. № 1. С. 11–13.

¹⁸⁹См.: Смирнов П. Часы досуга. Опыт систематического ... № 1. С. 15–17.

Таким образом, П.С. Смирнов не просто обличал старообрядцев в несостоятельности их вероучения, а он пытался с научных и миссионерских позиций осмыслить феномен церковного раскола.

Казалось бы, образование П.С. Смирнова, полученное в рамках отечественной богословской школы, должно было сформировать его как миссионера, использующего принятые в науке методы борьбы со староверием, но в итоге мы видим совершенно другую ситуацию – в нем «проснулся» ученый. На наш взгляд, факторами, способствующими трансформации П.С. Смирнова из обличителя старообрядчества в одного из вдумчивых и интересных исследователей, стали полученный в Рязани опыт экспертизы региональных миссионерских отчетов и его неудовлетворенность как преподавателя состоянием учебно-методической базы в духовных семинариях Российской империи. Он пытался исправить существующее положение публикациями статей в церковной периодике и подготовкой принципиально нового по характеру и содержанию учебника. Однако он не увидел кардинальных изменений во внутренней миссии, поэтому в дальнейшем его попытки изменить сложившуюся ситуацию окажутся связанными с научной разработкой «расколоведения», но уже на кафедре истории и обличения русского раскола в столичной академии.

Через месяц после смерти учителя и наставника П.С. Смирнова, профессора Санкт-Петербургской академии И.Ф. Нильского (1831 г. – 11 августа 1894 г.), Советом академии был объявлен конкурс на замещение вакантной должности преподавателя по кафедре истории и обличения русского раскола, а с 21 сентября 1894 г. П.С. Смирнов был избран Советом академии главным претендентом на имеющуюся свободную вакансию по кафедре. В качестве испытания 8 и 11 октября 1894 г. П.С. Смирновым были прочитаны пробные лекции – первая на тему, отобранную им самим: «Что такое раскол?», и вторая, на тему, назначенную Советом: «Окружное Послание Ксеноса и его значение в истории раскола». Лекции П.С. Смирнова были отмечены Советом как успешные, после чего он вступил на кафедру исправляющим должность доцента Академии (утвержден резолюцией митрополита Санкт-петербургского и Ладожского Палладия (Раева) 14 октября 1894 г.)¹⁹⁰.

Во время занятия преподавательской деятельностью в духовной академии П.С. Смирнов, из-за нехватки академического времени на учебный курс по истории и обличению церковного раскола, он старался сосредотачивать свое внимание на определенных сюжетах из «жизни раскола» и теоретической части предмета. Например, в первую половину 1896/1897 учебного года он читал историю раскола, где излагал учение

¹⁹⁰См.: Карпук Д. А. История Санкт-Петербургской духовной академии (1889–1918 гг.): дис. ... канд. богословия. СПб., 2008. С. 101–102.

старообрядчества со стороны догматико-канонической и обрядово-апологетической, а во вторую половину учебного года П.С. Смирнов «введение в расколосектантство» с характеристикой староверия в первое время его существования¹⁹¹.

После указа Святейшего Синода 4 января 1897 г. дисциплина истории и обличения русского раскола, в связи с крайней необходимостью для образования будущих пастырей церкви, становится общеобязательной для всех студентов духовных академий¹⁹². По причине чего П.С. Смирнов меняет содержание лекций, стараясь уделить внимание полемической части (разбор вероучения старообрядцев по обрядовым и догматическим вопросам), пусть и с преобладанием базового компонента науки расколоведения в синодальный период – истории старообрядчества, где П.С. Смирнов практически все свои силы тратил на лекционный курс блока истории старообрядчества со второй половины XVII – первой четверти XVIII вв. (ранняя история разделения староверов на поповщину и беспоповщину, доктрины первых лидеров старообрядчества – протопопа Аввакума, иеромонаха Авраамия, инока Епифания и т.д.)¹⁹³. В дальнейшем преподаваемый им курс лекций постоянно углублялся и расширялся новым теоретическим и фактологическим материалом.

В сохранившихся студенческих конспектах и рабочих программах по курсу истории и обличения русского раскола П.С. Смирнова нередко поднимается вопрос о положении противораскольнической полемики. Двойственное впечатление оставляет П.С. Смирнов, когда говорит, что «в старое время полемика имела успех очень незначительный. Не имеет она полного успеха и в настоящее время». В то же время делает противоположенный вывод: «Полемика как наука очень важна, поскольку со временем изменяется и стиль, и методы, и сами раскольники сходят с некоторых своих аргументов и прочее. Все это *[нужно]* учитывать и уметь реагировать, чтобы не было войны с ветряными мельницами»¹⁹⁴. Данный факт свидетельствует, что принятый в противораскольнической миссионерской деятельности полемический метод, как установленная парадигма, сильно устаревает и становится не эффективным в решении поставленной расколоведами проблемы возвращения старообрядцев в православную

¹⁹¹См.: Отчет о состоянии С.-Петербургской духовной академии за 1896 год // Христианское чтение. 1897. № 3. С. 463.

¹⁹²См.: Карпук Д. А. История Санкт-Петербургской духовной академии ... С. 102.

¹⁹³См.: Отчет о состоянии С.-Петербургской духовной академии за 1897 год // Христианское чтение. 1898. № 3. С. 384; Отчет о состоянии С.-Петербургской духовной академии за 1898 год // Христианское чтение. 1899. № 3. С. 490; Отчет о состоянии С.-Петербургской духовной академии за 1899 год // Христианское чтение. 1900. № 3. С. 504; Отчет о состоянии С.-Петербургской духовной академии за 1900 год // Христианское чтение. 1901. № 3. С. 353; Отчет о состоянии С.-Петербургской духовной академии за 1901 год // Христианское чтение. 1902. № 3. С. 370; Отчет о состоянии С.-Петербургской духовной академии за 1902 год // Христианское чтение. 1903. № 3. С. 506.

¹⁹⁴См. цит. по соч.: Карпук Д. А. История Санкт-Петербургской духовной академии ... С. 102.

церковь. Американский историк и философ науки Т. Кун в исследовании «Структура научных революций» (1962 г.) говорит, что сформированная в научном сообществе общепринятая парадигма не будет отброшена легко, так как ученые будут сопротивляться изменениям до тех пор, пока не появятся аномалии, «пронизывающие научное знание до самой сердцевины» и тогда, принятые в науке методы будут пересмотрены¹⁹⁵. Соответственно, нерешительность П.С. Смирнова в отношении миссионерских методов и задач подтверждает наличие кризиса в системе богословской науки.

Продвижение по академической карьере П.С. Смирнова в высшей российской духовной школе – от временно исполняющего доцента до ординарного профессора – стало возможным, благодаря высокой оценке преподавательской корпорацией и Советом академии его научных трудов, посвященных истории церковного раскола.

Так, 20 декабря 1898 г., после долгих обсуждений (в течение 5,5 часов) в актовом зале академии, П.С. Смирнов успешно защищает магистерскую диссертацию на тему: «Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным» (1898 г.). Исследование ученого, посвященное внутренней полемике старообрядчества, было высоко оценено Святейшим Синодом, наградившим автора ещё одной на его счету премией митрополита Макария в размере 800 рублей (с процентами – 819 рублей)¹⁹⁶. После утверждения П.С. Смирнова Синодом в ученой степени магистра богословия, духовная академия повышает его в должности: 24 марта 1899 г. – до доцента¹⁹⁷, а 30 января 1901 г. – до экстраординарного профессора Академии¹⁹⁸.

В продолжении темы магистерского сочинения церковный историк пишет и успешно защищает диссертацию на степень доктора церковной истории по теме: «Ссоры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века» (1909 г.). Целью докторской диссертации заключалась в выявлении дискуссий в религиозном сообществе старообрядцев, возникавших в связи с затруднениями в осуществлении духовных заветов первых лидеров староверия и то, как старообрядцы в первой половине XVIII в. обосновывали изменения в богослужебной практике¹⁹⁹, приводившие к последующему дроблению старообрядчества на различные толки и согласия. В результате получения и утверждения П.С. Смирнова в научной степени доктора церковной истории, Совет

¹⁹⁵См.: Кун Т. Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969 г. М. : «Прогресс», 1977. С. 94–95.

¹⁹⁶См.: Отчет о состоянии С.-Петербургской духовной академии за 1898 год ... С. 481.

¹⁹⁷См.: Отчет о состоянии С.-Петербургской духовной академии за 1899 год ... С. 489.

¹⁹⁸См.: Отчет о состоянии С.-Петербургской духовной академии за 1901 год ... С. 356.

¹⁹⁹См.: Смирнов П.С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909. С. V.

Академии 9 декабря 1909 г. избрал его на должность сверхштатного профессора, а с появлением свободной профессорской ставки П.С. Смирнов с 9 июня 1910 г. был назначен ординарным профессором академии²⁰⁰.

Санкт-Петербургская духовная академия на рубеже XIX–XX вв. издавала два крупных церковных журнала: «Церковные ведомости» и «Христианское чтение», где пост главного редактора находился в руках одного из преподавателей академии. Однако, по новым правилам «заведывания академическими журналами» (1902 г.) редакции журнала были разделены, при этом в каждом журнале новый редактор избирался не на пять лет как раньше, а на три года. Процедура избрания редактора проходила за несколько месяцев до окончания срока действующего редактора, чтобы избранному претенденту за небольшой промежуток времени войти в курс редакционных задач. С 1903 г. прежний редактор А.П. Лопухин уходит работать в редакцию журнала «Странник», а пост редактора журнала «Христианское чтение» занял профессор П.С. Смирнов, который потом дважды переизбирался на пост редактора научного издания академии. Таким образом, его работа в качестве редактора продолжалась до 1911 г. включительно²⁰¹.

Результатами труда П.С. Смирнова в редакции академического журнала стало завершение в 1906 г. второго издания перевода трудов святителя Иоанна Златоуста в 12-ти томах к тому времени, когда весь христианский мир в 1907 г. праздновал 1500-летие со дня кончины святителя Иоанна Златоуста и по решению Совета академии было принято почтить память известного богослова²⁰². В том же году, полное собрание творений святителя Иоанна Златоуста было подарено императору Николаю II, который передал слова благодарности через митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония (Вадковского). Следует отметить, что похвала монарха в сторону высшей духовной школы была получена в то время, когда духовные академии только осуждали и обвиняли в чрезмерной либерализации и гапонизации.

Успешная реализация проекта по переводу сочинений Иоанна Златоуста вдохновила редакцию к переводу и изданию собрания творений преподобного Феодора Студита в 2-х томах, которые были изданы за два года плодотворной работы с (1907–1908 гг.). К тому же, еще при П.С. Смирнове в 1911 г. было начато издание труда епископа Далматинско-Истрийского Никодима (Милаша) «Правила Православной Церкви с толкованиями» и закончено в период работы нового редактора Н.И. Сагарагде²⁰³.

²⁰⁰См.: Карпук Д. А. Приложения к диссертации на соискание ученой степени кандидата богословия Карпука Дмитрия. История Санкт-Петербургской духовной академии (1889–1918 гг.). СПб., 2008. С. 158.

²⁰¹См.: Карпук Д. А. История Санкт-Петербургской духовной академии ... С. 289.

²⁰²См.: Карпук Д. А. Периодические издания Санкт-Петербургской духовной академии (1821–1917). К 190-летию журнала «Христианское чтение» // Христианское чтение. 2011. № 6 (41) С. 75.

²⁰³См.: Там же. С. 76–77.

Во время Первой мировой войны состояние духовной школы ухудшилось, прежде всего обострились кадровые и финансовые проблемы, а часть академических зданий была передана под госпитали и военные пункты. После Октябрьского переворота декреты Совнаркома РСФСР от 11 декабря 1917 г. и 20 января 1918 г. привели к постепенной гибели духовной школы в России. Конечно, мы можем видеть, что корпорация преподавателей академий не желала мириться с новыми законами. Так, например, 27 января 1918 г. на экстренном заседании в Совете академии Петроградской духовной академии обсуждалось предложение комиссара Народного просвещения о возможных вариантах духовной академии войти в состав университета с дальнейшим созданием православно-богословского факультета²⁰⁴. Все эти обсуждения не имели уже большого значения, так как Петроградская духовная академия к зиме 1918–1919 гг. прекратила своё существование.

Упразднение Петроградской духовной академии стало тяжелым бременем для преподавателей, большая часть которых нашла приют во 2-ом отделении IV секции созданного летом 1918 г. Единого государственного архивного фонда (далее – ЕГАФ), включающий в себе архив бывшего Святейшего Синода и других духовных ведомств. Управляющим 2-го отделения был назначен выпускник Санкт-Петербургской духовной академии К. Я. Здравомыслов²⁰⁵. С 1919 г. по 1923 г. во 2-ом отделении ЕГАФ служили известные русские богословы и церковные писатели: А.И. Бриллиантов, А.А. Бронзов, Н.Н. Глубоковский и др. В этом списке значится и профессор П.С. Смирнов, проработавший там чуть больше 3-х лет (1 декабря 1918 – 1 февраля 1922 гг.)²⁰⁶.

Сразу после закрытия Петроградской академии внутри здания разместился приют или, по-другому, колония «малолетних преступников» в общем количестве 300 человек, но внутри академических помещений продолжали находиться библиотека и архив. На протяжении нескольких лет академические помещения вскрывали подростки и подвергали всё находящееся там, – полному разрушению, кроме того в этих погромах принимали участие и заведующие приютом. Единственное спасение от разорения оказали сотрудники 2-го отделения ЕГАФ, которые перевозили и хранили архивы и библиотеки Петроградской духовной академии и семинарии, Палестинского общества, Александровской Лавры, Римско-Католической коллегии, многих петербургских церквей и

²⁰⁴См.: Карпук Д. А. Приложения к диссертации ... С. 204–207.

²⁰⁵См.: Корнева Н. М., Крапивин М. Ю. Новые документы по истории Синодального архива (1918–1929 гг.). Часть 1 // Вестник церковной истории. 2016. № 1-2 (41-42). С. 55–56.

²⁰⁶См.: Богданова Т. А История архива Санкт-Петербургской духовной академии в фондах Российской национальной библиотеки // К 75-летию Дома Плеханова 1828–2003. Сб. статей и публикаций, материалы конференций. СПб. : Российская национальная б-ка, 2003. С. 151.

монастырей, пока разрушители бездействовали²⁰⁷. Благодаря смелости и храбрости сотрудников ЕГАФ были сохранены уникальные книжные памятники и рукописи архивов и библиотек, собранные тяжким трудом не одним поколением сотрудников Санкт-Петербургской духовной академии.

Дальнейшая жизнь и деятельность П. С. Смирнов после увольнения 1 февраля 1922 г. из ЕГАФ прерывается и остается для многих исследователей загадкой. Возможно, что-то можно найти в делах архивов Санкт-Петербурга, например, в Центральном государственном историческом архиве (далее – ЦГИА), но эта возможность, к сожалению, доступна не всем современным ученым.

Восстановив многие стороны биографии П.С. Смирнова, следует обратиться к обзору его научных трудов, опубликованных во время работы в Санкт-Петербургской (Петроградской) духовной академии (1894–1918 гг.), чтобы определить влияние идей церковного историка на развитие науки расколоведения.

Магистерское сочинение П.С. Смирнова «Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным» (1898 г.)²⁰⁸ представляет собой анализ проблем и трудностей, и их решение, возникших в старообрядческой среде во второй половине XVII в. после отделения от православной церкви. Историк группирует эти проблемы на три блока вопросов, вокруг которых возникали острые споры и сомнения внутри староверия.

Первая часть вопросов возникла под влиянием внешних обстоятельств, а именно после указов царя Алексея Михайловича и царевны Софьи Алексеевны, которые под страхом физической расправы (ударами кнутом, «поднятием на дыбу», смертной казнью) угрожали тем, кто придерживался «старых обрядов». При таких условиях староверам необходимо было выработать новый образ жизни в Российском государстве и сформировать новые формы социального взаимодействия с православными. Отсюда два вопроса, которыми задаются старообрядцы: «где и как жить?»²⁰⁹ и решают их по-разному; кто-то убегает от жёсткой конфессиональной политики со стороны правительства в малонаселенные лесистые и горные территории на Урале, Сибири и Дальнем Востоке или же обустривают свою жизнь за границей России в Османской Порте (Турции), Австрии или в Дунайских княжествах (Молдавии и Валахии), где организуют старообрядческие общины, другие же более радикально «спасали себя», приняв на себя роль христианских мучеников посредством самоуморения или самосожжения.

²⁰⁷См.: Там же. С. 152–153.

²⁰⁸См.: Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб., 1898. СXXXIV с., 237 с., 121 с.

²⁰⁹См.: Там же. С. III.

Обособившись от православной церкви, старообрядцы не хотели признавать, что они остались вне христианской церкви («тела Христова»), так как, в противном случае, это означало лишить себя шанса спасти христианскую душу. Соответственно, вторая часть вопросов: «что это за идеал и какая это церковь» должна была детально отразить религиозную самоидентификацию старообрядцев, что и произошло. Идеал старообрядческого вероучения сложился в рамках обрядовой системы, существовавшей до патриарха Никона, что создало плюрализм религиозных интерпретаций, и, соответственно еще более разделило старообрядцев на разные толки и согласия. Причина, по которой старообрядцы различались друг от друга трактовками церковных таинств и обрядов, скрывалась в отсутствии как такового единообразия богослужения в истории Русской Православной Церкви и истории христианства в принципе.

Оба ряда вопросов, по мнению П.С. Смирнова, были вызваны внешними условиями жизни староверов, зависящие в большей мере от угрозы существования староверия, но, чтобы объяснить третий порядок вопросов, – «почему раскол оказался в таком положении?» – для этого потребовалось теоретическое обоснование, или доктрина вероучения²¹⁰. Положительной стороной религиозных рассуждений староверов заключалась в том, что церковный раскол, несмотря на тотальную безграмотность, заставил многих людей больше размышлять о содержании богослужебных книг и обрядов «старого и нового» образцов, а отрицательная сторона выразилась в появлении полярных точек зрения в соблюдении правил богослужения, приводивших к внутренним распрям между последователями старообрядчества и появлению сомнений православных верующих в правильности реформ в Русской Православной Церкви.

Исследовательский стиль П.С. Смирнова отличается скрупулезнейшим анализом вероучительных споров старообрядцев по разработанной им схеме. При этом следует отметить, что он учитывает официальные для синодального периода оценки раскола, но старательно подбирая источники изучения и избегая намеренных фальсификаций, присущих историографии прошлых веков. Но благодаря полноте и тщательности исследования, историк не обращает внимания на серьезную источниковедческую проблему, которая обусловила конечные выводы.

П.С. Смирнов, как и многие исследователи после него, в качестве основополагающих источников используют историко-полемические сочинения участников споров и некоторые тексты, обладающие церковно-нормативным характером в сообществе старообрядцев. Безусловно, эти документы позволяют восстановить картину

²¹⁰См.: Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке ... С. IV.

событий разделения согласий, направлений и этапов споров. Несмотря на явные преимущества исследовательской концепции П.С. Смирнова, крупным новосибирским историком Н.Н. Покровским проведена проверка заключений при помощи привлечения массовых документальных источников, передающих подробную обстановку дел в самом низу, на местах, в отдельных общинах староверов. Оказалось, что в действительности жизнь старовера-общинника куда более противоречивее и многообразнее полемических и нормативных книжных памятников. Разделения и столкновения в народной старообрядческой среде проявлялись совсем не с такой категоричностью и определенностью, как это представлено П.С. Смирновым. Тем не менее, следует отметить, что такая постановка задач в исторической науке оказалась допустимой лишь благодаря неустанному труду П.С. Смирнова²¹¹.

Исследования П.С. Смирнова нередко были направлены на отдельные сюжеты из истории старообрядчества, ярким примером может служить цикл научных статей «О перстосложении для крестного знамения и благословения» (1904 г.)²¹². Применяя историко-полемический метод, историк анализирует историю споров о перстосложении, которые он излагает с первых лет существования церковного раскола в России. Помимо этого, им прослеживается вся история складывания устойчивой формы перстосложения с первых веков христианства и до событий XVII в. Это исследование значимо для современных ученых еще и тем, что в нем приведен список трудов церковных историков середины XVII – конца XIX вв., в которых идет речь о дискуссиях со старообрядцами по поводу истинной формы перстосложения, и даны многочисленные и подробные комментарии к этим работам²¹³.

В научных публикациях П.С. Смирнова не оставлено без внимания одно из самых трагичных явлений в истории старообрядчества – самосожжение. В двух статьях под общим названием «Происхождение самоистребления в русском расколе» (1895 г.)²¹⁴, построенных на обширном корпусе источников старообрядческого происхождения и сочинениях противников самосожигателей, он приходит к выводу, что самосожжение как

²¹¹См.: Покровский Н. Н. Пути изучения истории старообрядчества ... С. 12–13.

²¹²См.: Смирнов П. О перстосложении для крестного знамения и благословения // Христианское чтение. 1904. № 1. С. 24–44; Смирнов П. О перстосложении для крестного знамения и благословения // Христианское чтение. 1904. № 2. С. 214–237; Смирнов П. О перстосложении для крестного знамения и благословения // Христианское чтение. 1904. № 3. С. 378–405; Смирнов П. Полемика о перстосложении в первое время существования раскола // Христианское чтение. 1904. № 7. С. 36–58; Смирнов П. Полемика о перстосложении в первое время существования раскола // Христианское чтение. 1904. № 8. С. 173–186; Смирнов П. Полемика о перстосложении в XVIII и XIX столетиях // Христианское чтение. 1904. № 9. С. 281–303.

²¹³См.: Кузоро К. А. Церковная историография старообрядчества ... С. 150.

²¹⁴См.: Смирнов П. Происхождение самоистребления в русском расколе. // Христианское чтение. 1895. № 5–6. С. 617–635; Смирнов П. Происхождение самоистребления в русском расколе. // Христианское чтение. 1895. № 7–8. С. 170–199.

уникальное направление старообрядческого вероучения имело своего идеолога (старец Капитон), было обусловлено эсхатологическими представлениями («мысли о последних днях мира») и распространялось на конкретных территориях. Для синодального историка была абсолютно очевидна взаимосвязь между самосожжением и доктриной первых проповедников староверия²¹⁵.

П.С. Смирнов сконцентрировал свое внимание на загадочной фигуре инока Капитона – инициатора аскетического и пессимистически-эсхатологического религиозного движения 1620–1630-х гг., которое напрямую повлияло на становление идей проповедников самозажигания и беспоповщинских согласий. Хотя П.С. Смирнов упомянул о деятельности Капитона отрывочно и, так сказать, в коротких примечаниях, несмотря на это, именно ему принадлежит заслуга открытия этого исторического персонажа следующим поколениям историков²¹⁶.

Альтернативные версии объяснения самоубийственных практик в среде староверов, которые связывали факт самосожжений с преследованиями старообрядцев светскими органами власти, он полностью отрицал, так как «при таком понимании остаются без объяснения те многочисленные случаи самоистребления, которые не были вызваны никакими преследованиями»²¹⁷. В его трактовке беспоповское учение, близко связанное с «гарями», представляется абсолютно радикальным: «Крещения нет, покаяния нет, нет и какого бы то ни было средства благодатного освящения», а для благочестивых верующих осталось «только одно – крещение огнем и постом»²¹⁸. В конечном итоге, П. С. Смирнов указывает, что учение о спасении души огнем появилось и развивалось под значительным влиянием старообрядцев-беспоповцев, где по соседству находились секты хлыстов и происходило культурное взаимодействие²¹⁹.

Накопленный опыт работы П. С. Смирнова в разных должностях, от штатного противораскольнического миссионера до ординарного профессора духовной академии, ощутимо повлияло на его научное мышление в рамках традиционной богословской картины мира XIX в. Сформированный еще во время миссионерского служения в Рязани принцип сдержанности, а во многих случаях – нейтральности, в изучении старообрядчества, позволил ему рассматривать староверие не только исходя из привычных для многих синодальных историков религиозных интерпретаций, но и с точки

²¹⁵См.: Пулькин М. В. Самосожжения старообрядцев: проблемы историографии [Электронный ресурс] // Религиоведение. 2012. № 2. С. 35. Электрон. версия печат. публ. Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

²¹⁶См.: Зеньковский С. А. Русское старообрядчество: в 2 т. М., 2009. Т. 1. С. 53.

²¹⁷См. цит. по соч.: Пулькин М. В. Самосожжения старообрядцев: проблемы ... С. 36.

²¹⁸См. цит. по: Смирнов П. Происхождение самоистребления ... № 5-6. С. 629.

²¹⁹См.: Пулькин М. В. Самосожжения старообрядцев: проблемы ... С. 36.

зрения социально-бытовых и политических причин. Классификация П.С. Смирновым внутри старообрядческих споров в XVII и XVIII вв. на основе старообрядческой полемической литературы стали важным этапом для решения вопросов о взаимоотношении согласий и толков в последующие столетия, влиянии сословной принадлежности старообрядческих идеологов на их взгляды, степени влияния отдельно взятой личности на жизнь религиозного общества²²⁰.

Без сомнения, его научные труды выражали уже давно сформированный для православной церкви негативную оценку приверженцев старообрядчества, но П. С. Смирнов мастерски сочетал эту точку зрения с собственным пониманием того, что староверие являлось одним из множества вариантов развития русской религиозной мысли в период кризиса Русской Православной Церкви и Российского государства XVII в.

Таким образом, изучение старообрядчества в Санкт-Петербургской духовной академии во второй половине XIX – первой четверти XX вв. представлено трудами двух ученых – И.Ф. Нильского и П.С. Смирнова. Именно они подготовили не одно поколение деятельных противораскольнических миссионеров и преподавателей для кафедр по изучению церковного раскола в духовных семинариях. Для Санкт-Петербургской научной школы расколоведения в синодальный период были присущи: критическая оценка православных писателей и альтернативных концепций, объясняющих причины и последствия церковного раскола (демократическое направление); акцентирование в преподавании дисциплины «расколосектантства» на ее историческом, а не полемическом аспекте; активная общественная и административная деятельность в академических комиссиях и епархиальных комитетах; уважительное отношение к объекту исследования – староверам, что можно увидеть в поздних работах богословов.

Центральное место в научных работах И.Ф. Нильского и П.С. Смирнова занимают эсхатологические представления староверов, которые они рассматривали как первопричину дифференциации староверов на «умеренные» и «радикальные» направления. Сформированная при их деятельном участии исследовательская традиция ясно показывает историю развития разных толков и согласий староверия и ход развития мысли старообрядческой интеллектуальной элиты в середине XVII – первой половине XIX вв., но совершенно не учитывает мотивы и поведенческие практики среднестатистического старообрядца-общинника. Следовательно, существенным вкладом Санкт-Петербургской школы расколоведения может считаться разработка общей исторической картины прошлого старообрядчества и частичное преодоление

²²⁰См., например: Мальцев А. И. Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII – начале XIX в.: проблема взаимоотношений. Новосибирск, 2006. 572 с.

официальных стереотипных оценок староверия. В совокупности, это закладывало основы для изменения сложившихся ранее в церковной исторической науке исследовательских подходов в отношении оппозиционной конфессии.

ГЛАВА 3. ПРОТИВОРАСКОЛЬНИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВВ.

3.1 Историко-полемический метод изучения староверия в публикациях «профессора-миссионера» Н. И. Ивановского

Вторая половина XIX – начало XX вв. стало временем осознания исторической наукой и общественной мыслью того факта, что старообрядчество является сложным и противоречивым феноменом, требующим внимательного и детального изучения. Более того, исследование старообрядчества окончательно перемещается в среду высшей духовной школы²²¹.

Появление обширных исследований о старообрядчестве, прежде всего, связано с изменением статуса староверия, признанием правительством его «неопасности» для самодержавного строя, значительным влиянием старообрядцев-предпринимателей в сфере экономического развития Российской империи. Внимание общественности к старообрядчеству было вызвано также многочисленностью приверженцев «древлеправославной веры», образованием в 1846 г. староверами своей церковной иерархии²²².

Рост интереса церковных историков к отдельным аспектам истории старообрядчества наблюдался именно в 60–70 гг. XIX столетия, что было вызвано проведенными реформами и связанными с ними трансформациями в обществе и сознании человека того времени. Как и ранее, базовыми установками церковных исследователей выступали интересы официальной православной церкви и русской монархии, защищая интересы которых, церковные авторы определяли задачи своих исследований. Главной целью оставалось обличение старообрядцев, т.к. сам факт наличия последователей «старой веры» ставил под подозрение официально принятые ценности²²³. Соответственно, для высшей духовной школы было характерно превалирование работ полемического и обличительного содержания. Значительно меньше исторических работ было посвящено изучению вопросов, связанных с самой историей «церковного раскола» в середине XVII в. Но и они выражали официальную негативную позицию духовной власти по отношению к старообрядчеству. Одним из первых представителей официально-церковного направления

²²¹См.: Кузоро К. А. Старообрядчество на страницах православных периодических изданий середины XIX – начала XX в. // Вестник Томского гос. ун-та. 2011. № 347. С. 83.

²²²См.: Камзина А. Д. Проблема истории старообрядчества ... С. 128.

²²³См.: Костров А. В. Вклад исследователя Н. И. Ивановского в развитие официально-церковной концепции старообрядчества. // Старообрядчество как историко-культурный феномен: мат-лы междунар. науч-практ. конф. Гомель, 2003. С. 128.

в изучении староверия пореформенного периода являлся миссионер и профессор Казанской духовной академии Николай Иванович Ивановский (1840–1913 гг.)²²⁴.

Прежде чем непосредственно перейти к анализу научных трудов церковного историка представляется важным рассмотреть все обстоятельства, при которых они были созданы. Именно поэтому при решении этой задачи необходимо использовать методологические принципы интеллектуальной истории, которая направлена на изучение всех видов творческой деятельности человека. В соответствии с данным подходом следует рассматривать не только итоги интеллектуальной деятельности ученого, но и условия, механизмы восприятия и распространения новых знаний и смыслов. Не меньшее значение имеет реконструкция политического, социального, религиозного контекста возникновения и развития идей, позволяющая представить мысль исследователя в динамике. Грубой ошибкой будет оценивать и делать выводы об особенностях интеллектуального продукта без учета научных интересов ученого, его жизненных ситуаций и обстоятельств²²⁵. Представляется, что именно через биографию Н.И. Ивановского возможно раскрыть и понять те отличительные черты научных трудов, где главной целью было доказать неправомочность вероучений старообрядцев.

Н.И. Ивановский родился в 1840 г. в семье священника Архангельской епархии. Среднее образование получил в Архангельской духовной семинарии, после чего в 1861 г. продолжил обучение в духовной академии Санкт-Петербурга²²⁶. Ещё в студенческие годы Н.И. Ивановский был увлечен лекциями по церковному расколу и особо отмечал манеру преподавания своего первого учителя И.Ф. Нильского: «Профессор не читал, а говорил свои лекции, ходя по классу. Не стесненный и не стеснявшийся рамками какой-либо программы, он читал эпизодически, широко и с увлечением захватывая и разъясняя волновавшие общество вопросы»²²⁷. Именно у этого университетского преподавателя по истории раскола Н.И. Ивановский перенял важные личностные качества, оказавшие существенное влияние на формирование умений и навыков ещё юного исследователя, – открытость к новым знаниям и постоянное желание учиться²²⁸.

После того как Н.И. Ивановский окончил академию в Санкт-Петербурге в 1865 г., его назначают в Казанскую духовную академию бакалавром на кафедру истории и

²²⁴См.: Камзина А. Д. Проблема истории старообрядчества ... С. 128.

²²⁵См.: Кузоро К. А. Интеллектуальная история как подход к изучению церковной исторической науки второй половины XIX – первой четверти XX в. (к постановке проблемы) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 5. Ч. 2. С. 95–96.

²²⁶См.: Памяти профессора Н.И. Ивановского // Церковные ведомости. 1913. № 47. С. 2242.

²²⁷См. цит. по: Собрание сочинений профессора Казанской духовной академии Николая Ивановского : сб. ст. Казань, 1898. Т. 1. С. 7.

²²⁸См.: Там же. С. 9.

обличения русского раскола, где началась его активная преподавательская и научная деятельность²²⁹.

Закончив с переездом и обустройством в Казани, он попадает под особое распоряжение от 5 октября 1854 г., который обязывал всех сотрудников духовной академии ежегодно готовить материалы к печати в «Православном собеседнике» по объему не менее шести листов²³⁰. Первые труды Н.И. Ивановского были посвящены отдельным старообрядческим деноминациям и староверческой ритуальной практике: «о рябновщине» (1867 г.)²³¹; «о беспоповщинской исповеди» (1869 г.)²³². С 1869 г. он продолжил научную работу уже в качестве экстраординарного профессора, и после выпуска капитального труда «Критический разбор учения неприемлющих священства старообрядцев о Церкви и таинствах» (1883 г.)²³³ получил степень доктора богословия и был поставлен ординарным профессором академии.

Исходя из своего исследовательского опыта Н.И. Ивановский, пришел к убеждению, что ученые обязаны постоянно развиваться, как и сама наука. На них лежит обязанность не следовать только старым и общепринятым теориям и концепциям, но и открывать новое знание, изобретать пути для достижения поставленных научных целей²³⁴. В этом он видел идеал, к которому необходимо стремиться всем исследователям.

В рамках преподавательской деятельности Н.И. Ивановским был разработан курс лекций по еще неразвитой дисциплине – расколоведению. Читаемый материал по истории и обличению «расколосектанства» представлял собой результаты его научных изысканий, которые постоянно изменялись и дополнялись. Следуя своему основному постулату о необходимости не только теоретического изучения, но и практической выработки навыков борьбы с расколом, он вел семинарские занятия, которые были направлены на подготовку слушателей к диспутам со старообрядцами²³⁵. Один из его коллег профессор Н.П. Виноградов с восхищением говорил: «нужно было видеть, с какой серьезностью, интересом и увлечением велись эти занятия в академической аудитории или вернее в библиотеке, среди старопечатных книг, рукописей и других документов при изучении старообрядчества»²³⁶.

²²⁹См.: Памяти профессора Н. И. Ивановского ... С. 2243.

²³⁰См.: Нетужилов К. Е. Церковная периодическая печать в России XIX столетия. СПб., 2007. С. 78.

²³¹См.: Ивановский Н. И. О рябновщине // Православный собеседник. 1867. Ч. 2. С. 43–66.

²³²См.: Ивановский Н. И. О беспоповщинской исповеди // Православный собеседник. 1869. Июль. С. 253–285.

²³³См.: Ивановский Н. И. Критический разбор учения беспоповцев о церкви и таинствах. Казань, 1883. 421 с.

²³⁴См.: Собрание сочинений профессора ... Т. 1. С. 17.

²³⁵См.: Там же. С. 4–5.

²³⁶См. цит. по: Там же. С. 5.

Общая педагогическая нагрузка Н. И. Ивановского не ограничивалась подготовкой будущих священно- и церковнослужителей в стенах духовной академии. С 1873 г., еще до учреждения в духовных семинариях кафедры истории и обличения старообрядчества и сектантства, он вел в Казанской духовной семинарии «уроки раскола» для всех желающих. Таким образом, в течение свыше 30 лет Н.И. Ивановский непосредственно соприкасался с воспитанниками духовной семинарии и подготовил из них немало деятельных миссионеров²³⁷.

Если говорить о форме занятий студентов в духовных семинариях, то важно отметить, что Н.И. Ивановский как приверженец реформ средней духовной школы 1867 г. считал основным видом деятельности учащихся практические занятия. Восстановленная, в ходе контрреформ, прежняя образовательная «многопредметность» с преобладанием лекционных форм обучения в рабочих программах духовно-учебных заведений была воспринята им крайне негативно, о чем свидетельствуют его рассуждения: «Конечно, с академической точки зрения всякое знание полезно и чем больше оно, тем лучше; но в семинариях мы готовим не ученых энциклопедистов, а пастырей церкви, могущих твердой рукой держать свою паству, готовим людей жизни, а не кабинета»²³⁸.

Помимо чтений лекций Н.И. Ивановский принимал участие в работе разных академических комиссиях, епархиальных учреждений и даже сторонних духовных ведомств.

В 1870 г. он стал членом комиссии по составлению правил для приема студентов и допущении сторонних слушателей в духовную академию Казани, а также принял участие в составлении инструкции по правилам литографирования лекций и конспектов²³⁹. Советом Казанской духовной академии он был избран на должность инспектора (1876–1880 гг.). В течение этих 4-х лет студентами академии ни разу не был нарушен порядок и дисциплина, за что Н.И. Ивановский был признан одним из лучших ее инспекторов²⁴⁰.

В связи с переносом библиотеки Соловецкого монастыря в Казанскую духовную академию, которая содержала в себе почти две тысячи рукописей XV–XVIII вв. и около сотни старопечатных книг²⁴¹, была организована специальная комиссия (1875 г.) по их описанию, состоящая из 8 преподавателей, куда как специалист по истории раскола был включен Н.И. Ивановский²⁴². Результатом его усердной работы стало издание

²³⁷См.: Памяти профессора Н. И. Ивановского ... С. 2247.

²³⁸См. цит. по: Ивановский Н. И. Накануне объявления полной веротерпимости // Православный собеседник. 1905. Ч. 1. С. 612.

²³⁹См.: Памяти профессора Н. И. Ивановского ... С. 2248.

²⁴⁰См.: Терновский С. А. Историческая записка о состоянии Казанской духовной академии после ее преобразования 1870 – 1892. Казань, 1892. С. 400.

²⁴¹См.: Нетужилов К. Е. Церковная периодическая печать ... С. 98–99.

²⁴²См.: Терновский С. А. Историческая записка о состоянии Казанской ... С. 42–43.

«Проскинитария Арсения Суханова» (1870 г.)²⁴³, «Списка исповедания и обращения Ивана Ларионова от раскольников к церкви и вере православной» (1871 г.), «Книги об антихристе и о прочих действиях, иже при нем были ходящих» (1872 г.)²⁴⁴. Появление этих научных произведений позволило лучше понять аргументы старообрядческих начетчиков, нередко ссылавшихся на данные источники, что по причине их отсутствия у противораскольнических миссионеров повышало значимость и необходимость данных трудов для обличения старообрядческих вероучений. Своим примером Н.И. Ивановский показывал необходимость заниматься публикацией «подлинных документов из истории старообрядчества», тем самым создавая условия для дальнейшего развития научных исследований церковных авторов.

Основная научная деятельность профессора Н.И. Ивановского неразрывно связана с журналом «Православный собеседник», в котором он трудился членом комиссии по составлению правил редакции и куда по рекомендации общего преподавательского собрания академии был избран редактором и цензором поступающих статей, проработав на этих должностях с 1873 по 1888 гг.²⁴⁵

Неоднократно Н.И. Ивановского приглашали в качестве эксперта для судебного разбирательства, где обвинялись староверы. Современники отмечали, что его показания всегда отличались точностью формулировок и беспристрастностью по отношению к обвиняемому²⁴⁶. Ярким примером экспертной деятельности профессора Н.И. Ивановского является участие в решении следственной комиссии по делу «об открытии в городе Казани секты странников или бегунов». Конечные итоги рассматриваемого случая иллюстрируют позицию экспертной группы, которая в разрез мнению агрессивно настроенного по отношению к старообрядцам губернатору Казанской губернии Н.Я. Скарятина, постановила – освободить большинство взятых староверов. Стоит признать, что организованная следственная комиссия с опорой на действующее законодательство «спасла» приверженцев церковного раскола от насильственных замыслов губернатора²⁴⁷.

Н.И. Ивановский получил известность не только как крупный исследователь «раскола», но и как постоянно практикующий миссионер Казанской епархии. Беседы со староверами велись им свыше 35 лет в разных городах Российской империи – Санкт-Петербурге, Саратове, Нижнем Новгороде, Архангельске и др. На первых порах

²⁴³См.: Ивановский Н. И. Проскинитарий Арсения Суханова // Православное палестинское общество // Православный Палестинский сборник. Вып. 21. СПб., 1889. Т. VII. 407 с.

²⁴⁴См.: Кузоро К. А. Церковная историография старообрядчества ... С. 137.

²⁴⁵См.: Терновский С. А. Историческая записка о состоянии Казанской ... С. 401.

²⁴⁶См.: Памяти профессора Н. И. Ивановского ... С. 2248.

²⁴⁷См.: Дутчак Е. Е. Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XXI в.). Томск, 2007. С. 125–126.

профессорской деятельности он пришел к убеждению, что преподаваемая им наука будет полезна только в том случае, если она получит практическое применение в жизни. Очень долгое время Н. И. Ивановский не решался выступать в качестве миссионера, об этом он пишет так: «те ли возражения на самом деле они [*старообрядцы*] предъявляют, как читать приходилось, как говорить понятным для всех языком (курсив мой. – А.М.)»²⁴⁸. Но первая, услышанная им с собравшимися старообрядцами беседа архимандрита Павла (Прусского), наглядно показала, что и как нужно делать. Первое впечатление Н.И. Ивановского послужило толчком к исполнению миссионерского ремесла.

С 1867 г. и до своей кончины Н.И. Ивановский работал в качестве церковного братства святителя Гурия, а после 25 лет активного миссионерства был поставлен председателем противораскольнического отдела братства²⁴⁹. Занимая эту должность, Н.И. Ивановский помогал своими знаниями и опытом новопривывшим миссионерам, которые только начинали постигать азы «бесед» со старообрядцами²⁵⁰.

Собеседования Н.И. Ивановского отличались простотой постановки спорных вопросов, которые решались на основании первичных источников. На таких диспутах любой слушатель свободно предлагал волнующий его вопрос, открыто высказывал своё несогласие с мнением противоположной стороны²⁵¹. Профессором Н.П. Виноградовым была детально рассмотрена тактика ведения бесед Н.И. Ивановского, которая была описана следующим образом: «Он имел обыкновение выслушивать своего собеседника до конца, и не взирая ни на какие – иногда очень резкие вызовы, оставался в полном спокойствии и самообладании и уже потом, в свою очередь опровергая своего противника, не оставляя его до тех пор, пока не доводил его до полного сознания его ошибочности и заблуждения»²⁵². Нередким случаем была и помощь Н.И. Ивановского во время бесед своим оппонентам с формулировкой логично связанных мыслей²⁵³.

Благодаря приобретённому опыту в ведении диспутов со старообрядцами у Н.И. Ивановского среди его многочисленных научных сочинений появляется такой жанр, как «беседа». Следует заметить, что диалогизация в научных работах не является новым подходом, так как в течение многих веков диалог был не только распространенной формой, но и наиболее предпочтительным жанром научного изложения. Достаточно

²⁴⁸См. цит. по: Памяти профессора Н. И. Ивановского ... С. 2245.

²⁴⁹См.: Там же.

²⁵⁰См.: Тридцатилетие миссионерской деятельности профессора Н. И. Ивановского // Православный собеседник. 1902. Ч. 2. С. 276.

²⁵¹См.: Памяти профессора Н. И. Ивановского ... С. 2246.

²⁵²См. цит. по: Проф. Н. И. Ивановский // Православный собеседник. 1913. Октябрь. С. 5.

²⁵³См.: Памяти профессора Н. И. Ивановского ... С. 2246.

вспомнить диалоги выдающихся философов античности, авторов эпохи Возрождения и диалоги Г. Лейбница, Р. Декарта, Д. Дидро, Дж. Беркли.

Диалогическая форма изложения давала автору возможность фиксировать процесс возникновения и формирования идей. После исчезновения данного жанра из научной прозы функции его переходят к монологической речи, которая, тем не менее, включает ряд диалогических приемов. Они появляются, в первую очередь там, где автор видит в читателе потенциального партнера, который активно участвует в осмыслении материала²⁵⁴.

Именно в форме диалога под редакцией Н.И. Ивановского были изданы: «Беседы со старообрядцами в трех селах Казанской епархии» (1877 г.)²⁵⁵, «Беседы со старообрядцами в Нижнем Новгороде» (1902 г.)²⁵⁶, где он пытается воссоздать атмосферу диспута, погрузить в неё читателя. В этих трудах Н.И. Ивановский предельно деликатен и осторожен, избегает конфликтных ситуаций, свои рассуждения он аргументирует ссылками на источники, которые пользовались доверием у староверов. Но, не смотря на всё это, старообрядцы обычно на публичные беседы с миссионерами шли крайне неохотно. Автор с сожалением признает, что образ миссионера в их сознании был слишком долго связан с угнетениями государственной и церковной власти и отмечает, что для преодоления такого положения дел современная полемика должна носить мирный, просветительский характер²⁵⁷.

Направления в развитии церковного изучения старообрядчества были очень точно отмечены в речи Н.И. Ивановского «Значение и краткий очерк противораскольнической полемики», которая была произнесена на заседании совета Казанской духовной академии. Он говорил о том, что оказывать воздействие на старообрядцев можно двумя способами: «нравственным» и «умственным», по другому научным. Видимо, в данном случае автор прибегнул к идеям митрополита Макария (Булгакова), который определил для «Истории русского раскола» две цели: «нравственную» и «ученую». Влияние на староверов научным способом, с точки зрения Н.И. Ивановского, долгое время не брался в расчет «от излишней ли самоуверенности, что для борьбы с расколом и учиться нечему, что не может быть тут ничего даже сродного с наукой, что и говорить с раскольниками бесполезно по его крайнему невежеству». Но с течением времени стало бесспорным утверждение, что

²⁵⁴См.: Кузоро К. А. Жанровое разнообразие научных сочинений церковных историков XIX – первой четверти XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 10 (36). С. 101.

²⁵⁵См.: Ивановский Н. И. Беседы со старообрядцами в трех селах Казанской епархии. Казань: Тип. императ. ун-та, 1877. 74 с.

²⁵⁶См.: Ивановский Н. И. Беседы со старообрядцами в Нижнем Новгороде, произведенные миссионерами разных епархий, и беседы раскольников между собою в 1902 г. Нижний Новгород, 1902. 70 с.

²⁵⁷См.: Кузоро К. А. Направления исследования старообрядчества в синодальной ... С. 117.

устранить церковный раскол одним только «нравственным» средством невозможно: явление старообрядчества требует подробного научного изучения, как с исторической, так и полемической точки зрения.

Исследований в области полемики на тот период времени было недостаточно, на что указывал Н.И. Ивановский в своей речи: «более разрабатывались вопросы исторические, несравненно интереснее как для авторов, так и для читателей». Однако, исходя из личного опыта историка, самым действенным способом воздействия на староверов являлось его систематическое изучение и «научная борьба» с ним²⁵⁸. Поэтому новым основополагающим подходом становится историко-полемический прием, в соответствии с которым помимо прямого опровержения тех или иных положений старообрядческого вероучения излагалось возникновение и историческое развитие старообрядческих доктрин, приводилась история полемики по тому или иному вопросу²⁵⁹.

В духе нового подхода под авторством Н.И. Ивановского выпускаются три части «Руководства по истории и обличению старообрядческого раскола...»²⁶⁰, которые издавались девять раз и были одобрены Учебным комитетом при Святейшем Синоде в качестве учебных пособий для духовных семинарий. Продолжая развивать в большей степени «полемическую науку», а не историческую, исследователь в определенной мере меняет тактику описания явлений. Признавая некоторые ошибки своих предшественников, он сводит недостатки официально-церковной доктрины к личным недоработкам авторов, тем самым пытаясь сгладить противоречия концепции. Главный аргумент в его суждениях основывается на том, что «частные лица, в том числе учителя церкви, безгрешностью не обладают и могут ошибаться», и, таким образом, все просчеты противостароверческой обличительной литературы – это только лишь индивидуальные ошибки отдельных писателей. Кроме того, Н.И. Ивановский признал не только наличие «ошибочных выражений» в сочинениях обличителей староверия, но и то, что «писатели православной церкви приводили иногда документы произвольные..., допускали натяжки и противоречия между собой». Такое откровенное признание недостатков официально-церковной концепции, хоть и сведенное к персоналиям и упомянутое неважным, представляло собой пусть, хотя и вынужденным, но довольно большим шагом в развитии расколоведения²⁶¹.

²⁵⁸См.: Кузоро К. А. Церковная историография старообрядчества ... С. 132–133.

²⁵⁹См.: Там же. С. 133.

²⁶⁰См.: Ивановский Н. И. Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола с присовокуплением сведений о сектах рационалистических и мистических. Казань, 1900, изд. шестое. Часть 1. 278 с.; Ивановский Н. И. Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола с присовокуплением сведений о сектах рационалистических и мистических. Казань, 1901, изд. шестое доп. Часть 2 и 3. 249 с.

²⁶¹См.: Костров А. В. Вклад исследователя Н. И. Ивановского в развитие... С. 129.

«Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола...» разделено на три логически связанные части: 1) «История раскола»; 2) «Обличение раскола»; 3) «О сектах рационалистических и мистических». Вначале автор сразу вводит читателя в курс исследуемых проблем и знакомит с понятийным аппаратом дисциплины по «расколосектантству». Он разделяет «раскол» на три направления: старообрядческий, рационалистический и мистический, показывая отличительные черты каждого из них²⁶².

В первой части Н.И. Ивановский предлагал классифицировать и анализировать старообрядческие толки и согласия по определенным критериям, которые, по его мнению, помогают лучше осветить возникновение и распространение новых вероучений. Эти критерии включают в себя:

- происхождение названия толков или согласий староверов;
- установление важнейших причин образования новой деноминации староверов; отношения к церковным таинствам, принятие или отказ от них;
- место и время распространения конкретного вероучения;
- современное состояние;
- «духовный вождь», который возглавляет и направляет паству старообрядцев, биографии основных лидеров религиозного движения старообрядцев.

Вторая часть книги – «обличение раскола», написана исходя из ключевых пунктов полемики между миссионерами и старообрядцами. Во-первых, по совету автора, необходимо определиться с понятиями и терминами перед тем, как рассуждать о догматах и обрядах церкви. Примером такой рекомендации автора может выступить семантика слова «церковь», так как оно по-разному используется и зависит от контекстного содержания, и, следовательно, чтобы не допустить в рассуждении старообрядцем замены одного значения на другое: «нужно обозначить точное содержание рассматриваемого»²⁶³. Во-вторых, если тема, поднятая в ходе полемики, оказалась достаточно ёмкой, то необходимо выбрать существенные признаки рассматриваемого спорного явления, процесса или положения²⁶⁴ и начинать обсуждать выявленные свойства по порядку. Чаще всего, этот прием использовался для того, чтобы старообрядец, в случае возобновления разговора после небольшого перерыва или всеобщего отвлечения, не смог «увести беседу в своё русло», поставив миссионера в неудобное положение.

²⁶²См.: Ивановский Н. И. Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола ... Часть 1. С. 3–4.

²⁶³См.: Ивановский Н. И. Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола ... Часть 2 и 3. С. 39–40.

²⁶⁴См.: Там же. С. 32–33.

С начала 1890-х гг. основные усилия в политике государства и церкви были перенесены на борьбу с сектантством. В отличие от староверия сектантство рассматривалось в русском обществе как результат влияния западной культуры, враждебной по отношению к основам православия и российской государственности. Вместе с тем во внутреннем устройстве общин некоторых сект обнаруживались признаки социализма. В третьей части «Руководства по истории и обличению старообрядческого раскола» Н.И. Ивановский подвергает научному осмыслению русское сектантство, которое делит на мистическое и рационалистическое. К мистическим сектам, считающим, что Откровение сообщается человеку помимо разума, путем экстатических видений и пророчеств, в то время относились скопцы и хлысты, а к сектам рационалистическим, полагающим, что разум – это единственный посредник между Откровением и человеческим сознанием, – штундисты, молокане, субботники и духоборы²⁶⁵.

«Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола...» представляет собой первый основательный справочник по полемике для практикующих миссионеров, где изложение материала дано максимально сжато, но содержательно²⁶⁶. Но главное противоречие этой книги состоит в том, что автор, постоянно твердивший о «неправильности» старого обряда – двуперстного крестного знамения, наряду с этим на официальном уровне доказывает и признает этот обряд верным и имеющим право на существование. По мнению историка А.В. Кострова, такой парадокс в сочинении Н.И. Ивановского был заранее заложен внутренним противоречием как государственно-церковной политики в отношении старообрядцев, так и противоречием исследовательской парадигмы, существующей под прямым довлеющим воздействием этой политики²⁶⁷.

Наиболее значимые статьи Н.И. Ивановского в церковно-научном мире были напечатаны в 1898 г. отдельным изданием под названием «Собрание сочинений профессора Казанской духовной академии Николая Ивановского»²⁶⁸. Этот сборник стал продолжением его разработки научной полемики со староверами, поэтому на его страницах были изложены рекомендации по ведению бесед со старообрядцами.

Вести публичную дискуссию, с точки зрения многолетнего опыта Н.И. Ивановского, занятие трудное, так как «...здесь требуется постоянное напряжение мысли и строгое внимание», а также «... требуется ещё часто не малая и быстрая

²⁶⁵См.: Кузоро К. А. Направления исследования церковной истории в российских духовных академиях второй половины XIX – первой четверти XX в. // Вестник Томского гос. ун-та. 2014. № 5-3 (43). С. 106–107.

²⁶⁶См.: Памяти профессора Н. И. Ивановского ... С. 2244.

²⁶⁷См.: Костров А. В. Вклад исследователя Н. И. Ивановского в развитие... С. 131.

²⁶⁸См.: Собрание сочинений профессора ... Т. 1. 490 с.

сообразительность и находчивость»²⁶⁹. Для победы в полемике необходима специальная подготовка и умение убеждать аудиторию. Именно в этом и заключалась основная причина невысокой эффективности миссионерских бесед, поскольку в вопросах веры логические утверждения играют далеко не самую важную роль²⁷⁰.

Рассуждения о том, как же лучше вести беседы и что говорить на них, приводят Н.И. Ивановского к заключению: «Я желал бы самого себя поставить в сторону, и только передать вам всё, что можно найти в слове Божьем, в писаниях отцов и учителей церкви и вообще в книгах, старообрядцами приемлемых и уважаемых»²⁷¹. Таким образом, для формирования представлений о «расколе» он призывал изучать исторические источники, не только рекомендованные православными священниками и миссионерами, но и анализировать литературу, которая почитается в среде грамотных старообрядцев.

Во второй половине XIX в. в духовной академической среде не утихали споры по вопросу статистического подсчета старообрядцев, который по сей день является одним из самых сложных. Главным образом, дискуссия была вызвана несовпадением по трем губерниям подсчета количества старообрядцев официальной статистики (47 570) и данных статистических экспедиций (556 389).

Чиновники Министерства внутренних дел (далее – МВД) и некоторые исследователи пошли по пути индуктивного метода и, отталкиваясь от разницы между официальной статистики и данных чиновников МВД в 11 раз, множили общеимперскую официальную цифру 900 тысяч на 11 и в итоге получали 9–10 млн. старообрядцев. К группе исследователей, которые выступали в защиту такого подсчета, относились В. Кельсиев, И. Юзов, И.П. Липранди, А.С. Пругавин, П.И. Мельников²⁷².

В противовес историкам, ратовавшим за 10-миллионную цифру, выступил ряд исследователей: Н.И. Субботин, Н.И. Ивановский, М.Н. Васильевский, игумен Павел (Леднев). Н.И. Ивановский следующим образом критикует цифру в 10 млн. человек: «Главный источник 10-миллионной цифры – показания чиновников МВД. На чем основывались эти показания? Как определяли в раскольники? За основу брали вещественные признаки. Нет спору, что эти признаки не лишены значения, но опираться только на них, значит избрать путь скользкий»²⁷³. А далее Н.И. Ивановский один за другим «разносит» критерии, по которым чиновники записывали в староверы.

²⁶⁹См.: Там же. С. 246.

²⁷⁰См.: Кравецкий А. Г. Церковная миссия в эпоху перемен (между проповедью и диалогом). М., 2011. С. 121–122.

²⁷¹См. цит. по: Собрание сочинений профессора ... Т. 1. С. 247.

²⁷²См.: Латыпов И. Р. Численность старообрядчества Казанской губернии в XIX – начале XX века // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2011. Т. 11. № 1. С. 26.

²⁷³См. цит. по соч.: Там же. С. 26–27.

Н.И. Ивановский наряду с разбором имеющихся критериев записи в старообрядцы предлагает свои. Главным условием решения проблемы о правильном понимании численности старообрядцев исследователь видит в обозначении тех отличительных черт, которые являются неотъемлемыми компонентами принадлежности действительного старообрядца. Признаками старообрядца он называет:

- 1) двуперстие при изображении крестного знамения;
- 2) присягу, заключающую в себе проклятие раскольников и их мнений;
- 3) уклонение от участия в церковных собраниях, таинствах.

И тут же сам разрушает данные признаки. Присягу он считает инструментом довольно медленным, так как староверы могли с легкостью обмануть, что привело бы к нежелательному клятвопреступлению. Также для Н.И. Ивановского не абсолютным признаком является уклонение от участия в церковных таинствах, так как многие «раскольники» принимают некоторые таинства церкви. В итоге он приходит к заключению, что «все перечисленные признаки (внешние, вещественные) могут указывать пастырю церкви тех лиц, на которых должно быть обращено внимание. При близости священника к своим прихожанам, их непосредственных отношениях, первому как весьма легко заметить означенные признаки в прямой беседе... вот от кого мы можем получить достоверные сведения»²⁷⁴.

Именно этим церковным исследователем было предпринято изучение староверия посредством привлечения исторического материала, ставшим главной опорой при разработке приемов и методов полемики миссионера со старообрядцем. В ходе разработки Н.И. Ивановским нового подхода – историко-полемического, им опубликованы статьи и учебное пособие для учащихся духовных семинарий «Руководство по истории и обличения старообрядческого раскола...», в которых со ссылками на личный опыт были помещены советы миссионерам, как «взять вверх» над старообрядцами в публичном споре. Эти рекомендации акцентировали внимание миссионеров на двух важных элементах религиозной полемики – это, во-первых, касалось того, что говорить, и, во-вторых, как нужно себя вести в споре с оппонентом.

Попытка теоретической и практической разработки противораскольнической миссионерской деятельности в научных сочинениях Н.И. Ивановского не только нашла широкий отклик в академическом мире, но и повлияла на методы работы миссионеров.

²⁷⁴См. цит. по соч.: Там же. С. 27.

3.2 «Жизнь раскольника в православном государстве»: исследование староверия в трудах профессора М. Н. Васильевского в первой четверти XX столетия

В борьбе с последователями старообрядчества православные духовные академии Российской империи во второй половине XIX – первой четверти XX вв. реализовывали различные научно-просветительские проекты, например, издавали источники по истории старообрядчества («Материалы для истории раскола за первое время его существования»²⁷⁵), проводили публичные лекции, организовывали научные кружки и т.д. В видении исследователей старообрядчества Казанской духовной академии успех противораскольнической деятельности полностью зависел от теоретической разработки миссионерских способов воздействия на старообрядцев.

Наиболее известным ученым расколоведом в Казанской духовной академии был Н.И. Ивановский, но развитие науки в первой четверти XX в., изучающей историю старообрядчества, в связи с преклонным возрастом маститого исследователя, было продолжено его учеником – М.Н. Васильевским (6 ноября 1973 г. – после 1932 г.), который в отличие от своего учителя был менее значимым для науки, но получил признание академической корпорации благодаря своей активной общественной и миссионерской деятельностью. Именно его предложения в улучшении противораскольнической миссии сыграли важную роль в решении Предсоборного Присутствия 1906 г. и Всероссийского поместного собора 1917 г. Поэтому, прежде чем перейти к анализу научных работ М.Н. Васильевского, необходимо реконструировать его биографию, которая позволит оценить его вклад в изменения антистарообрядческой миссионерской деятельности.

Михаил Николаевич Васильевский родился в 1973 г. в селе Васильевке Керенского уезда Пензенской губернии (ныне – Пензенская область) в семье диакона. По наставлению отца М.Н. Васильевский оканчивает Пензенскую духовную семинарию в 1895 г.²⁷⁶ и затем, как самого выдающегося выпускника, его отправляют учиться в качестве казеннокоштного студента в Казанскую духовную академию. Сдав 5 устных вступительных экзаменов по догматическому богословию, общей церковной истории, русской гражданской истории, церковно-славянскому и немецкому языкам, а также письменное сочинение, которое состояло из двух тем: по основному богословию и по философии, незначительно уступив по среднему баллу двум претендентам из Костромской и Симбирской духовных семинарий, М.Н. Васильевский поступает в

²⁷⁵См.: Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1874–1894. – Т. 1–9.

²⁷⁶См.: Журавский А. В. Васильевский Михаил Николаевич / Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 7. С. 237.

духовную академию²⁷⁷. С первого курса М.Н. Васильевский выбрал специализацию с историческим уклоном, где он особо увлекся научной дисциплиной «история и обличение русского раскола»²⁷⁸, защитив по ней в 1899 г. выпускную работу по теме «Правительственные отношения к расколу в царствование императора Николая I» на степень кандидата богословия с правом преподавания в семинарии и получения научной степени магистра богословия без дополнительных испытаний²⁷⁹. По положительному отзыву профессора Н.И. Ивановского за написанное курсовое сочинение М.Н. Васильевский был награжден премией Высокопреосвященного митрополита Иосифа в размере 165 рублей.

Успешно проявив себя, М.Н. Васильевский был высоко отмечен преподавательской корпорацией академии и особенно профессором Н.И. Ивановским, который долго искал достойного кандидата, способного в будущем заменить «старого наставника». По этой причине М.Н. Васильевский был оставлен профессорским стипендиатом при кафедре истории и обличения русского раскола Казанской духовной академии. Институт профессорских стипендиатов предполагал, что будущий ученый оставлялся на два года в стенах родного образовательного учреждения для приготовления к профессорскому званию. М.Н. Васильевскому назначалась казенная стипендия в размере 500 рублей в год. Однако она едва материально обеспечивала начинающего ученого, что стало причиной совмещения с 13 августа 1900 г. обязанностей профессорского стипендиата с работой епархиального противораскольнического и противосектантского миссионера²⁸⁰, приносившей ему большую часть дохода (минимальная ставка епархиального миссионера варьировалась в пределах 1500 рублей в год)²⁸¹.

Осознавая научный потенциал будущего расколоведа, Совет академии по просьбе Н.И. Ивановского разрешил М.Н. Васильевскому беспрепятственно брать домой книги из академической библиотеки, кроме рукописей и старопечатных изданий, для написания магистерской диссертации и для исполнения должностных обязанностей епархиального миссионера. Следует отметить, что личные связи и влияние профессора Н.И. Ивановского

²⁷⁷См.: Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1895 год // Православный собеседник. 1897. Ч. 1. Июнь. Приложения. С. 259–260, 270.

²⁷⁸См.: Там же. С. 339.

²⁷⁹См.: Отчет о состоянии Казанской духовной академии за 1898–1899 учебный год // Православный собеседник. 1900. Ч. 1. Январь. Приложения. С. 18–19, 50.

²⁸⁰См.: Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1899 год // Православный собеседник. 1901. Ч. 1. Февраль. Приложения. С. 89.

²⁸¹См.: Инструкция епархиальным миссионерам в Казанской епархии // Известия по Казанской епархии. 1901. № 5. С. 199.

на академическую среду, дало М.Н. Васильевскому привилегию в пользовании библиотекой, которое было доступно не каждому профессору Академии²⁸².

Таким образом, под непосредственным руководством профессора Н.И. Ивановского, пребывая второй год профессорским стипендиатом М.Н. Васильевский полностью погружается в миссионерскую работу, изучая систему противораскольнической полемики по сочинениям своего учителя и единоверца архимандрита Павла (Прусского) и отрабатывая практический навык во время миссионерских поездок по Казанской епархии. На первых порах М.Н. Васильевский вел беседы со старообрядцами в присутствии Н.И. Ивановского, которые по окончании подвергались тщательному разбору со стороны наставника²⁸³. Увы, все силы М.Н. Васильевского уходили на миссионерские поездки и анализ поведения старообрядцев во время публичных диспутов, что на десять лет отсрочило написание и защиту магистерской диссертации.

Объем работ епархиального миссионера был регламентирован. Например, в соответствии с инструкцией в круг его обязанностей входили: «а) миссионерские беседы, б) наблюдение за церковными библиотеками, в) даровая раздача брошюр народу, г) наставление и присоединение к Православной Церкви обращающихся»²⁸⁴. Миссионерским беседам со старообрядцами М.Н. Васильевским придавал огромное значение, особенно стараясь обеспечить участие в них старообрядческих лидеров. По его мнению, отсутствие эрудированных начетчиков среди староверов превращало беседу в монолог миссионера, а у собравшихся православных и старообрядцев в ходе такой «беседы» оставалось множество вопросов, «что мол на все это сказал бы начитанный раскольник?» и подозрения в честности слов миссионера: «наверное, мол, миссионер говорил что-нибудь не так, одно в своих интересах усиливая, другое, что в пользу им, намеренно замалчивая или ослабляя»²⁸⁵. Поэтому собеседования со старообрядцами, по мнению М.Н. Васильевского, лучше вести в равных условиях, приглашая на диспуты старообрядцев-начетчиков, чтобы усилить эффект убедительности аргументов миссионеров в глазах аудитории.

В некоторых населенных пунктах Казанской епархии, где явно преобладают конфессиональные группы старообрядцев или сектантов М.Н. Васильевский признавал

²⁸²См.: Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1900 год // Православный собеседник. 1902. Ч. 1. Февраль. Приложения. С. 129–130.

²⁸³См.: Васильевский М. Отчет о занятиях профессорского стипендиата при кафедре истории и обличении русского раскола М. Васильевского // Православный собеседник. 1902. Ч. 2. Ноябрь. Приложения. № 12. С. 1–2.

²⁸⁴См. цит. по: Инструкция епархиальным миссионерам в Казанской епархии ... С. 199.

²⁸⁵См. цит. по: М. В. Расколосектантство в Казанском крае и деятельность против него Казанской миссии за 1903 год // Православный собеседник. 1904. Ч. 2. Ноябрь. С. 924.

бесплезность миссионерской работы, и ставил своей целью поддержать положение православия на прежнем уровне²⁸⁶. Возможно, такой подход к противораскольнической деятельности, не дававший увеличения числа переходов в официальную церковь, стал поводом к критике со стороны известного старообрядческого начетчика Ф.Е. Мельникова, назвавшего М.Н. Васильевского «миссионером-неудачником», так как «он [М.Н. Васильевский] почти всегда терпел поражения на своих беседах со старообрядцами»²⁸⁷. Других объяснений, подтверждающих слова Ф.Е. Мельникова, попросту не было обнаружено, и сам старообрядческий писатель их не указывает.

Однако есть другие данные. Сам М.Н. Васильевский, присутствовавший на диспуте между старообрядцами Ф.Е. Мельниковым и А.А. Коноваловым, собирает сведения о манере выступления староверов, способах аргументации выдвигаемых тезисов беседы, слабых и сильных сторонах старообрядческих начетчиков. Для успешной миссионерской деятельности М.Н. Васильевский ставит приоритетной задачей определить совокупность мнений и взглядов старообрядцев на события из их истории, понять, «что думают и говорят» старообрядческие писатели и начетчики²⁸⁸.

Помимо миссионерской деятельности, М.Н. Васильевский обязан был каждый год составлять письменные заключения о состоянии противораскольнической миссии (о проводимых мероприятиях приходским духовенством, об открытии новых приходов в местности «зараженных расколом», об образовании единоверческих церквей и т.д.) на основе присланных ему участковыми миссионерами. В отчете Высокопреосвященному епархиальный миссионер представлял список к награждению наиболее успешных участковых миссионеров, которые исполняли назначенные М.Н. Васильевским поручения²⁸⁹. Так, по отчету М.Н. Васильевского в 1904 г. под его управлением было 11 человек: почетный миссионер-священник И. Куницын (в прошлом епархиальный миссионер), участковый противосектантский миссионер А. Урбанский и 9 участковых противораскольнических миссионеров из разных городов и уездов Казанской епархии²⁹⁰. Из этого следует, что М.Н. Васильевский был первым заместителем Высокопреосвященного по делам внутренней миссии, который проводил экспертные отчеты по Казанской епархии.

²⁸⁶См.: Четыре беседы со слепцом Коноваловым // Православный собеседник. 1902. Ч. 2. Декабрь. С. 912.

²⁸⁷См.: Мельников Ф. Е. Краткая история древнеправославной (старообрядческой) Церкви. Барнаул, 1999. С. 490.

²⁸⁸См.: Васильевский М. Материалы для бесед со старообрядцами, приемлющими священство Белокриницкой иерархии // Православный собеседник. 1905. Ч. 3. Декабрь. С. 671.

²⁸⁹См.: Инструкция епархиальным миссионерам в Казанской епархии ... С. 200–203.

²⁹⁰См.: Васильевский М. Отчет о деятельности противораскольнической миссии в Казанской епархии за 1904 год // Известия по Казанской епархии. 1905. Официальный отдел. № 33. С. 985.

На правах епархиального миссионера М.Н. Васильевский в 1900 г. входит в противораскольнический Отдел церковного братства святителя Гурия в качестве исполняющего обязанности секретаря братства²⁹¹. Вместе с председателем противораскольнического Отдела братства профессором Казанской духовной академии Н.И. Ивановским он стал организатором первого епархиального миссионерского съезда по решению вопросов по противораскольнической и противосектантской полемики (февраль 1903 г.). Заранее составленные ими вопросы были распределены между опытными миссионерами, которые представляли доклады с дальнейшим обсуждением всего миссионерского сообщества Казани. Одним из постановлений съезда стало возбуждение ходатайства о назначении епархиальных миссионеров (противораскольнического и противосектантского) в члены епархиального Училищного Совета, что позволило М.Н. Васильевскому следить за преподаванием в церковно-приходских школах «Закона Божьего» и, в случае надобности, вводить коррективы в воспитательную и образовательную часть предмета²⁹². Исполняя указ Святейшего Синода от 27 ноября 1909 г. «о мерах для противодействия сектантскому натиску на Православную Церковь», М.Н. Васильевский в 1910 г. составил для преподавания в церковных школах дополнительное пособие по «Закону Божию», которое было введено в церковно-приходских школах и земских училищах²⁹³.

От лица общественности, заинтересованной в улучшении школьного дела, в 1903 г. епархиальному миссионеру М.Н. Васильевскому было предложено проводить педагогические курсы по истории и обличению старообрядчества учителей и учительниц церковно-приходских школ. Курс лекций состоял из 6-ти занятий. Вступительная лекция была посвящена миссионерскому значению церковной школы, которое определяется её образовательно-воспитательными задачами. Далее было три занятия по истории и одно по полемике «раскола».

Из истории старообрядчества слушатели ознакомились с причинами возникновения церковного раскола, дробления его на отдельные толки и согласия и кратко затронули особенности вероучения и бытового уклада казанских старообрядческих общин. По полемике православной миссии со старообрядчеством М.Н. Васильевский предоставил слушателям алгоритм для разрешения вопросов по обрядовым вопросам (о

²⁹¹См.: Н. Н. Расколосектантство в Казанском крае и деятельность против него Казанской миссии за 1903 год. Противораскольническое Отделение при братстве св. Гурия в Казани и его деятельность в конце 1903 и начале 1904 г. // Православный собеседник. 1904. Ч. 2. Декабрь. С. 1149.

²⁹²См.: М. В. Расколосектантство в Казанском крае и деятельность против него Казанской миссии за 1903 год. О епархиальном миссионерском съезде // Православный собеседник. 1904. Ч. 2. Декабрь. С. 1147–1148.

²⁹³См.: Журавский А. В. Васильевский Михаил Николаевич ... Т. 7. С. 237.

перстосложении, количестве просфор на проскомидии, посолонном хождении, разночтении Символа Веры), а для закрепления нового материала устроил экскурсию в библиотеку Казанской духовной академии, где профессором Н.И. Ивановским на материалах хранящихся в библиотеке рукописей и старопечатных книг была показана традиционная аргументация православных миссионеров и старообрядцев во время публичных прений. На последнем занятии М.Н. Васильевский сделал несколько полезных указаний по преподаванию «Закона Божия» в школах, где обучаются дети старообрядцев²⁹⁴. Всё это доказывает, что епархиальные структуры, в условиях всё большего предоставления прав старообрядцам пытались совместными усилиями возвращать старообрядцев в «лоно Православной Церкви».

1 марта 1910 г. в Казанской епархии была образована противосектантская Комиссия, в состав которой вошли ректор Казанской духовной академии преосвященный Алексей (Молчанов), протоиерей Казанского университета А.В. Смирнов, профессор духовной академии Н.И. Ивановский, два протоиерея и епархиальный миссионер М.Н. Васильевский. Комиссия имела роль совещательного органа при архиепископе Казанской епархии, которая должна была выработать рекомендации приходскому духовенству в борьбе с сектантством²⁹⁵. В рамках Комиссии был образован специальный денежный фонд для создания листовок с противосектантскими поучениями. Первыми отпечатанными брошюрами 7 марта 1910 г. стали беседы епархиального миссионера М.Н. Васильевского «о крещении младенцев», которые, по мнению протоиерея Г.К. Богословского, имели большое значение для закрепления в народном сознании православного вероучения²⁹⁶. Действительно, краткое изложение содержания противосектантской беседы со ссылками на Священное Писание и Предания Святых Отцов, сопровождающееся бесплатной раздачей её участникам, явилось дополнительным коммуникационным каналом миссионерского воздействия для удержания паствы в «духе православного христианства». Удачный опыт создания листовок бесед староверов и сектантов с М.Н. Васильевским Комиссия продолжила и дальше, выпуская духовные беседы М.Н. Васильевского, даже когда последний состоял в должности преподавателя Казанской духовной академии²⁹⁷.

²⁹⁴См.: М. В. Расколосектантство в Казанском крае и деятельность против него Казанской миссии за 1903 год. О епархиальном миссионерском съезде ... Декабрь. С. 1148–1149.

²⁹⁵См.: Корреспонденции. Из Казани. Баптизм в Казани и борьба с ним // Церковный вестник. 1910. № 24. С. 745.

²⁹⁶См.: Журнал заседания противосектантской комиссии 11 марта 1910 года // Известия по Казанской епархии. 1910. Официальный отдел. № 12. С. 352.

²⁹⁷См.: Иона, иеродиак. Беседы со старообрядцами в г. Казани (27-го января 1913 года). О новоисправленных богослужебных книгах // Известия по Казанской епархии. 1913. Отдел неофициальный. № 7. С. 244.

В период работы на должности епархиального миссионера (с 13 августа 1900 г. по 16 августа 1911 г.) М.Н. Васильевский активно занимался противораскольнической и противосектантской миссионерской деятельностью не только в Казанской епархии, но и за её пределами, разъезжая по всей стране. В 1900–1908 гг. по приглашению нижегородского братства Честного Креста он принимал участие в собеседованиях со старообрядцами во время ежегодных Макарьевских ярмарок в Нижнем Новгороде, а в 1906 г. по приглашению омского епархиального начальства читал лекции и руководил занятиями на пастырских миссионерских курсах в Омске²⁹⁸.

После издания указов о веротерпимости 1905–1906 гг., которые предоставили широкие права и свободу в отправлении культа для всех вероисповеданий, внутренняя миссия без поддержки государства была поставлена в совершенно новые условия существования. Сложившаяся ситуация потребовала согласованности и единства действий, разработки новых методов и средств миссионерской службы. Так, с 6 марта по 15 декабря 1906 г., к работе приступило Предсоборное Присутствие, где на заседаниях VI и VII отделов обсуждались проблемы изменения методов противораскольнической и противосектантской миссии²⁹⁹. Однако ещё до начала его деятельности в 1906 г. М.Н. Васильевский опубликовал в журнале «Церковно-общественная жизнь» небольшую заметку: «К вопросу об единоверческом епископе», тезисы которой были использованы при обсуждении о единоверческом епископате в VI Отделе Предсоборного Присутствия³⁰⁰.

В статье М.Н. Васильевский отстаивал необходимость учреждения самостоятельной единоверческой митрополии и создания при кафедрах окружных епископов духовно-учебных заведений для подготовки единоверческого клироса³⁰¹. По его мнению, единоверие является единственным реальным миссионерским институтом, который может способствовать религиозному единению между православными и старообрядцами, в подтверждение этой мысли М.Н. Васильевский указывает на примеры из ранней истории христианской церкви, где разница в обычаях (обрядов) не нарушала церковного единства³⁰². Итогом деятельности VI Отдела стало создание единоверческого

²⁹⁸См.: Журавский А. В. Васильевский Михаил Николаевич ... Т. 7. С. 237.

²⁹⁹См.: Ковальская Е. Ю., Байстрюченко С. Г. Внутренняя миссия как церковный институт во 2-й половине XIX – начале XX в. // Ежегодная богословская конференция православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. 2007. № 17. Т. 2. С. 53–54. Электрон. версия печат. публ. Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

³⁰⁰См.: Журавский А. В. Васильевский Михаил Николаевич ... Т. 7. С. 237.

³⁰¹См.: Васильевский М. К вопросу о единоверческом епископе // Церковно-общественный вестник. 1906. № 12. С. 441–442.

³⁰²См.: Грачев П., свящ. Открытие круга годичных бесед со старообрядцами в гор. Казани // Известия по Казанской епархии. 1914. Отдел неофициальный. № 42. С. 1305; Журавский А. В. Васильевский Михаил Николаевич ... Т. 7. С. 238.

епископата и получение разрешения проводить съезды российских единоверческих епископов под председательством православного первосвященника или «другого иерарха (единоверческого или великороссийского чина)»³⁰³, что свидетельствовало о тенденции приравнивать единоверцев к православным верующим. Не смотря на это, полная самостоятельность единоверческому духовенству не была дана, так как все решения в церковной жизни единоверцев не реализовывались без предварительного рассмотрения высшей церковной иерархией Русской Православной Церкви.

В 1907 г. М.Н. Васильевский принимал участие в областном Нижегородском миссионерском съезде, а в 1908 г. – в подготовительной комиссии IV Киевского Всероссийского миссионерского съезда³⁰⁴. Результатами миссионерских съездов областного и всероссийского уровней стали решения: допустить светских лиц к званию миссионера; миссиям иметь соответствующие курсы, типографии, склады книг и брошюр духовно-нравственного содержания; привлекать на миссионерские курсы мелких торговцев книгами; организовывать киоски с миссионерской литературой в общественных местах (вокзалах, пристанях); обучать книгонош-миссионеров³⁰⁵.

3 февраля 1911 г., болезненного состояния профессора Н.И. Ивановского, М.Н. Васильевский был избран Советом академии на кафедру истории и обличения русского раскола в качестве исполняющего должность доцента Казанской духовной академии (утвержден Святейшем Синодом 16 августа 1911 г.)³⁰⁶. Принимая во внимание тот факт, что М.Н. Васильевский не был в состоянии прочесть полный курс взятой им научной дисциплиной, Совет академии назначил сверхштатному профессору Н.И. Ивановскому взять на себя нагрузку в 1911/1912 учебном году по три лекции³⁰⁷. В связи с возросшей нагрузкой М.Н. Васильевский отказался от должности епархиального миссионера, но всё также остался членом церковного братства святителя Гурия. С 17 января 1914 г. стал председателем его противораскольнического Отдела, заменив тем самым своего наставника³⁰⁸.

³⁰³См.: Алексеева Е. А. Старообрядческий вопрос в «Журналах и протоколах заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия» // Свет Христов просвещает всех: альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. 2018. № 27. С. 40. Электрон. версия печат. публ. Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

³⁰⁴См.: Журавский А. В. Васильевский Михаил Николаевич ... Т. 7. С. 237.

³⁰⁵См.: Михайлова Е. Д. Организация системы внутренней православной миссии в России и её особенности во второй половине XIX – начале XX века // Известия Юго-Западного университета. Серия: история и право. 2016. № 1 (18). С. 103–104. Электрон. версия печат. публ. Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

³⁰⁶См.: Отчет о состоянии Казанской духовной академии за 1910–1911 учебный год // Православный собеседник. 1911. Второе полугодие. Декабрь. С. 27.

³⁰⁷См.: Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1911 год // Православный собеседник. 1913. Первое полугодие. Апрель. С. 172.

³⁰⁸См.: Журавский А. В. Васильевский Михаил Николаевич ... Т. 7. С. 237.

Содержание лекций по истории обличения раскола М.Н. Васильевский определял исходя из своего миссионерского опыта. В блоке курса по истории церковного раскола он проводил занятия по темам «происхождения раскола» и об единоверии, преимущественно обращая внимание на внутренние вопросы и проблемы в единоверии: о единоверческом епископе, клятвах Московского собора 1667 г., свободном переходе из православия в единоверие. По блоку полемического обличения старообрядчества, М.Н. Васильевский рассматривал не только «классические» претензии старообрядцев, но и современные «нападки» в адрес православной церкви, например, вопрос о цезаропапизме. Лекционный курс М.Н. Васильевский дополнял многочисленными практическими занятиями, нацеленные на ознакомление студентов Духовной Академии с книжными памятниками полемической противораскольнической литературы XVII–XVIII вв. и произведениями старообрядческой литературы с комментариями современных исследований, которые помогали прояснить сложные вопросы³⁰⁹.

2 апреля 1915 г. М.Н. Васильевский успешно защищает диссертацию на соискание степени магистра богословия по теме: «Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I». В своей вступительной речи диссертант указал на принципиальные основания, которые побудили императора Николая I обратить внимание на старообрядчество, и дал краткий очерк религиозных и гражданских мероприятий николаевского правительства по отношению к староверам. Официальные оппоненты, профессор И.М. Покровский и «профессор-священник» Н.Н. Писарев, с похвалой отзывались о представленной диссертации как о первом и единственном в русской церковно-исторической науке систематическом труде в данной области, написанном «красочным живым языком». Были отмечены и недостатки диссертации, такие как: отсутствие в диссертации сведений о борьбе церковной власти с расколом в царствование Николая I, не разработанность вопроса о историко-политических условиях, недостаточное внимание к деятельности Секретных Комитетов и полное отсутствие архивных материалов. Однако на возражения оппонентов М.Н. Васильевский дал «блестящие» объяснения, по причине чего Советом академии было решено присудить автору степень магистра богословия³¹⁰. Вместе с утверждением в ученой степени, со 2 сентября 1915 г. М.Н. Васильевский утвержден в должности доцента, 4 ноября 1915 г. – сверхштатным экстраординарным профессором, а 30 января 1916 г. – штатным экстраординарным профессором Казанской духовной академии³¹¹.

³⁰⁹См.: Отчет о состоянии Казанской духовной академии за 1911–1912 учебный год // Православный собеседник. 1912. Второе полугодие. Декабрь. С. 37–38.

³¹⁰См.: Духовная и церковная школа // Церковный вестник. 1915. № 15. С. 451–452.

³¹¹См.: Журавский А. В. Васильевский Михаил Николаевич ... Т. 7. С. 238.

Участие России в Первой мировой войне, резкий экономический упадок и нарастание политической и социальной напряженности в стране отразился и на русской православной церкви, которая в 1917 г. также переживала кризис. Способом выявить новые пути развития и существования в новую эпоху, церковь предпринимает шаг в организации Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг., чему предшествовал созыв Предсоборного Совета в 1917 г. К участию в нем предполагалось пригласить делегатов из белого духовенства, мирян, а также представителей от высших духовных учебных заведений. В число делегатов вошли два профессора от Казанской духовной академии: ординарный профессор И.М. Покровский и экстраординарный профессор М.Н. Васильевский³¹². Впоследствии Предсоборный Совет решил пригласить М.Н. Васильевского как крупного специалиста в области внутренней миссии к работе сессий Всероссийского Поместного Собора.

М.Н. Васильевский принимает участие в обсуждении определения «О внутренней и внешней миссии», где из 46 статей, 16 были посвящены проблемам материального обеспечения миссионера, особенно размерам заработных плат и пенсий. Повышенное внимание к финансовым проблемам вполне объяснимо. Недостаток средств был одной из серьезнейших проблем развития миссии. При обсуждении этих статей на пленарном заседании Собора профессор М.Н. Васильевский говорил о нищете и несправедливости миссионерского сообщества, вследствие чего многие опытные миссионеры переходили на более высокооплачиваемые должности, а их места подолгу пустовали³¹³. Для улучшения материального обеспечения миссионеров М.Н. Васильевским было предложено общую сумму, необходимую для миссии (2 миллиона рублей), разложить на православных верующих христиан, которых «будет никак не менее 30 миллионов». Предполагалось, если каждый верующий пожертвует по 5 копеек, то в совокупности будут собраны необходимые для функционирования миссии деньги, что не ударит по материальному состоянию верующих и увеличит привлекательность профессии православного миссионера³¹⁴.

Решением вопросов единоверцев и старообрядцев на Поместном соборе занимался X отдел «О единоверии и старообрядчестве», в котором общее количество членов из православной и единоверческой церковью составило 74 человека. За период деятельности

³¹²См.: Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Предисловие, документы и материалы к созыву и деятельности Предсоборного Совета и Собора. М., 1918 (репринт). Кн. I. Вып. I. С. 7.

³¹³См.: Кравецкий А. Церковная миссия в эпоху перемен (между проповедью и диалогом). М., 2011. С. 109.

³¹⁴См.: Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Деяния 118–136. М., 2000. Т. 9. С. 63.

Собора было проведено 37 заседаний отдела, где обсуждалось два основных вопроса: о единоверии и об отмене клятв на старые обряды³¹⁵.

Вопрос о клятвах на старые обряды начал обсуждаться отделом на 20 заседании. Планировалось, что в обсуждении окончательной редакции документа примут участие представители восточных патриархов, но работа над проектом затянулась и к закрытию Собора не была завершена.

Главная проблема была представлена в докладе профессора М.Н. Васильевского, в котором утверждался тезис о невозможности отмены клятв Собора 1667 г. в полном объеме. В подтверждение своих слов он приводил пример, что несправедливо снимать клятвы с тех, кто выступал против церковной власти или хулил ее. Отменены могут быть лишь те положения, которые смущают совесть православных и единоверцев. В связи с путаницей в представлениях членов отдела о клятвах собора 1667 г. М.Н. Васильевский предлагает вопрос «Верна ли мысль, что Собор 1667 года воспретил употребление старых богослужебных обрядов?». Епископ Уральский Тихон (Оболенский), протоиерей Ф. Воловей и А.Д. Зверев отвечали на этот вопрос положительно, а епископ Челябинский Серафим (Александров) и А.Г. Куляшев – отрицательно. Позиция тех, кто отвечал на этот вопрос отрицательно, была сформулирована в докладе епископа Серафима, считавшего, что «поднимать вопрос о снятии этих клятв могут только сознательные или несознательные враги Православной Церкви». Для установления истины члены отдела обратились к источнику – в зал заседаний был доставлен рукописный оригинал деяний Собора 1667 г.³¹⁶, но несмотря на все старания к единому мнению члены Отдела так и не пришли.

Еще 17 заседаний были непосредственно посвящены рассмотрению «Положения о единоверии», где М.Н. Васильевским были выдвинуты предложения, которые в корне меняли положение единоверцев. Во-первых, М.Н. Васильевский рекомендовал Отделу отменить 5 и 11 пункты правил митрополита Платона, по которым разрешено было присоединяться к единоверию только староверам, но не православным верующим. Члены Отдела полностью согласились с М.Н. Васильевским и внесли поправку, в которой прописывалось разрешение беспрепятственного перехода из единоверия в православие и наоборот, так как употребляемые при богослужении единоверцами книги и обряды являются православными³¹⁷. И, во-вторых, в отделе обсуждался острый для единоверцев вопрос наименования. Долгое время существования они старались избавиться от названия

³¹⁵См.: Ермакова Д. С. Единоверческий вопрос на Поместном Соборе Русской Православной Церкви в 1917–1918 гг. // Религиоведение. 2010. № 3. С. 28.

³¹⁶См.: Кравецкий А. Церковная миссия в эпоху перемен ... С. 446–449.

³¹⁷См.: Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Деяния 83–101. М., 1999. Т. 7. С. 41–42.

«единоверцы», считая его одним из препятствий на пути к миру с Православной Церковью. На одном из заседаний отдела протоиерей Ф.С. Воловей и профессор М.Н. Васильевский предложили новое наименование единоверцев «православными старообрядцами», чтобы разграничить единоверцев от «раскольников», потому что и те, и другие – старообрядцы, но «единоверцы – старообрядцы православные, а раскольники – старообрядцы раскольниковствующие». М.Н. Васильевский встретил серьезную критику от архиепископа Тамбовского Кирилла (Смирнова), считавшего новое название единоверцев оскорбительным для православных верующих, поскольку оно представляло последних как «новообрядцев»³¹⁸. Невзирая на это, члены Отдела признали необходимым оставить прежнее название, но прибавлять к нему в скобках «православные старообрядцы». В результате многочисленных дискуссий единоверцам удалось, хоть и в ограниченном виде, решить многие вопросы, однако полной реализации планов помешали дальнейшие события в истории России³¹⁹.

После Всероссийского Поместного Собора М.Н. Васильевский продолжил преподавание истории и обличение русского раскола в Казанской духовной академии до самого ее закрытия в марте 1921 г. Когда академия была выселена из своих зданий, М.Н. Васильевский продолжал читать лекции у себя на квартире, одновременно участвуя в попытках легализации Казанской духовной академии как «частного учебного заведения» и получения Академией статуса юридического лица. Но он был арестован вместе с ректором епископом Анатолием (Грисюком) и еще восемнадцатью преподавателями Академии 21 марта 1921 г. по обвинению в нарушении декрета ВЦИК от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и содержании «незарегистрированного учреждения». Но уже к 5 октября 1921 г. преподаватели были освобождены с приговором – 1 год условного заключения³²⁰.

В ноябре 1921 г. М.Н. Васильевский вошел в профессорско-преподавательский состав Богословского института, открывшегося на основании разрешения коллегии Татарского народного комиссариата просвещения РСФСР от 4 ноября 1921 г., который стал преемником Казанской духовной академии. В число преподавателей вошло большинство профессорско-преподавательского состава закрытой Академии, имевших физическую возможность к преподаванию: епископ Чебоксарский Афанасий (Малинин), И.М. Покровский, А.П. Касторский, священник А.В. Лебедев, Я.В. Васильев, И.Ф. Григорьев, П.П. Пономарев, В.И. Протопопов, Е.Я. Полянский, В.В. Суханов, П.Д. Лапин

³¹⁸См.: Там же. С. 47–48.

³¹⁹См.: Ермакова Д. С. Единоверческий вопрос на Поместном Соборе ... № 3. С. 31.

³²⁰См.: Журавский А. В. Васильевский Михаил Николаевич ... Т. 7. С. 238.

и М.Н. Васильевский. Но по причине того, что Богословский институт не был административно оформлен, он просуществовал меньше года³²¹.

31 августа 1930 года М.Н. Васильевский вновь был арестован по делу – «контрреволюционной, религиозно-монархической организации филиала контрреволюционного центра «Истинно православная Церковь» в ТАССР». Он обвинялся в том, что на квартире профессора В.И. Несмелова вместе с бывшими преподавателями Казанской духовной академии И.М. Покровским, Е.Я. Полянским «участвовал в антисоветской обработке студенчества, распространении воззваний митрополита Кирилла [Смирнова] и обсуждении методов борьбы с Советской властью». По этому делу в июле-августе 1930 года были привлечены все оставшиеся в Казани преподаватели Казанской Духовной академии, а также некоторые священнослужители, монахини и миряне. Из них 33 человека были признаны виновными, но М.Н. Васильевский свою вину не признавал. Постановлением особого совещания при Коллегии ОГПУ от 5 января 1932 г. осужден к ссылке в Казахстан на 3 года³²². Последующие события жизни М.Н. Васильевского остаются неизвестными.

Восстановив довольно полную историю жизни профессора М.Н. Васильевского, стоит перейти к его научным трудам, которые были посвящены противораскольнической деятельности светских органов власти в период правления императора Николая I. Следует отметить, что единственными публикациями церковного историка является его магистерская диссертация и ряд научных статей, опубликованных в журнале «Православный собеседник» за 1904 г.³²³, которые с небольшими изменениями повторяют текст первых трех глав диссертации.

³²¹См.: Павлов А., прот. Профессор Казанской духовной академии И. Ф. Григорьев // Христианское чтение. 2012. № 1. С. 176.

³²²См.: Журавский А. В. Васильевский Михаил Николаевич ... Т. 7. С. 238; Махмутова Е. В. Профессор-протоиерей Я. Я. Галахов – мученик за веру // Православный собеседник: Альманах Казанской духовной семинарии. 2013. № 2 (23). С. 143–144.

³²³См.: Васильевский М. Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I // Православный собеседник. 1904. Ч. 1. Январь. С. 73–86; Васильевский М. Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I // Православный собеседник. 1904. Ч. 1. Февраль. С. 231–246; Васильевский М. Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I // Православный собеседник. 1904. Ч. 1. Март. С. 339–355; Васильевский М. Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I // Православный собеседник. 1904. Ч. 1. Апрель. С. 542–558; Васильевский М. Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I // Православный собеседник. 1904. Ч. 1. Май. С. 674–692; Васильевский М. Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I // Православный собеседник. 1904. Ч. 1. Июнь. С. 925–943. Васильевский М. Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I // Православный собеседник. 1904. Ч. 2. Июль-август. С. 131–146; Васильевский М. Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I // Православный собеседник. 1904. Ч. 2. Октябрь. С. 671–688; Васильевский М. Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I // Православный собеседник. 1904. Ч. 2. Ноябрь. С. 874–890;

Магистерская диссертация М.Н. Васильевского по теме «Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I» (1914) посвящена правительственной системе мероприятий в отношении старообрядцев, которая начала действовать во вторую половину правления императора Александра I и умело доведена до «идеала» в период царствования Николая I. По его мнению, это выразилось в значительном расширении административной деятельности против раскола, усилении полицейского надзора за староверами, ограничении гражданских и религиозных прав староверов и желании «ослабить раскол» репрессивными мерами. Автор поставил целью изучение «этой системы с указанием результатов её действия в жизни раскола»³²⁴.

Источниками темы исследования М.Н. Васильевского стали совершенно нетрадиционные для исследователей старообрядчества аналитические данные МВД. Как видно по работам, М.Н. Васильевский старался не использовать полемическую литературу старообрядцев и православных по двум причинам. Во-первых, старообрядческая полемическая традиция была изучена многими церковными исследователями до него – П.С. Смирновым, Н.И. Ивановским и др., и, во-вторых, этот вид источника совершенно не подходил к рассмотрению заявленной темы «русское государство и старообрядчество». Поэтому М.Н. Васильевский решил проверить, можно ли доверять правительственным данным николаевского периода (отчетам МВД) в отношении старообрядческого законодательства. Автор настоящей работы считает, что М.Н. Васильевский совершил источниковедческий промах, поскольку не подкрепил критику информации МВД фактами из губернских или правительственных архивных материалов, а использовал лишь противоречия и несоответствия в аналитике данного министерства. Сам подход М.Н. Васильевского к оценке эффективности правительственных противораскольнических мер для церковной истории был совершенно новым, но использование только двух видов источников – законодательных актов и делопроизводственной документации МВД – без принятия во внимание практику исполнения законов в разных регионах империи не позволило ему выявить целостную картину прошлого.

Диссертация М.Н. Васильевского состоит из введения, где он дает исторический экскурс развития правительственного отношения к церковному расколу в период правления Александра I и ставит цель своего исследования, и четырех глав: 1-ая глава знакомила читателей с правительственной деятельностью по организации надзора за

Васильевский М. Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I // Православный собеседник. 1904. Ч. 2. Декабрь. С. 988–1006.

³²⁴См. цит. по: Васильевский М. Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I // Православный собеседник. 1904. Ч. 1. Январь. С. 86.

расколом и его изучения (создание различных государственных органов по «раскольническим делам» и особенности статистическое подсчета староверов); 2-ая и 3-я главы были посвящены законодательным мерам правительства к гражданской стороне жизни и религиозной соответственно; 4-ая глава представляла главный вывод автора – церковный раскол является прежде всего религиозной болезнью, радикальное излечение которой могло быть достигнуто только «духовно-просветительными мерами Церкви, а не репрессалиями государственной власти»³²⁵.

Причинами провала противораскольнической политики императора Николая I, в рассуждениях М.Н. Васильевского, стала коррумпированность полицейского аппарата и чиновников, которые следили за исполнением закона³²⁶. Данный факт был развит в исследовании В.В. Керова, считающего коррупцию православных главным механизмом стабилизации религиозного сообщества старообрядцев, которое позволило распространить влияние старообрядчества по всей империи. Подтверждением чего могут служить бухгалтерские материалы старообрядцев-предпринимателей, поскольку осуществление репрессий против старообрядцев не сопровождалось изучением бухгалтерии староверов, по причине чего коррупционные действия открыто фиксировались в финансовых отчетах старообрядцев³²⁷.

Завершая реконструкцию биографии и анализ научных трудов М.Н. Васильевского, следует сделать несколько выводов. Во-первых, опыт работы М.Н. Васильевского епархиальным противораскольническим и противосектантским миссионером, обязанностью которого было вверено регулирование деятельности участковых миссионеров и составление общих отчетов, помогло ему увидеть и осознать основные проблемы антистарообрядческой миссии (недостаточное материальное обеспечение, слабая подготовка миссионеров к диспутам со старообрядцами, отсутствие желания старообрядческих начетчиков посещать беседы с православными миссионерами и проч.), что привело к активному воздействию М.Н. Васильевского на местные и межрегиональные епархиальные структуры через миссионерские съезды и комиссии, владевших актуальной информацией об изменениях в вероучении и бытовом укладе старообрядческих общин.

Во-вторых, под влиянием миссионерских собеседований со старообрядцами он пришел к идее о необходимости расширения прав единоверия и пониманию его как

³²⁵См. цит. по соч.: Журавский А. В. Васильевский Михаил Николаевич ... Т. 7. С. 237.

³²⁶См.: Васильевский М. Н. Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I. Казань, 1914. С. 181.

³²⁷См.: Керов В. В. «Аще враг требует злата – дадите...»: старообрядчество и коррупция в полиции и органах государственной власти Российской империи XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 2 (70). С. 18–19.

миссионерского института, способного вернуть старообрядцев к общению с РПЦ. Это утверждение М.Н. Васильевский отстаивал в ходе обсуждения состояния внутренней миссии на Предсоборном Присутствии 1906 г. и Всероссийском Поместном Соборе 1917–1918 гг. Предложение по реформированию единоверческой церкви М.Н. Васильевского было одобрено, что в результате уравнило статус единоверия с православием, а единоверцам было позволено самим выбирать себе викарных епископов, что впоследствии, уже в советское время, помогло единоверию стать в полном смысле самостоятельной конфессией.

В-третьих, в большей мере практическая, а не теоретическая, разработка миссионерской деятельности отразилась на исследовательской манере М.Н. Васильевского в изучении истории старообрядчества, которое не было обычным для большинства церковных историков. Им был проанализирован корпус источников МВД по противораскольнической деятельности светских органов власти в период правления императора Николая I, где он подвергает сомнению успех государственной системы надзора в отношении старообрядцев 1825–1855 гг. и приходит к мысли полного его провала. В условиях полной свободы гражданских и религиозных прав старообрядчества и отсутствия государственной поддержки РПЦ в 1905–1917 гг., опубликованная в 1914 г. магистерская диссертация М.Н. Васильевского, явно говорит о желании автора указать, что только совместными усилиями государства и Церкви, с пастырским главенством последней, возможно исправить последствия церковного раскола.

Таким образом, исследования по истории старообрядчества в Казанской духовной академии во второй половине XIX – первой четверти XX вв. проводились преподавателями кафедры истории и обличения русского раскола – Н.И. Ивановским и М.Н. Васильевским. Отличительными чертами казанской научной школы расколоведения в синодальный период стали: переориентация на миссионерскую деятельность и в связи с этим поиск универсальных приемов миссионерского воздействия на иноверных; систематическое участие и организация специальных комиссий, кружков и обществ для создания коммуникации между опытными и начинающими миссионерами; преобладание в преподавательской деятельности практических занятий по формированию у студентов Духовной Академии полемического мастерства; следование авторов официально-церковной направленности РПЦ в рассмотрении старообрядчества, по причине чего в научных и публицистических текстах представителей казанской научной школы встречаются уничижительные высказывания в адрес изучаемой ими конфессиональной группы.

Научные труды Н.И. Ивановского и М.Н. Васильевского строились на разных источниках информации и различались по методологическим установкам: например, Н.И. Ивановский стал создателем историко-полемиического метода, М.Н. Васильевский же использовал исключительно исторический метод исследования – историко-генетический. Хотя в их работах сохранялись двухвековые стереотипы в отношении староверия, и сами казанские исследователи старообрядчества вряд ли могут быть названы независимыми экспертами в области религиоведения, тем не менее, научное наследие казанских расколоведов в целом является показателем изменения задач внутренней миссии в начале XX столетия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В начале царствования императора Александра II в обществе были проведены серьезные реформы, изменившие роль России в мире. Начавшаяся модернизация затронула все общественные институты, в том числе и опору русской монархии – русскую православную церковь. В первую очередь преобразования в православной церкви затронули систему высших духовных учебных заведений, получивших новые уставы. Так, под воздействием прогрессивного духовного устава 1869 г. были даны широкие права духовным академиям и «ученому сословию», что стало мощным импульсом к развитию творческой деятельности русской богословской науки в целом. Всё это привело к укреплению в ряду богословских наук – церковной истории, в которой появилось множество новых научных направлений, где одной из первенствующих областей стала «история старообрядчества». В это же время начинает формироваться группа исследователей старообрядчества, которые по-разному оценивали феномен церковного раскола. Возможными причинами теоретико-методологического многообразия являются индивидуальные для каждого представителя социально-экономические, политические и историко-культурные контексты.

С введением реакционных уставов духовных академий 1884 г. и 1910–1911 гг. заметно снижается научно-образовательный потенциал духовных академий, но реформа 1869 г. успела воспитать целую плеяду церковных историков, которые передали свой научно-исследовательский опыт последующим поколениям церковных ученых. Это стало причиной того, что церковная историческая наука не просто продолжила свое развитие, а смогла создать уникальные методы научного познания.

По биографиям и научным трудам санкт-петербургской духовной школы расколоведов – И.Ф. Нильского и П.С. Смирнова – можно проследить становление экспертов-религиоведов по нескольким параметрам: критическому отношению как к трудам светских историков, так и к произведениям православных писателей; преобладанию в содержании учебных курсов для студентов академий исторической, а не полемической составляющей дисциплины «расколосектантства»; активному участию в административной и общественной работе в академии и епархиальных структурах; сдержанностью и аккуратностью в высказываниях в отношении изучаемой конфессиональной группы, несмотря на полное неприятие религиозных установок старообрядчества. Именно в научных работах И.Ф. Нильского и П.С. Смирнова, посвященных разным аспектам вероучения старообрядчества, прослеживается попытка объяснить мотивы и причины появления церковного раскола и его дальнейшее

устройство, что было бы невозможно без игнорирования официальных трактовок церковного раскола русской православной церковью.

Казанская школа расколоведения, особенности которой прослеживаются по научному и публицистическому наследию церковных историков Н.И. Ивановского и М.Н. Васильевского, иначе представляла себе изучение старообрядчества. Так, отличительными чертами представителей казанской дореволюционной школы расколоведения были: приоритет миссионерской деятельности и поиск универсальных методов воздействия на иноверных; создание коммуникации между противораскольническими миссионерами разного уровня подготовки через создание специальных мероприятий и организаций (съездов, кружков, комиссий и т.д.); преимущественно практическая форма подготовки студентов академии и обучение навыкам противораскольнической полемики; изучение старообрядчества в соответствии с государственной конфессиональной политикой, что выражалось в необоснованно пренебрежительных и оскорбительных комментариях синодальных историков в адрес староверов. Конечно, разнообразие источниковой базы научных трудов Н.И. Ивановского и М.Н. Васильевского положительно отразилось на их методологических подходах, но принятие официального взгляда на староверие не позволяют охарактеризовать казанских расколоведов как независимых экспертов в области религиоведения.

Изучение казанской и Санкт-Петербургской научных школ расколоведения синодального периода приводит нас к выводу, что в исследовании церковного раскола сложились свои уникальные церковные научные исторические школы, которые были надолго забыты в советское время, и до сих пор современные исследователи мало обращаются к накопленным дореволюционным научным трудам церковных ученых. Автор считает, что стереотипы в интерпретации деятельности синодальных историков является несправедливо присвоенным ярлыком, который следует «сорвать» и подойти к рассмотрению научного наследия исследователей старообрядчества более избирательно.

Таким образом, исследование центров экспертизы церковного раскола в Казани и Санкт-Петербурге позволяют выделить критерии, необходимых для современных экспертов-религиоведов: 1) наличие научной степени (не ниже кандидата наук); 2) опыт работы в религиозных организациях, желательно на управленческих позициях; 3) наличие научно-исследовательских и/или научно-публицистических работ, по которым можно отследить объективность кандидата.

Стоит сказать, что при формировании состава экспертов стоит привлекать как светских, так и религиозных исследователей в равной пропорции. Присутствие беспристрастных и адекватных экспертов от различных конфессий, как показало

настоящее исследование, может улучшить проведение экспертизы, сделать её более углубленной и профессиональной.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. N. N. Расколосектантство в Казанском крае и деятельность против него Казанской миссии за 1903 год. Противораскольническое Отделение при братстве св. Гурия в Казани и его деятельность в конце 1903 и начале 1904 г. // Православный собеседник. – 1904. – Ч. 2. – Декабрь. – С. 1149–1153.
2. Васильевский М. Отчет о деятельности противораскольнической миссии в Казанской епархии за 1904 год. (Окончание) // Известия по Казанской епархии. – 1905. – Официальный отдел. – № 34. – С. 1011–1015.
3. Васильевский М. Отчет о деятельности противораскольнической миссии в Казанской епархии за 1904 год // Известия по Казанской епархии. – 1905. – Официальный отдел. – № 33. – С. 985–989.
4. Васильевский М. Отчет о занятиях профессорского стипендиата при кафедре истории и обличении русского раскола М. Васильевского // Православный собеседник. – 1902. – Ч. 2. – Ноябрь. – Приложения. – № 12. – С. 1–2.
5. Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Деяния 83–101. – М. : Изд. Новоспасского монастыря, 1999. Т. 7. – 261 с.
6. Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Деяния 118–136. – М. : Изд. Новоспасского монастыря, 2000. Т. 9. – 263 с.
7. Журнал заседания противо-сектантской комиссии 11 марта 1910 года // Известия по Казанской епархии. – 1910. – Официальный отдел. – № 12. – С. 350–352.
8. Из отчета о состоянии Рязанской духовной семинарии по учебно-воспитательной части за минувший 1892-93 учебный год // Церковные ведомости. – Прибавления к церковным ведомостям. – 1894. – № 4. – С. 122–123.
9. Летопись академической жизни за 1914–15 учебный год // Православный собеседник. – 1915. – Первое полугодие. – Июнь. – С. 287–302.
10. М. В. Расколосектантство в Казанском крае и деятельность против него Казанской миссии за 1903 год. О епархиальном миссионерском съезде // Православный собеседник. – 1904. – Ч. 2. – Декабрь. – С. 1147–1149.
11. Отчет о состоянии Императорской Казанской духовной академии за 1912–1913 учебный год // Православный собеседник. – 1914. – Первое полугодие. – Январь. – С. 1–66.
12. Отчет о состоянии Казанской духовной академии за 1898–1899 учебный год // Православный собеседник. – 1900. – Ч. 1. – Январь. – Приложения. – С. 1–54.

13. Отчет о состоянии Казанской духовной академии за 1899–1900 учебный год
// Православный собеседник. – 1900. – Ч. 2. – Ноябрь. – Приложения. – С. 1–58.
14. Отчет о состоянии Казанской духовной академии за 1910–1911 учебный год
// Православный собеседник. – 1911. – Второе полугодие. – Декабрь. – С. 1–64.
15. Отчет о состоянии Казанской духовной академии за 1911–1912 учебный год
// Православный собеседник. – 1912. – Второе полугодие. – Декабрь. – С. 1–64.
16. Отчет о состоянии Казанской духовной академии за 1913–1914 учебный год
// Православный собеседник. – 1914. – Второе полугодие. – Ноябрь. – С. 1–66.
17. Отчет о состоянии С.-Петербургской духовной академии за 1894 год // Христианское чтение. – 1895. – № 3/4. – С. 337–366.
18. Отчет о состоянии С.-Петербургской духовной академии за 1895 год // Христианское чтение. – 1896. – № 3/4. – С. 389–417.
19. Отчет о состоянии С.-Петербургской духовной академии за 1896 год // Христианское чтение. – 1897. – № 3. – С. 440–480.
20. Отчет о состоянии С.-Петербургской духовной академии за 1897 год. // Христианское чтение. – 1898. – № 3. – С. 365–400.
21. Отчет о состоянии С.-Петербургской духовной академии за 1898 год // Христианское чтение. – 1899. – № 3. – С. 472–507.
22. Отчет о состоянии С.-Петербургской духовной академии за 1899 год // Христианское чтение. – 1900. – № 3. – С. 485–520.
23. Отчет о состоянии С.-Петербургской духовной академии за 1900 год // Христианское чтение. – 1901. – № 3. – С. 336–368.
24. Отчет о состоянии С.-Петербургской духовной академии за 1901 год // Христианское чтение. – 1902. – № 3. – С. 351–386.
25. Отчет о состоянии С.-Петербургской духовной академии за 1902 год // Христианское чтение. – 1903. – № 3. – С. 488–525.
26. Отчет распорядительного комитета общества вспомоществования недостаточным студентам Санкт-Петербургской духовной академии за седьмой 1883–1884 год // Церковный вестник. – 1884. – № 19 – С. 12.
27. Приложения к протоколам Совета Казанской духовной академии за 1912 год // Православный собеседник. – 1915. – Первое полугодие. – Июнь. – С. 305–368.
28. Приложения к протоколам Совета Казанской духовной академии за 1912 год // Православный собеседник. – 1915. – Первое полугодие. – Март. – С. 129–224.
29. Приложения к протоколам Совета Казанской духовной академии за 1913 год // Православный собеседник. – 1916. – Первое полугодие. – Май-июнь. – С. 113–272.

30. Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1895 год // Православный собеседник. – 1897. – Ч. 1. – Июнь. – Приложения. – С. 193–272.
31. Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1895 год // Православный собеседник. – 1897. – Ч. 2. – Июль. – Приложения. – С. 273–346.
32. Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1899 год // Православный собеседник. – 1901. – Ч. 1. – Февраль. – Приложения. – С. 81–160.
33. Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1900 год // Православный собеседник. – 1902. – Ч. 1. – Январь. – Приложения. – С. 1–64.
34. Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1911 год // Православный собеседник. – 1913. – Первое полугодие. – Апрель. – С. 129–192.
35. Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1911 год // Православный собеседник. – 1913. – Первое полугодие. – Январь. – С. 49–96.
36. Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1912 год // Православный собеседник. – 1914. – Второе полугодие. – Июль-август. – С. 1–80.
37. Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1912 год // Православный собеседник. – 1914. – Второе полугодие. – Октябрь. – С. 113–176.
38. Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1913 год // Православный собеседник. – 1915. – Второе полугодие. – Ноябрь-декабрь. – С. 225–288.
39. Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Предисловие, документы и материалы к созыву и деятельности Предсоборного Совета и Собора. – М. : Изд. Соборного Совета, 1918 (репринт). Кн. I. Вып. I. – 144 с.
40. Устав и штат православных духовных академий, высочайше утвержденный 20 апреля 1884 года. – СПб. : Синод. тип., 1884. – 56 с.
41. Устав православных духовных академий, высочайше утвержденный 2 апреля 1910 года. – СПб. : Синод. тип., 1910. – 65 с.
42. Устав православных духовных академий, высочайше утвержденный 30 мая 1869 года. – СПб. : Синод. тип. 1869. – 40 с.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ ДУХОВНЫХ АКАДЕМИЙ

43. Васильевский М. Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I // Православный собеседник. – 1904. – Ч. 1. – Январь. – С. 73–86.
44. Васильевский М. Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I // Православный собеседник. – 1904. – Ч. 1. – Февраль. – С. 231–246.

45. Васильевский М. Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I // Православный собеседник. – 1904. – Ч. 1. – Март. – С. 339–355.
46. Васильевский М. Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I // Православный собеседник. – 1904. – Ч. 1. – Апрель. – С. 542–558.
47. Васильевский М. Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I // Православный собеседник. – 1904. – Ч. 1. – Май. – С. 674–692.
48. Васильевский М. Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I // Православный собеседник. – 1904. – Ч. 1. – Июнь. – С. 925–943.
49. Васильевский М. Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I // Православный собеседник. – 1904. – Ч. 2. – Июль-август. – С. 131–146.
50. Васильевский М. Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I // Православный собеседник. – 1904. – Ч. 2. – Октябрь. – С. 671–688.
51. Васильевский М. Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I // Православный собеседник. – 1904. – Ч. 2. – Ноябрь. – С. 874–890.
52. Васильевский М. Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I // Православный собеседник. – 1904. – Ч. 2. – Декабрь. – С. 988–1006.
53. Васильевский М. Материалы для бесед со старообрядцами, приемлющими священство Белокриницкой иерархии // Православный собеседник. – 1905. – Ч. 3. – Декабрь. – С. 671–674.
54. Васильевский М. Ответ на «отповедь» свящ. Г. С-Петербурга С. Шлеева // Православный собеседник. – 1905. – Ч. 1. – Апрель. – С. 651–660.
55. Васильевский М. По поводу «миссионерских бесед со слепцом А. Коноваловым» свящ. С. Шлеева // Православный собеседник. – 1905. – Ч. 1. – Январь. – С. 95–98.
56. Васильевский М. Старообрядцы австрийского священства в обличении беспоповца слепца А. Коновалова // Православный собеседник. – 1903. – Ч. 2. – Декабрь. – С. 871–880.

57. Еще несколько слов к вопросу об издании в свет раскольничьих рукописей // Христианское чтение. – 1876. – № 11/12. – С. 712–724.
58. Ивановский Н. И. Австрийское священство и единоверие // Православный собеседник. – 1904. – Ч. 1. – С. 529–541.
59. Ивановский Н. И. Беседа со старообрядцами в селе Шонгуты Казанской епархии // Православный собеседник. – 1876. – Ч. 1. – С. 89–123.
60. Ивановский Н. И. Беседы с Коноваловым в Казани и поднесенный ему адрес // Православный собеседник. – 1903. – Ч. 1. – С. 535–548.
61. Ивановский Н. И. Братство святителя Гурия и характер его деятельности // Православный собеседник. – 1903. – Ч. 1. – С. 737–748.
62. Ивановский Н. И. Значение печатной книжной ошибки // Православный собеседник. – 1874. – Ч. 1. – С. 219–225.
63. Ивановский Н. И. Из старообрядческого мира // Православный собеседник. – 1883. – Ч. 3. – С. 323–354.
64. Ивановский Н. И. Из старообрядческого мира // Православный собеседник. – 1884. – Ч. 3. – С. 323–268.
65. Ивановский Н. И. Из старообрядческого мира // Православный собеседник. – 1885. – Ч. 2. – С. 137–172.
66. Ивановский Н. И. Из старообрядческого мира // Православный собеседник. – 1885. – Ч. 3. – С. 156–171.
67. Ивановский Н. И. Измышленный старообрядческий собор. Разбор раскольнической рукописи // Православный собеседник. – 1882. – Ч. 1. – С. 167–193.
68. Ивановский Н. И. К вопросу о брачных сопряжениях раскольников и вытекающих отсюда последствиях // Православный собеседник. – 1904. – Ч. 2. – С. 377–391.
69. Ивановский Н. И. К вопросу о брачных сопряжениях раскольников и вытекающих отсюда последствиях // Православный собеседник. – 1904. – Ч. 2. – С. 573–597.
70. Ивановский Н. И. Материалы для характеристики секты, известной под именем сионской вести // Православный собеседник. – 1876. – Ч. 2. – С. 91–112.
71. Ивановский Н. И. Надгробное слово // Православный собеседник. – 1901. – Ч. 2. – С. 271–283.
72. Ивановский Н. И. Накануне объявления полной веротерпимости // Православный собеседник. – 1905. – Ч. 1. – С. 600–618.

73. Ивановский Н. И. Накануне объявления полной веротерпимости // Православный собеседник. – 1905. – Ч. 2. – С. 15–27.
74. Ивановский Н. И. Несколько слов по отношению 8-ми вопросов, составленных ново-единоверцами к старообрядцам // Православный собеседник. – 1871. – Ч. 1. – С. 121–154.
75. Ивановский Н. И. Новое желание майносцев получить законное священство // Православный собеседник. – 1878. – Ч. 3. – С. 220–232.
76. Ивановский Н. И. Новое издание по изучению раскола // Православный собеседник. – 1875. – Ч. 1. – С. 169–186.
77. Ивановский Н. И. Новый единоверческий приход // Православный собеседник. – 1883. – Ч. 2. – С. 239–247.
78. Ивановский Н. И. О безпоповщинской исповеди // Православный собеседник. – 1869. – Июль. – С. 253–285.
79. Ивановский Н. И. О рябиновщине // Православный собеседник. – 1867. – Ч. 2. – С. 43–66.
80. Ивановский Н. И. О собеседованиях со старообрядцами // Православный собеседник. – 1872. – Ч. 1. – С. 332–350.
81. Ивановский Н. И. О численности раскольников // Православный собеседник. – 1867. – Ч. 2. – С. 257–302.
82. Ивановский Н. И. Общество старообрядцев австрийским священством окормляемое, есть ли истинная Христова церковь? // Православный собеседник. – 1909. – Декабрь. – С. 691–703.
83. Ивановский Н. И. Окружники и противокружники в согласии старообрядцев приемлющих австрийское священство // Православный собеседник. – 1881. – Ч. 3. – С. 171–207.
84. Ивановский Н. И. Памяти отца архимандрита Павла, настоятеля Московского единоверческого монастыря // Православный собеседник. – 1895. – Ч. 2. – С. 242–255.
85. Ивановский Н. И. Памяти почивших наставников академии. Профессор Александр Иванович Гренков // Православный собеседник. – 1901. – Ч. 2. – С. 728–733.
86. Ивановский Н. И. Письмо к обратившейся в день причащения св. тайн // Православный собеседник. – 1901. – Ч. 1. – С. 353–357.
87. Ивановский Н. И. По поводу газетного сообщения о запрещении иконописцам из не принадлежащих церкви старообрядцам писать иконы для православных храмов // Православный собеседник. – 1874. – Ч. 1. – С. 390–431.

88. Ивановский Н. И. По поводу закладки нового храма в пригородной окраине Казани. Открытое письмо строителям // Православный собеседник. – 1901. – Ч. 1. – С. 810–819.
89. Ивановский Н. И. По поводу новых законов относительно раскольников // Православный собеседник. – 1883. – Ч. 3. – С. 3–44.
90. Ивановский Н. И. По поводу письма С. Ф. Шарапова о старообрядцах // Православный собеседник. – 1901. – Ч. 2. – С. 847–867.
91. Ивановский Н. И. Появление и первоначальная история секты бегунов и странников в Казани // Православный собеседник. – 1900. – Ч. 2. – С. 501–518.
92. Ивановский Н. И. Празднество по поводу увеличения пенсий и содержания служащих в духовно-учебных заведениях // Православный собеседник. – 1894. – Ч. 3. – С. 136–139.
93. Ивановский Н. И. Присоединение из раскола к православию // Православный собеседник. – 1875. – Ч. 3. – С. 244–247.
94. Ивановский Н. И. Присоединение к православию нескольких последователей австрийского священства // Православный собеседник. – 1873. – Ч. 1. – С. 175–186.
95. Ивановский Н. И. Присоединение к православной церкви священника Белокриницкой иерархии гр. Ник. Вдовина и его вопросы Пафнутию, именуемому епископом Казанским и Вятским // Православный собеседник. – 1882. – Ч. 3. – С. 352–361.
96. Ивановский Н. И. Речь на освящении храма в селе Шонгутах // Православный собеседник. – 1884. – Ч. 1. – С. 24–40.
97. Ивановский Н. И. Случайные старообрядческие архиереи XVIII столетия, как доказательство истинности беглопоповщинского согласия // Православный собеседник. – 1873. – Ч. 1. – С. 571–582.
98. Ивановский Н. И. Старообрядческие архиереи до Амвросия // Православный собеседник. – 1881. – Ч. 3. – С. 315–346.
99. Ивановский Н. И. Характер и предмет беседований со старообрядцами // Православный собеседник. – 1905. – Ч. 1. – С. 267–274.
100. М. В. Расколосектантство в Казанском крае и деятельность против него Казанской миссии за 1903 год // Православный собеседник. – 1904. – Ч. 2. – Ноябрь. – С. 911–930.
101. Несколько данных по вопросу: как учили об антихристе первые расколоучителя // Христианское чтение. – 1889. – № 5/6. – С. 693–719.

102. Несколько заметок о современном положении раскола // Христианское чтение. – 1876. – № 5/6. – С. 793–833.
103. Нильский И. Ф. Библиографические заметки. «Об изменениях в чине литургий: Иоанна Златистого, Василия Великого и Григория Двоеслова, указанных в Поморских Ответах и Мече Духовном». Сочинение студента Санкт-Петербургской духовной академии XXI курса, игумена Варлаама (Чернявского). Кишинев. 1860 // Христианское чтение. – 1861. – Ч. 2. – С. 407–424.
104. Нильский И. Ф. Библиографические заметки. «Описание некоторых сочинений, написанных раскольниками в пользу раскола». Записки Александра Б. издание Д. Е. Кожанчикова. Санкт-Петербург. 1861 // Христианское чтение. – 1861. – Ч. 1. – С. 463–514.
105. Нильский И. Ф. Еще несколько слов о спорных вопросах из первоначальной истории беспоповщины // Христианское чтение. – 1877. – № 1/2. – С. 216–264.
106. Нильский И. Ф. К вопросу о безсвященнословных браках беспоповцев // Христианское чтение. – 1886. – № 1/2. – С. 249–265.
107. Нильский И. Ф. К истории духоборчества и молоканства // Христианское чтение. – 1886. – № 9/10. – С. 449–491.
108. Нильский И. Ф. К истории споров об аллилуйи // Христианское чтение. – 1884. – № 5/6. – С. 690–729.
109. Нильский И. Ф. Несколько слов о лже-митрополите Амвросии // Христианское чтение. – 1860. – Ч. 1. – С. 205–214.
110. Нильский И. Ф. Несколько слов о происхождении раскола // Христианское чтение. – 1861. – Ч. 1. – С. 89–154.
111. Нильский И. Ф. Несколько слов о самосожигательстве раскольников // Христианское чтение. – 1864. – Ч. 1. – С. 378–382.
112. Нильский И. Ф. Несколько слов по поводу статьи Брикнера: «О некоторых сочинениях, приписываемых Посошкову» // Христианское чтение. – 1875. – № 1. – С. 56–76.
113. Нильский И. Ф. Нужно ли преподавать в наших духовных семинариях учение о расколе // Христианское чтение. – 1868. – № 1. – С. 100–139.
114. Нильский И. Ф. О перстосложении против раскольников // Христианское чтение. – 1877. – № 5/6. – С. 676–736.
115. Нильский И. Ф. О последней попытке раскольников найти себе епископа // Христианское чтение. – 1859. – Ч. 2. – С. 407–460.

116. Нильский И. Ф. О священстве против беспоповцев. По поводу появившихся в литературе толков об этом предмете. // Христианское чтение. – 1862. – Ч. 2. – С. 331–404.
117. Нильский И. Ф. Объяснение // Христианское чтение. – 1860. – Ч. 1. – С. 494–525.
118. Нильский И. Ф. Объяснение // Христианское чтение. – 1865. – Ч. 2. – С. 280–326.
119. Нильский И. Ф. Особенности в учении поморцев касательно крещения // Христианское чтение. – 1865. – Ч. 2. – С. 181–188.
120. Нильский И. Ф. Ответ на письмо Т. И. Филиппова по вопросу о браке в русском расколе // Христианское чтение. – 1871. – № 4. – С. 668–735.
121. Нильский И. Ф. По поводу брошюры: «Споры беспоповцев преображенского кладбища и покровской часовни о браке» К. Надеждин. СПб. 1865 г. (статья первая) // Христианское чтение. – 1866. – Ч. 1. – С. 501–570.
122. Нильский И. Ф. По поводу брошюры: «Споры беспоповцев преображенского кладбища и покровской часовни о браке» К. Надеждин. СПб. 1865 г. (статья вторая) // Христианское чтение. – 1866. – Ч. 2. – С. 212–264.
123. Нильский И. Ф. По поводу брошюры: «Споры беспоповцев преображенского кладбища и покровской часовни о браке» К. Надеждин. СПб. 1865 г. (статья пятая) // Христианское чтение. – 1867. – Ч. 1. – С. 523–572.
124. Нильский И. Ф. По поводу брошюры: «Споры беспоповцев преображенского кладбища и покровской часовни о браке» К. Надеждин. СПб. 1865 года. (статья шестая) // Христианское чтение. – 1867. – Ч. 1. – С. 920–988.
125. Нильский И. Ф. По поводу брошюры: «Споры беспоповцев преображенского кладбища и покровской часовни о браке» К. Надеждин. СПб. 1865 года. (статья седьмая) // Христианское чтение. – 1867. – Ч. 2. – С. 960–1026.
126. Нильский И. Ф. Разбор беспоповщинского учения о лицах, имеющих право совершать крещение // Христианское чтение. – 1865. – Ч. 1. – С. 83–114.
127. Нильский И. Ф. Разбор оснований, на которых раскольники-беспоповцы утверждают свой обычай перекрещивать православных при переходе их в раскол // Христианское чтение. – 1865. – Ч. 1. – С. 606–652.
128. Нильский И. Ф. Разбор оснований, на которых раскольники-беспоповцы утверждают свой обычай перекрещивать православных при переходе их в раскол // Христианское чтение. – 1865. – Ч. 2. – С. 154–180.

129. Нильский И. Ф. Речь по поводу рассуждений о нуждах единоверия // Христианское чтение. – 1874. – № 6. – С. 236–312.
130. Нильский И. Ф. Речь по поводу рассуждений о нуждах единоверцев, произнесенная 4 дек. 1873 г., в заседании С.-Петербургского отдела Общества любителей духовного просвещения // Христианское чтение. – 1874. – № 2. – С. 161–246.
131. Нильский И. Ф. Речь по поводу рассуждений о нуждах единоверцев, произнесенная 4 дек. 1873 г., в заседании С.-Петербургского отдела Общества любителей духовного просвещения // Христианское чтение. – 1874. – № 3. – С. 337–381.
132. Нильский И. Ф. Речь по поводу рассуждений о нуждах единоверцев, сказанная 25 февр. 1871 г. в заседании Санкт-Петербургского отдела Общества любителей духовного просвещения // Христианское чтение. – 1873. – № 6. – С. 259–313.
133. Нильский И. Ф. Семейная жизнь в русском расколе в настоящее царствование. Отношение к вопросу о браке заграничных раскольников беспоповцев // Христианское чтение. – 1871. – № 12. – С. 861–934.
134. Нильский И. Ф. Семейная жизнь в русском расколе в царствование императора Николая I // Христианское чтение. – 1869. – № 6. – С. 834–915.
135. Нильский И. Ф. Семейная жизнь в русском расколе в царствование императора Николая I // Христианское чтение. – 1869. – № 8. – С. 243–289.
136. О единоверии (по поводу современных толков литературы) // Христианское чтение. – 1870. – № 1. – С. 63–82.
137. О единоверии (по поводу современных толков литературы) // Христианское чтение. – 1870. – № 2. – С. 257–287.
138. О единоверии (по поводу современных толков литературы) // Христианское чтение. – 1870. – № 5. – С. 741–792.
139. О клятве Московского собора 1667 года // Христианское чтение. – 1872. – № 5. – С. 1–70.
140. О последней попытке раскольников найти себе епископа // Христианское чтение. – 1860. – Ч. 1. – С. 3–38.
141. Проф. Н. И. Ивановский // Православный собеседник. – 1913. – Октябрь. – С. 1–16.
142. Раскольники и острожники // Христианское чтение. – 1872. – № 12. – С. 692–740.
143. Смирнов П. «Новое время» на страже интересов «староверия» // Христианское чтение. – 1905. – № 3. – С. 432–442.

144. Смирнов П. В бегстве от антихриста. Общая характеристика современной беспоповщины // Христианское чтение. – 1903. – № 4. – С. 595–613.
145. Смирнов П. В бегстве от антихриста. Общая характеристика современной беспоповщины // Христианское чтение. – 1903. – № 5. – С. 724–743.
146. Смирнов П. В бегстве от антихриста. Общая характеристика современной беспоповщины // Христианское чтение. – 1903. – № 6. – С. 895–908.
147. Смирнов П. Важность изучения внутренней жизни раскола. (Речь на магистерском коллоквиуме 20-го декабря перед защитой диссертации: Внутренние вопросы в расколе в XVII веке». СПб., 1898) // Христианское чтение. – 1899. – № 1. – С. 155–165.
148. Смирнов П. Взгляд раскола на переживаемое время в XVII в. // Христианское чтение. – 1897. – № 6. – С. 865–892.
149. Смирнов П. Взгляд раскола на переживаемое время в XVII веке // Христианское чтение. – 1897. – № 1. – С. 49–68.
150. Смирнов П. Взгляд раскола на переживаемое время в XVII веке // Христианское чтение. – 1897. – № 2. – С. 261–276.
151. Смирнов П. Взгляд раскола на переживаемое время в XVII веке // Христианское чтение. – 1897. – № 3. – С. 391–423.
152. Смирнов П. Взгляд раскола на переживаемое время в первой четверти XVIII века // Христианское чтение. – 1909. – № 5. – С. 682–724.
153. Смирнов П. Возникновение диаконовщины и первые её противники // Христианское чтение. – 1908. – № 3. – С. 402–421.
154. Смирнов П. Возникновение диаконовщины и первые её противники // Христианское чтение. – 1908. – № 4. – С. 533–564.
155. Смирнов П. Возникновение диаконовщины и первые её противники // Христианское чтение. – 1908. – № 5. – С. 696–729.
156. Смирнов П. Возникновение диаконовщины и первые её противники // Христианское чтение. – 1908. – № 6/7. – С. 953–968.
157. Смирнов П. Вопросы первой четверти XVIII века, вызванные положением раскола в православном государстве // Христианское чтение. – 1909. – № 8/9. – С. 1126–1158.
158. Смирнов П. Выговская беспоповщинская пустынь в первое время её существования. (Особенности учения и важнейшие события) // Христианское чтение. – 1910. – № 5/6. – С. 638–674.

159. Смирнов П. Выговская беспоповщинская пустынь в первое время её существования. (Особенности учения и важнейшие события) // Христианское чтение. – 1910. – № 7/8. – С. 910–934.
160. Смирнов П. Женщина в деле ослабления старообрядческого раскола. Несколько исторических данных по этому вопросу. // Христианское чтение. – 1905. – № 1. – С. 50–66.
161. Смирнов П. Женщина в деле ослабления старообрядческого раскола. Несколько исторических данных по этому вопросу // Христианское чтение. – 1905. – № 4. – С. 500–516.
162. Смирнов П. Женщина в деле ослабления старообрядческого раскола. Несколько исторических данных по этому вопросу // Христианское чтение. – 1905. – № 5. – С. 609–633.
163. Смирнов П. Женщина в деле ослабления старообрядческого раскола. Несколько исторических данных по этому вопросу // Христианское чтение. – 1905. – № 6. – С. 799–810.
164. Смирнов П. Значение женщины в истории русского старообрядческого раскола. (Речь, произнесенная на торжественном годовичном акте С.-Петербургской духовной академии 17 февраля 1902 г.) // Христианское чтение. – 1902. – № 3. – С. 326–350.
165. Смирнов П. Из истории противораскольнической миссии XVII века. Поездка архимандрита Игнатия и протопopa Иоанна Иоаннова в Кинешму для увещания раскольников и составленное Игнатием описание этой поездки // Христианское чтение. – 1903. – № 11. – С. 652–666.
166. Смирнов П. Из истории противораскольнической миссии XVII века. Поездка архимандрита Игнатия и протопopa Иоанна Иоаннова в Кинешму для увещания раскольников и составленное Игнатием описание этой поездки // Христианское чтение. – 1903. – № 12. – С. 855–880.
167. Смирнов П. Лексинская беспоповщинская пустынь в первое время её существования // Христианское чтение. – 1910. – № 2. – С. 145–172.
168. Смирнов П. Лексинская беспоповщинская пустынь в первое время её существования // Христианское чтение. – 1910. – № 3. – С. 310–333.
169. Смирнов П. Литература истории и обличения старообрядческого раскола в XIX столетии // Христианское чтение. – 1901. – № 1. – С. 46–64.
170. Смирнов П. Литература истории и обличения старообрядческого раскола в XIX столетии // Христианское чтение. – 1901. – № 4. – С. 604–630.

171. Смирнов П. Литература истории и обличения старообрядческого раскола в XIX столетии // Христианское чтение. – 1901. – № 10. – С. 530–552.
172. Смирнов П. Начало беспоповщинской полемики по вопросу о браке // Христианское чтение. – 1906. – № 8. – С. 213–233.
173. Смирнов П. Начало беспоповщинской полемики по вопросу о браке // Христианское чтение. – 1906. – № 9. – С. 370–390.
174. Смирнов П. Начало беспоповщинской полемики по вопросу о браке // Христианское чтение. – 1906. – № 11. – С. 669–695.
175. Смирнов П. Неизданное противораскольническое сочинение XVII века: «Брозда духовная» // Христианское чтение. – 1900. – № 7. – С. 102–129.
176. Смирнов П. Неизданное противораскольническое сочинение XVII века: «Брозда духовная» // Христианское чтение. – 1900. – № 7. – С. 258–277.
177. Смирнов П. Новый пересмотр узаконений о правах раскольников // Христианское чтение. – 1905. – № 2. – С. 215–236.
178. Смирнов П. Новый труд по истории раскола. Из истории раскола на Ветке и Стародубье в XVII–XVIII вв. Исследование М. И. Лилеева // Христианское чтение. – 1895. – № 11/12. – С. 536–547.
179. Смирнов П. О перстосложении для крестного знамения и благословения // Христианское чтение. – 1904. – № 1. – С. 24–44.
180. Смирнов П. О перстосложении для крестного знамения и благословения // Христианское чтение. – 1904. – № 2. – С. 214–237.
181. Смирнов П. О перстосложении для крестного знамения и благословения // Христианское чтение. – 1904. – № 3. – С. 378–405.
182. Смирнов П. Первые годы жизни раскола вне церкви. (Очерк из истории раскола XVII века) // Христианское чтение. – 1898. – № 3. – С. 422–448.
183. Смирнов П. Первые годы жизни раскола вне церкви. (Очерк из истории раскола XVII века) // Христианское чтение. – 1898. – № 4. – С. 579–606.
184. Смирнов П. Первые годы жизни раскола вне церкви. (Очерк из истории раскола XVII века) // Христианское чтение. – 1898. – № 5. – С. 757–784.
185. Смирнов П. Первые годы жизни раскола вне церкви. (Очерк из истории раскола XVII века) // Христианское чтение. – 1898. – № 6. – С. 932–962.
186. Смирнов П. Первые попытки раскольников приобрести архиерея // Христианское чтение. – 1906. – № 7. – С. 41–78.
187. Смирнов П. Переписка раскольнических деятелей начала XVIII века // Христианское чтение. – 1909. – № 1. – С. 37–66.

188. Смирнов П. Переписка раскольниковых деятелей начала XVIII века // Христианское чтение. – 1909. – № 2. – С. 171–215.
189. Смирнов П. Переписка раскольниковых деятелей начала XVIII века // Христианское чтение. – 1909. – № 3. – С. 403–420.
190. Смирнов П. Полемика о перстосложении в XVIII и XIX столетиях // Христианское чтение. – 1904. – № 9. – С. 281–303.
191. Смирнов П. Полемика о перстосложении в первое время существования раскола // Христианское чтение. – 1904. – № 7. – С. 36–58.
192. Смирнов П. Полемика о перстосложении в первое время существования раскола // Христианское чтение. – 1904. – № 8. – С. 173–186.
193. Смирнов П. Правовое положение раскола при императрице Анне Иоанновне. Замечания, высказанные на магистерском коллоквиуме 2 октября 1905 года // Христианское чтение. – 1906. – № 1. – С. 112–128.
194. Смирнов П. Происхождение самоистребления в русском расколе // Христианское чтение. – 1895. – № 5/6. – С. 617–635.
195. Смирнов П. Происхождение самоистребления в русском расколе // Христианское чтение. – 1895. – № 7/8. – С. 170–199.
196. Смирнов П. Профессор Иван Федорович Нильский // Христианское чтение. – 1910. – № 10. – С. 1264–1282.
197. Смирнов П. Сочинение беспоповца Ивана Алексева против поповцев // Христианское чтение. – 1915. – № 4. – С. 488–504.
198. Смирнов П. Сочинение беспоповца Ивана Алексева против поповцев // Христианское чтение. – 1915. – № 5. – С. 653–673.
199. Смирнов П. Споры в расколе в первой четверти XVIII века // Христианское чтение. – 1909. – № 6/7. – С. 859–906.
200. Смирнов П. Споры в расколе во второй четверти XVIII века // Христианское чтение. – 1911. – № 1. – С. 50–73.
201. Смирнов П. Споры в расколе во второй четверти XVIII века // Христианское чтение. – 1911. – № 2. – С. 168–195.
202. Смирнов П. Споры в расколе во второй четверти XVIII века // Христианское чтение. – 1911. – № 3. – С. 325–352.
203. Смирнов П. Споры в расколе во второй четверти XVIII века // Христианское чтение. – 1911. – № 4. – С. 451–490.
204. Смирнов П. Споры в расколе по вопросу о приеме приходящих в раскол в первой половине XVIII века // Христианское чтение. – 1908. – № 6/7. – С. 815–851.

205. Смирнов П. Споры в расколе по догматическим вопросам в XVII веке // Христианское чтение. – 1897. – № 7. – С. 60–94.
206. Смирнов П. Сущность зла, по учению св. Василия Великого // Христианское чтение. – 1907. – № 2. – С. 238–249.
207. Смирнов П. Учение о русском расколе в духовных семинариях // Христианское чтение. – 1911. – № 5/6. – С. 685–702.
208. Смирнов П. Центры раскола в первой четверти XVIII века. Поморье. Керженец. Сибирь. Ветка. Стародубье. Ряпина мыза. Москва // Христианское чтение. – 1909. – № 3. – С. 338–362.
209. Смирнов П. Центры раскола в первой четверти XVIII века. Поморье. Керженец. Сибирь. Ветка. Стародубье. Ряпина мыза. Москва // Христианское чтение. – 1909. – № 4. – С. 533–572.
210. Три брошюры московского единоверческого иеромонаха Пафнутия // Христианское чтение. – 1877. – № 5/6. – С. 877–892.
211. Чем объяснить долговечие раскола? // Христианское чтение. – 1871. – № 3. – С. 516–563.
212. Четыре беседы со слепцом Коноваловым // Православный собеседник. – 1902. – Ч. 2. – Декабрь. – С. 898–913.

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

213. Васильевский М. Н. Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I / М. Н. Васильевский. – Казань : Центр. тип., 1914. – 254 с., V с.
214. Ивановский Н. И. Беседы со старообрядцами в Нижнем Новгороде, произведенные миссионерами разных епархий, и беседы раскольников между собою в 1902 г. / Н. И. Ивановский. – Нижний Новгород : Тип. Губернского правления, 1902. – 70 с.
215. Ивановский Н. И. Беседы со старообрядцами в трех селах Казанской епархии // Н. И. Ивановский. – Казань : Тип. императ. ун-та, 1877. – 74 с.
216. Ивановский Н. И. Критический разбор учения не приемлющих священства старообрядцев о церкви и таинствах / Н. И. Ивановский. – Казань : Тип. императ. ун-та, 1883. – 421 с.
217. Ивановский Н. И. Проскинитарий Арсения Суханова // Православное палестинское общество // Православный Палестинский сборник – Вып. 21. – СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1889. – Т. VII. – 407 с.

218. Нильский И. Ф. Об антихристе против раскольников (в общепонятном изложении): в 2 ч. / И. Ф. Нильский. – СПб. : Изд. книгопродавца И. Перевозникова, 1898. – 382 с., 14 с.

219. Нильский И. Ф. Об антихристе против раскольников / И.Ф. Нильский. – СПб. : Тип. Николая Тихменева в Троицк. пер., 1859. – 511 с.

220. Нильский И. Ф. Семейная жизнь в русском расколе. Исторический очерк раскольнического учения о браке. От начала раскола до царствования императора Николая I / И. Ф. Нильский. – СПб. : Тип. департамента уделов, 1869. – Вып. 1. – 406 с., IV с.

221. Нильский И. Ф. Семейная жизнь в русском расколе. Исторический очерк раскольнического учения о браке. Царствование императора Николая I / И. Ф. Нильский. – СПб. : Тип. департамента уделов, 1869. – Вып. 2. – 256 с., IV с.

222. Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным / П. С. Смирнов. – СПб. : Печ. Яковлева, 1898. – СXXXIV с., 237 с., 121 с.

223. Смирнов П. С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века / П. С. Смирнов – СПб. : Тип. М. Меркушева, 1909. – V с., 363 с., 176 с.

УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ

224. Ивановский Н. И. Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола с присовокуплением сведений о сектах рационалистических и мистических / Н. И. Ивановский. – Казань : Тип.-лит. императ. ун-та, 1900, изд. шестое. – Часть 1. – 278 с.

225. Ивановский Н. И. Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола с присовокуплением сведений о сектах рационалистических и мистических / Н. И. Ивановский. – Казань : Тип.-лит. императ. ун-та, 1901, изд. шестое доп. – Часть 2, 3. – 249 с.

226. Смирнов П. С. История русского раскола старообрядства / П. С. Смирнов. – Рязань : Тип. В.О. Тарасова, 1893. – 348 с.

227. Смирнов П. С. История русского раскола старообрядства / П. С. Смирнов. – СПб. : Тип. Глав. упр. уделов, 1895. – 275 с., 34 с., IV с.

РЕЛИГИОЗНАЯ МИССИОНЕРСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

228. Беседа Швецова с ректором Нижегородской семинарии // Миссионерский сборник – 1891. – № 1. – С. 15–20.

229. Беседа Швецова с ректором Нижегородской семинарии. Окончание // Миссионерский сборник – 1891. – № 3. – С. 143–149.
230. Библиографическая заметка // Рязанские епархиальные ведомости. – Прибавления к Рязанским епархиальным ведомостям. – Отдел литературный. – 1890. – № 14/15. – С. 63–64.
231. Васильевский М. К вопросу о единоверческом епископе // Церковно-общественный вестник. – 1906. – № 12. – С. 440–442.
232. Васильевский М. Миссионерский отчет пред судом не миссионера // Известия по Казанской епархии. – 1905. – Неофициальный отдел. – № 3. – С. 67–72.
233. Васильевский М. О перстосложении для крестного знамения. (Пастырский ответ старообрядцам) // Известия по Казанской епархии. – 1905. – Неофициальный отдел. – № 10. – С. 282–286.
234. Где истина? Разбор изданной современным апологетом раскола Онисимом Швецовым книги: «Истинность старообрядствующей иерархии противу взводимых на нее обвинений» // Миссионерский сборник. – 1893. – № 1. – С. 38–42.
235. Где истина? Разбор изданной современным апологетом раскола Онисимом Швецовым книги: «Истинность старообрядствующей иерархии противу взводимых на нее обвинений» // Миссионерский сборник. – 1893. – № 2. – С. 1–12.
236. Грачев П., свящ. Беседы со старообрядцами в гор. Казани 10-го ноября 1913 года // Известия по Казанской епархии. – 1913. – Отдел неофициальный. – № 46. – С. 1362–1367.
237. Грачев П., свящ. Беседы со старообрядцами в гор. Казани 17-го ноября 1913 года // Известия по Казанской епархии. – 1913. – Отдел неофициальный. – № 47. – С. 1386–1390.
238. Грачев П., свящ. Открытие круга годичных бесед со старообрядцами в гор. Казани // Известия по Казанской епархии. – 1914. – Отдел неофициальный. – № 42. – С. 1302–1305.
239. Журнал заседания противо-сектантской комиссии 11 марта 1910 года // Известия по Казанской епархии. – 1910. – Официальный отдел. – № 12. – С. 350–352.
240. Из истории полемики с расколом в Рязанской епархии в XVIII веке: Неизданная полемика против раскола соч. Симона Лагова, архиепископа Рязанского // Миссионерский сборник. – 1891. – № 2. – С. 105–111.
241. Инструкция епархиальным миссионерам в Казанской епархии // Известия по Казанской епархии. – 1901. – № 5. – С. 199–204.

242. Иона, иеродиак. Беседы со старообрядцами в г. Казани (11-го и 18-го ноября 1912 года). О чтении 8-го члена Символа веры // Известия по Казанской епархии. – 1913. – Отдел неофициальный. – № 4. – С. 140–143.

243. Иона, иеродиак. Беседы со старообрядцами в г. Казани (13-го января 1913 года) // Известия по Казанской епархии. – 1913. – Отдел неофициальный. – № 17. – С. 550–551.

244. Иона, иеродиак. Беседы со старообрядцами в г. Казани (25-го ноября 1912 года). О перстосложении руки для крестного знамения // Известия по Казанской епархии. – 1913. – Отдел неофициальный. – № 6. – С. 206–208.

245. Иона, иеродиак. Беседы со старообрядцами в г. Казани (27-го января 1913 года). О новоисправленных богослужебных книгах // Известия по Казанской епархии. – 1913. – Отдел неофициальный. – № 7. – С. 239–244.

246. Иона, иеродиак. Беседы со старообрядцами в г. Казани (2-го декабря 1912 года). О чине крещения у беспоповцев // Известия по Казанской епархии. – 1913. – Отдел неофициальный. – № 8. – С. 269–271.

247. Н. А-в. Беседа Казанского миссионера М. Н. Васильевского со старообрядческим начетчиком А. А. Коноваловым // Известия по Казанской епархии. – 1901. – № 22. – С. 1042–1049.

248. Нильский И. Ф. Взгляд раскольников на некоторые наши обычаи и порядки жизни церковной, государственной, общественной и домашней / И. Ф. Нильский. – СПб. : Тип. департамента уделов, 1863. – 72 с.

249. Нильский И. Ф. Критическая оценка взгляда г. Мельникова на семейную жизнь беспоповцев вообще и федосеевцев в частности // Церковный вестник. – 1886. – № 1. – С. 8–9.

250. Нильский И. Ф. Критическая оценка взгляда г. Мельникова на семейную жизнь беспоповцев вообще и федосеевцев в частности // Церковный вестник. – 1886. – № 2. – С. 27–29.

251. Нильский И. Ф. Критическая оценка взгляда г. Мельникова на семейную жизнь беспоповцев вообще и федосеевцев в частности // Церковный вестник. – 1886. – № 3. – С. 46–48.

252. Нильский И. Ф. Несколько слов о русском расколе. По поводу брошюры: «Земство и раскол» А. Щапова 1862 г. / И. Ф. Нильский. – СПб. : Тип. департамента уделов, 1864. – 160 с.

253. Нильский И. Ф. Последствия федосеевского учения о всеобщем безбрачии // Церковный вестник. – 1886. – № 5. – С. 79–81.

254. Нильский И. Ф. Последствия федосеевского учения о всеобщем безбрачии // Церковный вестник. – 1886. – № 6. – С. 101–103.
255. Нильский И. Ф. Рассказ обратившегося к православию старообрядца, о времени пребывания его в расколе // Странник. – 1862. – Ч. 1. – С. 27–33.
256. Открытие миссионерских бесед в г. Казани // Известия по Казанской епархии. – 1913. – Отдел неофициальный. – № 41. – С. 1215–1218.
257. Открытие Отделения при братстве Св. Гурия, в г. Казани // Известия по Казанской епархии. – 1901. – № 10. – С. 448–457.
258. П. С. Где истина? Разбор изданной современным апологетом раскола Онисимом Швецовым книги: «Истинность старообрядствующей иерархии противу взводимых на нее обвинений» // Миссионерский сборник. – 1894. – № 1. – С. 37–71.
259. П. С. Где истина? Разбор изданной современным апологетом раскола Онисимом Швецовым книги: «Истинность старообрядствующей иерархии противу взводимых на нее обвинений» // Миссионерский сборник. – 1894. – № 2. – С. 159–169.
260. П. С. Где истина? Разбор изданной современным апологетом раскола Онисимом Швецовым книги: «Истинность старообрядствующей иерархии противу взводимых на нее обвинений» // Миссионерский сборник. – 1894. – № 3. – С. 239–246.
261. П. С. Где истина? Разбор изданной современным апологетом раскола Онисимом Швецовым книги: «Истинность старообрядствующей иерархии противу взводимых на нее обвинений» // Миссионерский сборник. – 1894. – № 4. – С. 330–357.
262. П. С. Исторический очерк поповщины // Миссионерский сборник. – 1893. – № 2. – С. 12–25.
263. П. С. Исторический очерк поповщины // Миссионерский сборник. – 1893. – № 3. – С. 5–15.
264. П. С. Исторический очерк поповщины. История беглоповщины // Миссионерский сборник. – 1893. – № 1. – С. 42–46.
265. П. С. Меры гражданской власти против раскола и духовные действия к ослаблению его со времени императора Николая Павловича до наших дней (1826–1893) // Миссионерский сборник. – 1893. – № 3. – С. 7–38.
266. П. С. Меры гражданской власти против раскола и духовные действия к ослаблению его со времени императора Николая Павловича до наших дней (1826–1893) // Миссионерский сборник. – 1893. – № 6. – С. 1–10.
267. П. С. Меры гражданской власти против раскола и духовные действия к ослаблению его со времени императора Николая Павловича до наших дней (1826–1893) // Миссионерский сборник. – 1894. – № 1. – С. 24–37.

268. П. С. Меры гражданской власти против раскола и духовные действия к ослаблению его со времени императора Николая Павловича до наших дней (1826–1893) // Миссионерский сборник. – 1894. – № 2. – С. 150–158.
269. П. С. О числе просфор на проскомидии // Миссионерский сборник. – 1892. – № 1/2. – С. 26–38.
270. П. С. Поповец и беспоповец во взаимных обличениях и самозащите // Миссионерский сборник. – 1894. – № 5. – С. 452–485.
271. П. С. Пророчество св. пророка Божия Малахии: IV, 5–6 // Миссионерский сборник. – 1894. – № 4. – С. 313–330.
272. П. С. Что такое раскол старообрядчества? // Миссионерский сборник. – 1893. – № 4. – С. 3–7.
273. Проект программы, подлежащей обсуждению на предстоящем весной 1910 года пастырско-миссионерском съезде в гор. Казани по вопросам расколо-сектанским // Известия по Казанской епархии. – 1909. – Официальный отдел. – № 41. – С. 1160–1163.
274. Путешествующий. Об издании Стоглава в Лондоне (письмо из-за границы) / Нильский И. Ф. – СПб. : Тип. департамента уделов, 1861. – 17 с.
275. Русский раскол старообрядства. (Из публичных лекций). Глава I. Продолжение // Рязанские епархиальные ведомости. – Научно-литературный отдел. – 1889. – № 24. – С. 1146–1151.
276. Русский раскол старообрядства. (Из публичных лекций). Продолжение. Глава II // Рязанские епархиальные ведомости. – Научно-литературный отдел. – 1890. – № 2. – С. 84–94.
277. Русский раскол старообрядства. (Из публичных лекций). Продолжение. Глава II // Рязанские епархиальные ведомости. – Научно-литературный отдел. – 1890. – № 4. – С. 193–200.
278. Русский раскол старообрядства. (Из публичных лекций). Продолжение. Глава II // Рязанские епархиальные ведомости. – Научно-литературный отдел. – 1890. – № 5. – С. 255–260.
279. Русский раскол старообрядства. (Из публичных лекций). Продолжение. Глава II // Рязанские епархиальные ведомости. – Научно-литературный отдел. – 1890. – № 7. – С. 355–361.
280. Русский раскол старообрядства. (Из публичных лекций). Продолжение. Глава III // Рязанские епархиальные ведомости. – Научно-литературный отдел. – 1890. – № 9. – С. 450–458.

281. Русский раскол старообрядства. (Из публичных лекций). Продолжение. Глава III // Рязанские епархиальные ведомости. – Научно-литературный отдел. – 1890. – № 10. – С. 502–510.
282. Русский раскол старообрядства. (Из публичных лекций). Продолжение. Глава III // Рязанские епархиальные ведомости. – Научно-литературный отдел. – 1890. – № 11. – С. 561–569.
283. Русский раскол старообрядства. (Из публичных лекций). Продолжение. Глава III // Рязанские епархиальные ведомости. – Научно-литературный отдел. – 1890. – № 12. – С. 625–629.
284. Русский раскол старообрядства. (Из публичных лекций). Продолжение. Глава III // Рязанские епархиальные ведомости. – Прибавления к Рязанским епархиальным ведомостям. – Отдел литературный. – 1890. – № 13. – С. 625–629.
285. Русский раскол старообрядства. (Из публичных лекций). Продолжение. Глава III // Рязанские епархиальные ведомости. – Прибавления к Рязанским епархиальным ведомостям. – Отдел литературный. – 1890. – № 14/15. – С. 33–45.
286. Рязанский митрополит Стефан Яворский как полемист против раскола // Миссионерский сборник. – 1891. – № 3. – С. 134–138.
287. Рязанский митрополит Стефан Яворский как полемист против раскола // Миссионерский сборник. – 1891. – № 4. – С. 209–217.
288. С-в. П. Заметка на статью «Овцы без пастыря.» // Рязанские епархиальные ведомости. – Отдел неофициальный. – 1890. – № 8. – С. 418–421.
289. С-в. П. Значение женщины в истории возникновения раскола // Миссионерский сборник. – 1891. – № 6. – С. 330–365.
290. Смирнов П. Библиографическая заметка о книге г. Плотникова. (Окончание) // Рязанские епархиальные ведомости. – Прибавления к Рязанским епархиальным ведомостям. – Отдел литературный. – 1890. – № 17. – С. 76–86.
291. Смирнов П. Краткий исторический очерк беспоповщины // Миссионерский сборник. – 1892. – № 5/6. – С. 131–155.
292. Смирнов П. Краткий исторический очерк беспоповщины // Миссионерский сборник. – 1892. – № 7/8. – С. 208–215.
293. Смирнов П. Краткий исторический очерк беспоповщины. Общие начала беспоповщины. // Миссионерский сборник. – 1892. – № 3/4. – С. 89–92.
294. Смирнов П. Миссионер Св. Синода иеромонах Арсений, в Рязанской епархии // Рязанские епархиальные ведомости. – Отдел неофициальный. – 1890. – № 7. – С. 350–355.

295. Смирнов П. Миссионер Св. Синода иеромонах Арсений, в Рязанской епархии // Рязанские епархиальные ведомости. – Отдел неофициальный. – 1890. – № 12. – С. 611–614.
296. Смирнов П. Русский раскол старообрядства. (Из публичных лекций). Продолжение. Глава I // Рязанские епархиальные ведомости. – Научно-литературный отдел. – 1890. – № 1. – С. 27–33.
297. Смирнов П. Часы досуга. Опыт систематического обличения раскола старообрядства // Миссионерский сборник. – 1893. – № 1. – С. 11–21.
298. Собеседование со старообрядцами // Рязанские епархиальные ведомости. – Отдел неофициальный. – 1890. – № 5. – С. 246–249.
299. Собрание сочинений профессора Казанской духовной академии Николая Ивановского: сб. ст. / под ред. А. Волкова. – Казань : Тип.-лит. императ. ун-та, 1898. Т. 1. – 490 с.

Литература

300. 103-летняя годовщина С.-Петербургской духовной академии // Церковный вестник. – 1912. – № 8. – С. 244–250.
301. Карпук Д. А. Периодические издания Санкт-Петербургской духовной академии (1821–1917). К 190-летию журнала «Христианское чтение» // Христианское чтение. – 2011. – № 6 (41) – С. 41–89.
302. А. К. Книжные новости. Духовные журналы за май, июнь и июль месяцы // Церковный вестник. – 1893. – № 44. – С. 698.
303. А. Р. П. С. Смирнов. О происхождении самоистребления в русском расколе // Церковные ведомости. – Прибавления к церковным ведомостям. – 1895. – № 43. – С. 1508.
304. Адамов М. А. Проблемные аспекты развития духовных семинарий русской православной церкви второй половины XIX – начала XX века [Электронный ресурс] // Всероссийская научно-практическая конференция «двенадцатые дамиановские чтения: русская православ. церковь и общество в истории России и Курского края». – Курск, 18–19 марта 2015. – С. 153–165. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.
305. Айтахунов Б. К. Концептуализация высшего профессионального образования как базового элемента социально-экономического развития общества [Электронный ресурс] // Наука, новые технологии и инновации. – 2013. – № 7. – С. 213–216. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

306. Алексеева Е. А. Старообрядческий вопрос в «Журналах и протоколах заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия» // Свет Христов просвещает всех: альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. – 2018. – № 27. – С. 34–51. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

307. Андреев А. Ю., Цыганков Д. А. Преподавание церковно-богословских дисциплин и подготовка историков в императорском Московском университете [Электронный ресурс] // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Серия 2 : История. История русской православной церкви. – 2016. – № 1 (68). – С. 45–64. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

308. Апанасенок А. В. Религиозный традиционализм в провинциальной России: история старообрядческих сообществ Центрального Черноземья в XVII– начале XX века [Электронный ресурс] / А. В. Апанасенок. – Курск : Изд-во регионального открытого социального института, 2014. – 397 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

309. Архипова Е. А. Старообрядческое предпринимательство в российской историографии середины XIX – начала XXI в. : дис. ... канд. ист. наук / Е. А. Архипова. – М., 2013. – 344 с.

310. Асочакова В. Н. К вопросу о периодизации миссионерской деятельности русской православной церкви в Сибири [Электронный ресурс] // Известия Алтайского гос. ун-та. – 2009. – № 4–3. – С. 15–18. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

311. Безгин В. Б., Лисюгин В. Церковь, государство, общество в эпоху модернизации: проблемы взаимоотношений [Электронный ресурс] // Исторические, философские, полит. и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 9-1. – С. 225–229. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

312. Бендин А. Ю. Свобода совести или веротерпимость? : полемика в российской печати (начало XX в.) [Электронный ресурс] // Новый исторический вестник. – 2010. – № 24. – С. 5–14. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

313. Блиев В. Р. Духовно-академические уставы 1869 и 1884 гг. как организационный фактор развития отечественной церковно-исторической науки // Мир историка. Историографический сборник. – 2014. – Вып. 9. – С. 111–121. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

314. Богданова Т. А. История архива Санкт-Петербургской духовной академии в фондах Российской национальной библиотеки // К 75-летию Дома Плеханова 1828–2003. Сб. статей и публикаций, материалы конференций. – СПб. : РНБ, 2003. – С. 150–155.
315. Борзенко В. О. Высшая духовная школа в системе образования пореформенной России: реформа академий 1869 г. [Электронный ресурс] // Власть. – 2014. – № 11. – С. 189–194. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.
316. Бычков С. П. Черты деятельности сообщества русских церковных историков Казанской духовной академии во второй половине XIX – начале XX в. [Электронный ресурс] // Ученые записки Казанского ун-та. Серия : Гуманитарные науки. – 2012. – № 3. – Т. 154. – С. 179–186. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.
317. Веселова А. П. Исследовательские практики при изучении старообрядческой семьи: историографический обзор // Вестник Томского гос. ун-та. – 2007. – № 300-3. – С. 52–54.
318. Веселова А. П. Семья в старообрядческой культуре: опыт исторического исследования: дис. ... канд. ист. наук. / А. П. Веселова. – Томск, 2007. 229 с.
319. Воробьев И. В. Комиссия для выработки проекта нового Устава Духовных академий 1909 г. // Ярославский педагогический вестник. – 2004. – № 1-2. – С. – 66–72.
320. Воробьев И. В. Ревизия духовных академий в 1908 г. // Вестник православного Свято-Тихоновского богословского института. – Вып. 1. – М. : Изд-во православного Свято-Тихоновского богословского института, 2003. – С. 92–106.
321. Воробьев И. В. Реформы высшего духовного образования во второй половине XIX – начале XX веков // Богословский сборник. – Вып. 9. – М. : Изд-во православного Свято-Тихоновского богословского института, 2002. – С. 272–292.
322. Воробьев И. В. Реформы духовных академий 1905–1911 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / И. В. Воробьев. – Ярославль, 2004. – 24 с.
323. Герасименко Ю. В., Ваврух В. В. Религиоведческая экспертиза: проблемы и пути их решения // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2014. – № 4 (55). – С. 11–13.
324. Глубоковский Н. Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии / Н. Н. Глубоковский. – М. : Изд-во Свято-Владимирского братства, 2002. – 191 с.
325. Горячева А. А. Классицизм в духовной семинарии XIX века [Электронный ресурс] // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Серия 4:

Педагогика. Психология. – 2012. – № 1 (24). – С. 105–117. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

326. Горячева А. А. Методологические проблемы исследования воспитания в духовных семинариях России в XIX веке [Электронный ресурс] // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Серия 4 : Педагогика. Психология. – 2008. – № 2 (9). – С. 94–104. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

327. Горячева А. А. Преподавательская корпорация духовной семинарии (по материалам публицистики конца XIX в.) [Электронный ресурс] // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Серия 4 : Педагогика. Психология. – 2011. – № 3 (22). – С. 105–117. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

328. Гурьянова Н. С. Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. / Н. С. Гурьянова. – Новосибирск : Наука, 1988. – 188 с.

329. Гурьянова Н. С. О восприятии старообрядцами эсхатологических построений предшественника // Гуманитарные науки в Сибири. – 2011. – № 3. – С. 58–61.

330. Дестивель Иакинф, свящ. Поместный Собор Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. и принцип соборности / И. Дестивель. – М. : Изд-во Крутицкого подворья, 2008. – 312 с.

331. Деятельность православных церковных братств. Братство святого Василия, епископа Рязанского // Церковные ведомости. – Прибавления к церковным ведомостям. – 1892. – № 36. – С. 1246.

332. Дутчак Е. Е. Из "Вавилона" в "Беловодье": адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XXI в.) [Электронный ресурс] / Е. Е. Дутчак ; под ред. В. В. Керова ; Том. гос. ун-т. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. – 414 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

333. Духовная и церковная школа // Церковный вестник. – 1913. – № 39. – С. 1220–1222.

334. Духовная и церковная школа // Церковный вестник. – 1914. – № 19. – С. 571–574.

335. Духовная и церковная школа // Церковный вестник. – 1915. – № 15. – С. 451–453.

336. Духовная и церковная школа // Церковный вестник. – 1915. – № 36. – С. 1107–1109.
337. Еремеев П. В. Исследования численности старообрядческого населения Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. [Электронный ресурс] // Харьковский историографический сборник. – 2013. – № 12. – С. 56–71. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.
338. Ермакова Д. С. Единоверческий вопрос на Поместном Соборе Русской Православной Церкви в 1917–1918 гг. // Религиоведение. – 2010. – № 3. – С. 27–37.
339. Журавский А. В. Васильевский Михаил Николаевич // Православная энциклопедия. Т. 7 / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2004. – С. 237–238.
340. Журавский А. В. Казанская духовная академия на переломе эпох, 1884–1921 гг. : дис. ... канд. ист. наук / А. В. Журавский. – М., 1999. – 301 с.
341. Завершение учебного года в С.-Петербургской духовной академии. // Церковные ведомости. – Прибавления к церковным ведомостям. – 1897. – № 27. – С. 932–933.
342. Залетов Д. Заслуженный профессор Санкт-Петербургской духовной академии Иван Федорович Нильский (к 110-летию со дня кончины) [Электронный ресурс] / Д. Залетов // Церковный вестник. – 2004. – № 10-11. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://krotov.info/spravki/1_history_bio/19_1890/1831_Nilsky.htm (дата обращения: 24.04.2019).
343. Захарова Е. Г. К проблеме церковной и конфессиональной политики государства во второй половине XIX – начале XX века (на примере Томской епархии) // Макарьевские чтения: материалы третьей международной конференции (21–22 ноября 2004 года). – Горно-Алтайск, 2004. – С. 64–71.
344. Заявление Священного Синода Русской Православной Церкви в связи с посягательством Константинопольского Патриархата на каноническую территорию Русской Церкви [Электронный ресурс] // Патриархия.ru. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/5283708.html> (дата обращения: 02.05.2019).
345. Зеньковский С. А. Русское старообрядчество : в 2 т. / сост. Г. М. Прохоров; общ. ред. В. В. Нехотина. – М. : Институт ДИ-ДИК, Квадрига, 2009. – 688 с.
346. Из жизни духовных академий // Церковный вестник. – 1905. – № 40. – С. 1256–1261.
347. Из жизни Спб. Дух. Академии // Церковный вестник. – 1910. – № 25. – С. 780–781.

348. Известия и заметки // Странник. – 1894. – № 9. – С. 189–191.
349. Известия и заметки. // Церковный вестник. – 1902. – № 46. – С. 1466–1467.
350. Извлечения из отзывов о сочинениях, удостоенных, по определению Святейшего Синода, от 1 мая сего года, премий митрополита Макария // Церковные ведомости. – Прибавления к церковным ведомостям. – 1902. – № 21. – С. 683–686.
351. Ильин В. Н. Государственно-конфессиональная политика Российской империи в отношении старообрядцев в период 1855–1905 гг. [Электронный ресурс] // Российский полит. процесс в региональном измерении: история, теория, практика. – Барнаул, 2015. – С. 55–59. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.
352. Ильин В. Н. Единоверие в XIX в. на территории Томской губернии [Электронный ресурс] // Известия Алтайского гос. ун-та. – 2012. – № 4-2 (76). С. 85–91. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.
353. К магистерскому коллоквиуму 20 декабря // Церковный вестник. – 1899. – № 5. – С. 166–169.
354. К магистерскому коллоквиуму 20 декабря // Церковный вестник. – 1899. – № 6. – С. 211–216.
355. К магистерскому коллоквиуму 20 декабря // Церковный вестник. – 1899. – № 7. – С. 255–259.
356. К магистерскому коллоквиуму 20 декабря // Церковный вестник. – 1899. – № 8. – С. 292–294.
357. К магистерскому коллоквиуму 20 декабря // Церковный вестник. – 1899. – № 3. – С. 92–95.
358. К магистерскому коллоквиуму 20 декабря // Церковный вестник. – 1899. – № 4. – С. 134–137.
359. Камзина А. Д. Проблема истории старообрядчества и борьбы с ним в русской православной церкви в трудах дореволюционных и советских исследователей [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского гос. пед. ун-та. Электронный научный журнал. – 2007. – № 2. – С. 128–134. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.
360. Карпук Д. А. «Я признаю состояние Санкт-Петербургской духовной академии вообще очень удовлетворительным во всех отношениях» : отчет архиепископа Макария (Булгакова) о ревизии Санкт-Петербургской духовной академии в 1875 г. / вступ. статья, публ. и примеч. Д. А. Карпука // Христианское чтение. – 2016. – № 4. – С. 365–410. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

361. Карпук Д. А. История Санкт-Петербургской духовной академии (1889–1918 гг.): дис ... канд. богословия / Д. А. Карпук. – СПб., 2008. – 390 с.
362. Карпук Д. А. Приложения к диссертации на соискание ученой степени кандидата богословия Карпука Дмитрия. История Санкт-Петербургской духовной академии (1889–1918 гг.) / Д. А. Карпук. – СПб., 2008. – 238 с.
363. Карпук Д. А. Церковно-историческая школа Санкт-петербургской духовной академии (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник Оренбургской духовной семинарии. – 2015. – № 2 (4). – С. 280–293.
364. Карташев А. В. Собрание сочинений: в 2 т. / А. В. Карташев. – М. : «ТЕРРА», 1992. – Т. 2 : Очерки по истории русской культуры. – 569 с.
365. Катанский А. Л. Воспоминания старого профессора. С 1847 по 1913 год / А. Л. Катанский; ред.-корр. О. В. Курановой. – Нижний Новгород : «Ридо», 2010. – 432 с.
366. Керов В. В. «Аще враг требует злата – дадите...»: старообрядчество и коррупция в полиции и органах государственной власти Российской империи XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2016. – № 2 (70). – С. 17–27.
367. Ковальская Е. Ю., Байстрюченко С. Г. Внутренняя миссия как церковной институт во 2-й половине XIX – начале XX в. [Электронный ресурс] // Ежегодная богословская конф. православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. – 2007. – № 17. – Т. 2. – С. 51–55. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.
368. Корнева Н. М., Крапивин М. Ю. Новые документы по истории Синодального архива (1918–1929 гг.). Часть 1 // Вестник церковной истории. – 2016. – № 1-2 (41-42). – С. 55–103.
369. Корреспонденции. Из Казани. Баптизм в Казани и борьба с ним // Церковный вестник. – 1910. – № 24. – С. 745–747.
370. Костров А. В. Вклад исследователя Н. И. Ивановского в развитие официально-церковной концепции старообрядчества. // Старообрядчество как историко-культурный феномен: мат-лы междунар. науч-практ. конф. – Гомель : Изд-во ГГУ, 2003. – С. 128–131.
371. Костров А. В. Дореволюционные учебники по «расколоведению» как историографический источник // Альманах современной науки и образования. – 2007. – № 2 (2). – С. 45–46. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.
372. Кравецкий А. Церковная миссия в эпоху перемен (между проповедью и диалогом) / А. Кравецкий ; под ред. Н. Балашова. – М. : Наука, 2011. – 712 с.

373. Кузоро К. А. Биографический метод в изучении церковной исторической науки XIX – первой четверти XX веков: значение, возможности, перспективы [Электронный ресурс] // Материалы IV междунар. научно-богословской конф. : Церковь. Богословие. История. – Екатеринбург, 2016. – С. 300–305. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

374. Кузоро К. А. Делопроизводственные документы как источник по изучению деятельности миссионерских отделений православных духовных академий и семинарий второй половины XIX – начала XX вв. [Электронный ресурс] // Документ как социокультурный феномен: сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конф. с междунар. участием (г. Томск, 29–30 октября 2009 г.). – Томск : Томск. гос. ун-т, 2010. – С. 373–376. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

375. Кузоро К. А. Жанровое разнообразие научных сочинений церковных историков XIX – первой четверти XX в. [Электронный ресурс] // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 10. – Ч. 2. – С. 99–103. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

376. Кузоро К. А. Изучение истории российским духовенством во второй половине XVIII – начале XIX века [Электронный ресурс] // Вестник Томского гос. пед. ун-та. – 2011. – № 11. – С. 21–27. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

377. Кузоро К. А. Интеллектуальная история как подход к изучению церковной исторической науки второй половины XIX – первой четверти XX в. (к постановке проблемы) [Электронный ресурс] // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 5. – Ч. 2. – С. 95–97. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

378. Кузоро К. А. Направления исследования старообрядчества в синодальной (церковной) историографии последней трети XIX – начала XX в. [Электронный ресурс] // Вестник Томского гос. ун-та. – 2009. – № 320. – С. 115–118. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

379. Кузоро К. А. Понимание истории в трудах церковных историков XIX – первой четверти XX веков [Электронный ресурс] // Материалы III междунар. научно-богословской конф. : Церковь. Богословие. История. – Екатеринбург, 2015. – С. 298–304. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

380. Кузоро К. А. Православные библиотеки Томской епархии (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Православные традиции и учительское служение : материалы XIX и XX Духовно-историч. чтений в честь святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. – Томск : департамент по культур. адм. Том. обл., 2010. – С. 96–98.

381. Кузоро К. А. Православные периодические издания в культурном и научном пространстве России (вторая половина XIX – начало XX в.) [Электронный ресурс] // Вестник Томского гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. – 2011. – № 1. – С. 71–80. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

382. Кузоро К. А. Преподавание истории и обличения церковного раскола на миссионерских отделениях духовных академий и семинарий второй половины XIX – начала XX вв. (по архивным данным) // Макарьевские чтения, материалы восьмой междунар. конф. (21–23 ноября 2009 года). – Горно-Алтайск, 2009. – С. 43–48.

383. Кузоро К. А. Произведение Димитрия Ростовского «Розыск о раскольничьей брынской вере» в контексте культуры переходного периода русской истории [Электронный ресурс] // Вопросы истории, междунар. отношений и документоведения: сборник трудов студентов и аспирантов ист. фак-та. – под ред. В. П. Зиновьева. – Томск : изд-во Томского ун-та, 2005. – С. 78–89. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

384. Кузоро К. А. Русский церковный историк XIX – первой четверти XX вв.: социальный и интеллектуальный портрет // Религиоведение. – 2014. – № 1. – Т. 1. – С. 201–212.

385. Кузоро К. А. Старообрядчество на страницах православных периодических изданий середины XIX – начала XX в. [Электронный ресурс] // Вестник Томского гос. ун-та. – 2011. – № 347. – С. 83–85. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

386. Кузоро К. А. Церковная историография старообрядчества: возникновение и эволюция (вторая половина XVII – начало XX вв.) [Электронный ресурс] / К. А. Кузоро ; под ред. Е. Е. Дутчак. – Томск : Изд-во Томс. ун-та, 2011. – 182 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

387. Кузоро К. А. Церковный историк: особенности восприятия и способы работы (XIX– первая четверть XX вв.) [Электронный ресурс] // Религиоведение. – 2013. – № 2. – С. 36–46. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

388. Кузоро К. А. Чтение в жизни российских церковных историков XIX– первой четверти XX в. [Электронный ресурс] // Вестник Томского гос. ун-та. – 2015. – № 390. – С.

117–121. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

389. Кун Т. Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969 г. / пер. с англ. И. З. Налетова; Т. Кун. – М. : «Прогресс», 1977. – 300 с.

390. Куприянова И. В. «Религиозная свобода» в интерпретации и практике старообрядческих сообществ Алтая (1900–1910-е гг.) [Электронный ресурс] // Социум и власть. – 2014. – № 5 (49). – С. 112–117. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

391. Куприянова И. В. Старообрядческая семья: религиозно-культурная доминанта [Электронный ресурс] // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 4 (41). – С. 326–330. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

392. Курылев К. П., Станис Д. В. Церковный раскол на Украине как следствие государственного переворота в феврале 2014 г. // Постсоветские исследования. – 2019. – Т. 2. – № 2. – С. 963–981.

393. Латыпов И. Р. Численность старообрядчества Казанской губернии в XIX – начале XX века [Электронный ресурс] // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. – 2011. – № 1. – Т. 11. – С. 24–29. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

394. Леонтьева Т. Г. Православная культура и семинарский быт (конец XIX – начало XX в.) // Отечественная история. – 2001. – № 3. – С. 1–33.

395. Летопись церковной и общественной жизни в России // Церковный вестник. – 1911. – № 38. – С. 1189–1194.

396. Летопись церковной и общественной жизни в России // Церковный вестник. – 1898. – № 22. – С. 777–781.

397. Летопись церковной и общественной жизни в России // Церковный вестник. – 1900. – № 8. – С. 254–258.

398. Летопись церковной и общественной жизни в России // Церковный вестник. – 1890. – № 9. – С. 164–166.

399. Лункин Р. Н. Политическая ситуация на Украине в свете церковного раскола // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2018. – № 6 (6). – С. 196–202.

400. Ляпунова Н. В. Историография профессионального церковного образования в России [Электронный ресурс] // Актуальные вопросы современной науки. – 2015. – № 40. – С. 6–25. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

401. М. 3-в. Братство Св. Василия Рязанского и его деятельность. // Церковный вестник. – 1879. – № 2. – С. 6–8.
402. Магистерский коллоквиум в нашей академии // Церковный вестник. – 1900. – № 13. – С. 409–412.
403. Магистерский коллоквиум о. Г. И. Шавельского 9 мая 1910 г. // Церковный вестник. – 1910. – № 19. – С. 583–586.
404. Магистерский коллоквиум. // Церковные ведомости. – Прибавления к церковным ведомостям. – 1899. – № 2. – С. 82–83.
405. Мальцев А. И. Староверы-странники в XVIII – первой половине XIX вв. / А. И. Мальцев. – Новосибирск : «Сибирский хронограф», 1996. 268 с.
406. Мальцев А. И. Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII – начале XIX в.: проблема взаимоотношений / А. И. Мальцев. – Новосибирск : ИД «Сова», 2006. – 572 с.
407. Махмутова Е. В. Профессор-протоиерей Я. Я. Галахов – мученик за веру // Православный собеседник: Альманах Казанской духовной семинарии. – 2013. – № 2 (23). – С. 131–153.
408. Маякова И. А. Численный и социальный состав студенчества Московской духовной академии в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Вестник церковной истории. – 2008. – № 4 (12). – С. 165–170. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.
409. Мельников Ф. Е. Краткая история древнеправославной (старообрядческой) Церкви / Ф. Е. Мельников. – Барнаул : Изд-во Барнаульского гос. педагогического ун-та, 1999. – 568 с.
410. Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. / Б. Н. Миронов. – СПб. : «Дмитрий Буланин», 2014. – Т. 1. – 896 с.
411. Миссионерский сборник 1891 г. январь-февраль. «Прибавления к рязанским епархиальным ведомостям» // Церковные ведомости. – Прибавления к церковным ведомостям. – 1891. – № 13. – С. 429–431.
412. Миссионерский сборник. 1891 г. март – апрель. Прибавления к Рязанским епархиальным ведомостям // Церковные ведомости. – Прибавления к церковным ведомостям. – 1891. – № 21. – С. 694–696.
413. Миссионерский сборник. 1891 г. ноябрь-декабрь // Церковные ведомости. – Прибавления к церковным ведомостям. – 1892. – № 5. – С. 202–205.

414. Миссионерский сборник. Выпуски 3-й (май-июнь) и 4-й (июль-август) 1891 г. Прибавления к Рязанским епархиальным ведомостям // Церковные ведомости. – Прибавления к церковным ведомостям. – 1891. – № 41. – С. 1439–1440.
415. Миссионерский сборник. Сентябрь-октябрь 1891 г. Прибавления к Рязанским епархиальным ведомостям // Церковные ведомости. – Прибавления к церковным ведомостям. – 1891. – № 45. – С. 1609–1610.
416. Миссионерский сборник. Январь-февраль. № 1–2-й 1892 г. // Церковные ведомости. – Прибавления к церковным ведомостям. – 1892. – № 18. – С. 676–678.
417. Михайлова Е. Д. Организация системы внутренней православной миссии в России и её особенности во второй половине XIX – начале XX века // Известия Юго-Западного университета. Серия : История и право. – 2016. – № 1 (18). – С. 98–105. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.
418. Мраморнов А. А. Особенности изучения епархиальной истории русской православной церкви (к вопросу о новом научном направлении) [Электронный ресурс] // Ученые записки Орловского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 4. – С. 75–80. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.
419. Мраморнов А. И. К вопросу о биографическом методе в изучении истории русской церкви [Электронный ресурс] // Вестник Московского ун-та. Серия 8 : История. – 2009. – № 5. – С. 38–50. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.
420. Мухина Н. Н. Миссионерская деятельность братства святителя Гурия [Электронный ресурс] // Вестник Казанского гос. ун-та культуры и искусств. – 2006. – № 4. – С. 159–164. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.
421. Наградов И. С. Православные братства в системе церковной конфессиональной политики в отношении старообрядцев в 1880-е – 1905 годах [Электронный ресурс] // Вестник Костромского гос. ун-та. – 2011. – № 1. – Т. 17. – С. 71–74. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.
422. Наградов И. С. Старообрядчество в условиях либерализации государственной политики в 1860-е годы (на материалах Ярославской и Костромской губерний) [Электронный ресурс] // Вестник Костромского гос. ун-та. – 2012. – № 4. – Т. 18. – С. 51–54. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.
423. Налётова Н. Ю. Деятельность русской православной церкви по реформированию высшего духовного образования на пороге XX века // Наука и школа. –

2009. – № 4. – С. 4-7. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

424. Наумлюк А. А. Центр старообрядчества на Иргизе: появление, деятельность, взаимоотношения с властью / Наумлюк А. А. – Саратов : Изд-во «Научная книга», 2009. – 100 с.

425. Некрылов С. А. «Институт профессорских стипендиатов» как метод подготовки научно-педагогических кадров для университетов России в конце XIX – начале XX в. (на примере Императорского Томского университета) / С. А. Некрылов, С. Ф. Фоминых // Профессорско-преподавательский корпус российских университетов 1884–1917 гг.: исследования и документы. – Томск, 2012. – С. 51–65.

426. Нетужилов К. Е. Епархиальная периодическая печать в дореволюционной России [Электронный ресурс] // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – 2006. – № 21-1. – Т. 7. – С. 174–182. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

427. Никаноров И. Н. Постановление легендарного старообрядческого собора и сборник «Отеческие заветы» [Электронный ресурс] // Гуманитарные науки в Сибири. – 2013. – № 4. – С. 67–71. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

428. Новые книги // Христианское чтение. – 1908. – № 2. – С. 343–362.

429. Обзор журналов и новые книги // Христианское чтение. – 1903. – № 1. – С. 147–173.

430. Осьмачко С. Г. Уставы духовных академий 1869 и 1884 гг.: дискурсивное поле либерального и консервативного нарративов // Ярославский педагогический вестник. – 2018. – № 6 (105). – С. 344–352. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

431. Павлов А. П. История академического духовного образования в Казани (1842–1921) [Электронный ресурс] // Образование и саморазвитие. – 2012. – № 6 (34). – С. 216–222. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

432. Павлов А., прот. Профессор Казанской духовной академии И. Ф. Григорьев // Христианское чтение. – 2012. – № 1. – С. 173–184.

433. Памяти профессора И. Ф. Нильского // Церковный вестник. – 1894. – № 33. – С. 515–517.

434. Памяти профессора Н. И. Ивановского // Церковные ведомости. – 1913. – № 47. – С. 2242–2248.

435. По поводу тридцатилетия ученой деятельности Ивана Федоровича Нильского // Церковный вестник. – 1887. – № 46. – С. 803–804.
436. Покровский Н. Н. Пути изучения истории старообрядчества российскими исследователями // Археографический ежегодник за 1998 год. – М. : Наука, 1999. – С. 3–20.
437. Попова О. Д. Поместный собор 1917–1918 годов и проблема духовно-учебных заведений // Magistra vitae: электрон. журнал по историческим наукам и археологии. – 2007. – № 21 (99). – С. 86–98. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.
438. Проф. Н. И. Ивановский // Православный собеседник. – 1913. – Октябрь. – С. 1–16.
439. Пулькин М. В. Самосожжения старообрядцев: проблемы историографии [Электронный ресурс] // Религиоведение. – 2012. – № 2. – С. 33–43. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.
440. Пыжиков А. В. Грани русского раскола. Тайная роль старообрядчества от 17 века до 17 года / А. В. Пыжиков. – М. : Концептуал, 2018. – 528 с.
441. Расков Д. Е. Экономические институты старообрядчества / Д. Е. Расков. – СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2012. – 344 с.
442. Расков Д. Е. Эсхатология и активность в миру староверов [Электронный ресурс] // Христианское чтение. – 2012. – № 6. – С. 82–94. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.
443. Репина Л. П. Интеллектуальная культура как предмет исследования (Вместо предисловия) // Диалог со временем. – 2011. – Вып. 36. – С. 5–8.
444. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX – XXI в.: социальные теории и историографическая практика / Л. П. Репина. – М. : «Кругъ», 2011. – 560 с.
445. Репина Л. П. Контексты интеллектуальной истории // Диалог со временем. – 2005. – Вып. 14. – С. 5–11.
446. Речь, произнесенная С. Г. Рункевичем, во время отпевания профессора И. Ф. Нильского // Церковный вестник. – 1894. – № 33. – С. 515.
447. Решетова М. Ю. Православные братства Среднего Поволжья второй половины XIX – начала XX вв. (к проблеме религиозных отношений) [Электронный ресурс] // Вестник Самарского ун-та. История, педагогика, филология. – 2008. – № 4 (63). – С. 327–332. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

448. Родосский А. С. Памяти проф. И. Ф. Нильского (По поводу 10-летия со дня его кончины) // Церковный вестник. – 1904. – № 32. – С. 1001–1002.
449. Российское законодательство X–XX веков: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства : в 9 т. / отв. ред. А. Д. Горский ; под общ. ред. О. И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1985. Т. 2. 520 с.
450. Рункевич С. Г. Священный Собор Православной Российской Церкви в Москве 1917–1918 гг. // Богословские труды. Сб. 34 – М. : Изд-во Московской Патриархии, 1998. – С. 193–199.
451. Русское православие: вехи истории / А. И. Клибанов [и др.]. – М. : Политиздат., 1989. – 719 с.
452. Синайский А. Памяти покойного профессора И. Ф. Нильского // Церковный вестник. – 1894. – № 38. – С. 597–598.
453. Слезкина О. А. Проблемы деятельности миссионеров синодальной внутренней миссии (по материалам журнала «Миссионерское обозрение» за 1896–1916 гг.) // Свет Христов просвещает всех: альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. – 2012. – № 5. – С. 66–94. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.
454. Слесарев А. В. Расколоведение. Введение в понятийный аппарат [Электронный ресурс] / А. В. Слесарев. – М. : Новоспасский мужской монастырь, 2012. – 207 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.
455. Слово пред отпеванием профессора С.-Петербургской духовной академии И. Ф. Нильского, сказанное ректором академии, преосвященным Никандром, епископом наревским // Церковный вестник. – 1894. – № 33. – С. 513–514.
456. Слово, произнесенное протоиереем П. Ф. Николаевским во время заупокойной литургии, отслуженной пред погребением проф. И. Ф. Нильского // Церковный вестник. – 1894. – № 33. – С. 514–515.
457. Сухова Н. Ю. «Идея академии» в подготовке и проведении духовно-учебных реформ XIX – начала XX в. [Электронный ресурс] // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2013. – № 2. – С. 138–153. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.
458. Сухова Н. Ю. «Историко-богословская революция» в высшей духовной школе России [Электронный ресурс] // Филаретовский альманах. – 2013. – № 9. – С. 135–169. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.
459. Сухова Н. Ю. «Положение о производстве в ученые степени» в российской духовной школе [Электронный ресурс] // Высшее образование в России. – 2010. – № 4. –

С. 135–142. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

460. Сухова Н. Ю. Архимандрит Киприан (Керн) и традиция российской духовной школы [Электронный ресурс] // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2013. – № 1 (5). – С. 163–177. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

461. Сухова Н. Ю. Высшая духовная школа России в 1917–1918 гг. письма Анатолия (Грисюка), епископа Чистопольского, викария Казанской епархии и ректора Казанской духовной академии, к Василию (Богдашевскому), епископу Каневскому, викарию Киевской епархии и ректору Киевской духовной академии // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2 : История. История Русской Православной Церкви. – 2008. – № 1 (26). – С. 91–105.

462. Сухова Н. Ю. Государственная политика России в сфере высшего духовного образования (XVIII – начало XX в.) [Электронный ресурс] // Известия Алтайского гос. ун-та. – 2009. – № 4-4. – С. 235–242. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

463. Сухова Н. Ю. Дискуссия 1909 г. о проблемах высшего духовного образования и богословской науки // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Серия 2 : История. История русской православной церкви. – 2007. – № 2 (23). – С. 32–57. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

464. Сухова Н. Ю. Документы по истории высшего духовного образования в России в фонде Поместного церковного собора 1917–1918 гг. // Отечественные архивы. – 2007. – № 4. – С. 87–96. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

465. Сухова Н. Ю. Записки святителей Иннокентия (Борисова) и Филарета (Дроздова) о духовных школах [Электронный ресурс] // Филаретовский альманах. – 2010. – № 6. – С. 43–91. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

466. Сухова Н. Ю. К 200-летию первой реформы высшей духовной школы в России: пути науки и служения [Электронный ресурс] // Ежегодная богословская конф. православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. – 2010. – № 20. – Т. 1. – С. 13–23. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

467. Сухова Н. Ю. К вопросу о педагогической подготовке выпускников высшей духовной школы в контексте реформ XVIII – XX вв. [Электронный ресурс] // Вестник

православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Серия 4 : Педагогика. Психология. – 2007. – № 3 (6). – С. 70–91. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

468. Сухова Н. Ю. Обсуждение проблем высшего богословского образования на Поместном соборе 1917–1918 гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Серия 2 : История. История русской православной церкви. – 2007. – № 4 (25). – С. 28–45. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

469. Сухова Н. Ю. Становление и развитие богословской науки в России: проблемы и пути их решения (вторая половина XIX– начало XX в.) [Электронный ресурс] // Ежегодная богословская конф. православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. – 2007. – № 17. – Т. 1. – С. 325–335. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

470. Сухова Н. Ю. Ученые российских духовных академий и святая земля (XIX – начало XX в.) [Электронный ресурс] // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Серия 2 : История. История русской православной церкви. – 2012. – № 5 (48). – С. 25–38. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

471. Сухова Н. Ю. Церковная история как богословская дисциплина в контексте исторического образования в синодальный период [Электронный ресурс] // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. – 2012. – № 4 (47). – С. 23–39. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

472. Терновский С. Историческая записка о состоянии Казанской духовной академии после её преобразования 1870–1892 / С. Терновский. – Казань: Тип. императ. ун-та. 1892. – 652 с., VI с.

473. Тимофеев В. В. Российское конфессиональное законодательство конца XVII – начала XX века: старообрядческий фактор [Электронный ресурс] // Вестник академии права и управления. – 2011. – № 25. – С. 119–129. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

474. Товбин К. М. Православное единоверие и его роль в русской секуляризации [Электронный ресурс] // Труды Карельского научного центра РАН. – 2015. – № 8. – С. 83–96. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

475. Товбин К. М. Староверие как реакция на секуляризацию России. Часть 2 [Электронный ресурс] // Политематический сетевой электронный журнал Кубанского гос.

аграрного ун-та. – 2006. – № 21. – С. 401–420. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

476. Товбин К. М. Староверие как реакция на секуляризацию России. Часть 1 [Электронный ресурс] // Политематический сетевой электронный журнал Кубанского гос. аграрного ун-та. – 2006. – № 21. – С. 421–437. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

477. Тридцатилетие миссионерской деятельности профессора Н. И. Ивановского // Православный собеседник. – 1902. – Ч. 2. – С. 249–276.

478. Федоров В. А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917 / А. В. Федоров. – М. : «Русская панорама», 2003. – 480 с.

479. Филарет (Гумилевский), архиепископ. История русской церкви. Период первый. От начала христианства в России до нашествия монголов (988–1237) // Филарет (Гумилевский). – М. : Тип. В. Готье, 1859. – 304 с.

480. Фирсов С. Л. Православное государство и русские старообрядцы-поповцы в эпоху императора Николая I // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Серия 6 : Политология. Международные отношения. – 2009. – № 1. – С. 6–15. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

481. Флоровский Г. В. Пути русского богословия / Г. В. Флоровский ; под ред. О. Платонова. – М. : Институт русской цивилизации, 2009. – 848 с.

482. Фомин А. А., Пархитко Н. П. Украинская автокефалия: путь к независимости или политический проект? // Постсоветские исследования. – 2019. – Т. 2. – № 1. – С. 893–896.

483. Хабибуллин М. З. Казанская духовная академия – дореволюционный центр изучения истории, религии и этнографии народов Среднего Поволжья, Приуралья и Сибири в 1842–1920 гг. [Электронный ресурс] // Югра, Сибирь, Россия: полит., эконом., социокульт. аспекты прошлого и настоящего: матер. Всероссийской науч. конф., посвященной 20-летию высшего исторического образов. В ХМАО-Югре (г. Нижневартовск, 24–25 октября 2013 г.). – 2013. – С. 85–89. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

484. Хабибуллин М. З., Шайдуллин Р. В., Батыршин Р. Р. Деятельность миссионерских отделений в Казанской духовной академии (вторая половина XIX – начало XX вв.) [Электронный ресурс] // Вестник Екатеринбургского института. – 2014. – № 4 (28). – С. 141–144. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

485. Харченко Л. Н. Общественная деятельность русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Сибирского региона) [Электронный ресурс] // Труды Ростовского гос. ун-та путей и сообщения. – 2015. – № 1 (30). – С. 183–189. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

486. Харченко Л. Н. Религиозный фактор в социально-культурной жизни России дооктябрьского периода (на примере Сибирского региона) [Электронный ресурс] // Иркутский историко-экономический ежегодник : 2010. – 2010. – С. 474–478. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

487. Хланта М. В. Материальное положение православной церкви в Российской империи во 2-ой половине XIX века [Электронный ресурс] // История. Историки. Источники : электронный научный журнал. – 2016. – № 1. – С. 15–24. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

488. Цыпин В. Определения и постановления Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов // Богословский вестник. – 1993. – № 2. – Т. 1. – С. 102–174. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

489. Цысь О. П. Православные братства: опыт истории в контексте современности [Электронный ресурс] // Ежегодная богословская конф. православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. – 2011. – № 21. – Т. 2. – С. 176–178. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

490. Чернышева Н. К. Эволюция деятельности братства свт. Гурия Казанского (в конце XIX – начале XX века) [Электронный ресурс] // Альманах Свято-Филаретовского православного христианского института. – 2015. – № 15. – С. 55–83. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

491. Чистович И. А. Санкт-Петербургская духовная академия за последние 30 лет (1858–1888 гг.). / И. А. Чистович. – СПб. : Синодальная тип., 1889. – II с., 232 с., 164 с., 2 с.

492. Шабунин В. В. Оценка миссионерской деятельности русской православной церкви в общественном мнении русской интеллигенции на рубеже XIX – XX вв. [Электронный ресурс] // Интеллигенция и мир. – 2012. – № 2. – С. 100–118. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

493. Шкаровский М. В. Всероссийский Поместный Собор 1917–1918 гг.: его значение в жизни церкви в советский период // Христианское чтение. – 2017. – № 6. – С. 228–241.

494. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве: (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах) / М. В. Шкаровский. – М. : Крутицкое Патриаршее Подворье Общество любителей церковной истории, 1999. – 400 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Конференции:

1. XIV Всероссийская (с международным участием) научная конференция студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых «Вопросы истории, археологии, политических наук и регионоведения». Доклад на тему: «На всё есть свои специалисты»: экспертная оценка старообрядчества в трудах профессора И. Ф. Нильского. Томск 25–27 апреля 2018 г.
2. 57 Международная научная студенческая конференция. Доклад на тему: «Теоретическая разработка противораскольнической миссионерской деятельности в трудах профессора Казанской духовной академии Н.И. Ивановского». Новосибирск 14–19 апреля 2019 г.

Публикации:

1. Мицук А. А. «На всё есть свои специалисты»: экспертная оценка старообрядчества второй половины XIX в. в трудах профессора И.Ф. Нильского // Вестник Томского гос. ун-та. История. – 2018. – № 53. – С. 157–164.
2. Мицук А. А. Историко-полемический метод изучения староверия в публикациях «профессора-миссионера» Н.И. Ивановского // Вестник Томского гос. ун-та. История. – 2019. – № 59. [В ПЕЧАТИ]
3. Мицук А. А. Миссионер и ученый: рязанский период противораскольнической деятельности П.С. Смирнова (1888–1894) // Вестник Томского гос. ун-та. История. – 2019. – № 61. [В ПЕЧАТИ]
4. Мицук А. А. Теоретическая разработка противораскольнической миссионерской деятельности в трудах профессора Казанской духовной академии Н.И. Ивановского // История: Материалы 57-й Международной научной студенческой конференции 14–19 апреля 2019 г. : сб. ст. / науч. рук. Н. Н. Родигина. – Новосибирск : ИПЦ Новосибирский гос. ун-т, 2019. – С. 82–84.

Гранты:

Проект «Становление и развитие церковной исторической науки сквозь призму анализа корпоративной культуры духовных учебных заведений (середина XIX – начало XXI вв.)» реализуемый в рамках гранта Российского научного фонда № 18-78-00044 (исполнитель).

Поиск заимствований в научных текстах^β

[\(/index.php/ru/\)](/index.php/ru/) [\(/index.php/en/\)](/index.php/en/)

Введите текст:

...или загрузите файл:

Файл не выбран...

Выбрать файл...

Укажите год публикации:

2019 ▼

Выберите коллекции

Все

Рефераты

Авторефераты

Иностранные конференции

PubMed

Википедия

Российские конференции

Иностранные журналы

Российские журналы

Энциклопедии

Англоязычная википедия

Анализировать

 Проверить по расширенному списку коллекций системы Руконтекст (<http://text.rucont.ru/like>)

Обработан файл:

Магистерская_Мицук А..docx.

Год публикации: 2019.

Оценка оригинальности документа - 94.36%

Процент условно корректных заимствований - 0.4%

Процент некорректных заимствований - 5.24%

Просмотр заимствований в документе

Время выполнения: 69 с.

Документы из базы

Источники заимствования

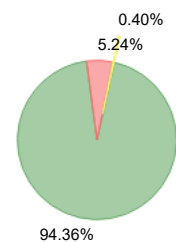
1. Численность старообрядчества Казанской губернии в XIX начале XX века (<http://cyberleninka.ru/article/n/chislennost-starobryadchestva-kazanskoy-gubernii-v-xix-nachale-xx-veka>)

Авторы: Латыпов Ильшат Рафаэлевич.

Год публикации: 2011. Тип публикации: статья научного журнала.

<http://cyberleninka.ru/article/n/chislennost-starobryadchestva-kazanskoy-gubernii-v-xix-nachale-xx-veka> (<http://cyberleninka.ru/article/n/chislennost-starobryadchestva-kazanskoy-gubernii-v-xix-nachale-xx-veka>)

Показать заимствования (11)

 В списке литературы
 Источники
 Заимствования

1.87%

2. Численность старообрядчества Казанской губернии в XIX - начале XX вв
(<http://cyberleninka.ru/article/n/chislennost-starobryadchestva-kazanskoy-gubernii-v-xix-nachale-xx-vv>)

Авторы: Латыпов И. Р.

Год публикации: 2011. Тип публикации: статья научного журнала.

<http://cyberleninka.ru/article/n/chislennost-starobryadchestva-kazanskoy-gubernii-v-xix-nachale-xx-vv> (<http://cyberleninka.ru/article/n/chislennost-starobryadchestva-kazanskoy-gubernii-v-xix-nachale-xx-vv>)

[Показать заимствования \(9\)](#)

1.77%

3. Направления исследования церковной истории в российских духовных академиях второй половины XIX - первой четверти XX в
(<http://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-issledovaniya-tserkovnoy-istorii-v-rossijskih-duhovnyh-akademiayah-vtoroy-pолоviny-xix-pervoy-chetverti-hh-v>)

Авторы: КУЗОРО КРИСТИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

Год публикации: 2014. Тип публикации: статья научного журнала.

<http://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-issledovaniya-tserkovnoy-istorii-v-rossijskih-duhovnyh-akademiayah-vtoroy-pолоviny-xix-pervoy-chetverti-hh-v> (<http://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-issledovaniya-tserkovnoy-istorii-v-rossijskih-duhovnyh-akademiayah-vtoroy-pолоviny-xix-pervoy-chetverti-hh-v>)

[Показать заимствования \(15\)](#)

1.32%

4. Книга: История Русской Церкви 1700-1917 гг
(<http://www.bestreferat.ru/files/26/bestreferat-380826.pdf>)

Год публикации: 2016. Тип публикации: реферат.

<http://www.bestreferat.ru/files/26/bestreferat-380826.pdf>

(<http://www.bestreferat.ru/files/26/bestreferat-380826.pdf>)

[Показать заимствования \(17\)](#)

0.98%

5. Подготовка и аттестация научно-педагогических кадров в православных духовных академиях в контексте высшего образования в России
(<http://dlib.rsl.ru/loader/view/01004850910?get=pdf>)

Авторы: Сухова, Наталия Юрьевна.

Год публикации: 2011. Тип публикации: автореферат диссертации.

<http://dlib.rsl.ru/loader/view/01004850910?get=pdf> (<http://dlib.rsl.ru/loader/view/01004850910?get=pdf>)

[Показать заимствования \(10\)](#)

0.79%

6. Направления исследования старообрядчества в синодальной (церковной) историографии последней трети XIX начала XX в.
(<http://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-issledovaniya-starobryadchestva-v-sinodalnoy-tserkovnoy-istoriografii-posledney-treti-xix-nachala-hh-v>)

Авторы: Кузоро Кристина Александровна.

Год публикации: 2009. Тип публикации: статья научного журнала.

<http://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-issledovaniya-starobryadchestva-v-sinodalnoy-tserkovnoy-istoriografii-posledney-treti-xix-nachala-hh-v>

(<http://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-issledovaniya-starobryadchestva-v-sinodalnoy-tserkovnoy-istoriografii-posledney-treti-xix-nachala-hh-v>)

[Показать заимствования \(10\)](#)

0.75%

7. Музейный комплекс Казанской духовной академии (1842-1921 гг.)
(<http://vak2.ed.gov.ru/idcUploadAutoref/renderFile/103164>)

Авторы: Лобачева Елена Эдуардовна.

Год публикации: 2012. Тип публикации: автореферат диссертации.

<http://vak2.ed.gov.ru/idcUploadAutoref/renderFile/103164>

(<http://vak2.ed.gov.ru/idcUploadAutoref/renderFile/103164>)

[Показать заимствования \(10\)](#)

0.58%

8. Музейный комплекс Казанской духовной академии
(<http://dlib.rsl.ru/loader/view/01005048409?get=pdf>)

Авторы: Лобачева, Елена Эдуардовна.

Год публикации: 2012. Тип публикации: автореферат диссертации.

<http://dlib.rsl.ru/loader/view/01005048409?get=pdf> (<http://dlib.rsl.ru/loader/view/01005048409?get=pdf>)

[Показать заимствования \(10\)](#)

0.44%

9. «Историко-богословская революция» в высшей духовной школе России
(<http://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-bogoslovskaya-revolyutsiya-v-vysshey-duhovnoy-shkole-rossii>).

Авторы: Сухова Наталья Юрьевна.

Год публикации: 2013. Тип публикации: статья научного журнала.

<http://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-bogoslovskaya-revolyutsiya-v-vysshey-duhovnoy-shkole-rossii>

(<http://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-bogoslovskaya-revolyutsiya-v-vysshey-duhovnoy-shkole-rossii>)

[Показать заимствования \(9\)](#)

0.42%

[Дополнительно](#)

[Общеизвестные фрагменты](#)

[Значимые оригинальные фрагменты](#)

[Библиографические ссылки](#)

[Искать в Интернете](#)

© 2015 2019 Институт системного анализа Российской академии наук (<http://www.isa.ru/index.php?lang=ru>)